

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Том 26. Выпуск 1

Санкт-Петербург
2023

Россия в глобальном мире

Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д.ист.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **ответственный редактор**;

Вуйтович Б. – д.пед.н., профессор (Краковский педагогический университет им. Комиссии Народного Образования, г. Краков, Польша);

Гафаров М. – д.ю.н., профессор (Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан);

Гюнеш Д. – к.полит.н. (Норвежский университет естественных наук и технологии, г. Тронхейм, Норвегия);

Калайникова Н.П. – д.полит.н., профессор (Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Кефели И.Ф. – д.филос.н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Лисеев И.К. – д.филос.н., главный научный сотрудник (Институт философии Российской Академии Наук, г. Москва, Россия);

Лю Шицизи – Генеральный секретарь Западного исследовательского центра развития (Сычуаньская академия социальных наук; г. Сычуань, Китай);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия);

Муза Д.Е. – д.филос.н., профессор (Донецкий национальный университет, г. Донецк, Донецкая Народная Республика);

Оспанова А.Н. – PhD (Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева; г. Астана, Казахстан);

Отт М. – PhD, профессор (Льежский университет, г. Льеж, Бельгия);

Петров А.Н. – профессор (Университет Северной Айовы, г. Сидар-Фоллз, США);

Пинсон Ж. – PhD, директор Национального центра истории (Совместное исследовательское подразделение, г. Тулуза, Франция);

Русакович А.В. – д.ист.н., профессор (Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь);

Сидорчук И.В. – к.ист.н., доцент (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Табарев А.В. – д.ист.н., доцент (Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук; г. Новосибирск, Россия);

Бахтуридзе З.З. – д.полит.н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены исследовательские статьи, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (по номенклатуре специальностей ВАК):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения);

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история, 5.6.4. Этнология, антропология и этнография, 5.6.6. История науки и техники, 5.6.7. История международных отношений и внешней политики);

5.4. Социология (5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5. Политическая социология; 5.4.6. Социология культуры).

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала - создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями, между специалистами и молодыми исследователями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций №, принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ).

В состав Редколлегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые.

Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

ИНДЕКСАЦИЯ: сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ).

ISSN 2304-9472; ISSNе 2949-3501

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2023

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

Volume 26. Issue 1

Saint Petersburg
2023

Russia in the Global World

Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Associate Editor**;

Bożena E. Wójtowicz – Doctor of Education, Professor (*Pedagogical University of Cracow, Cracow, Poland*);

Qafarov Midhad – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Gunes Dilan – PhD in Political Sciences (*Norwegian University of Science and Technology, Trondheim, Norway*);

Natalya P. Kalashnikova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint Petersburg, Russia*);

Igor' K. Liseev – Doctor of Philosophy (*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*);

Shijing Liu – Secretary General of the Western Development Research Center (*Sichuan Academy of Social Sciences, Sichuan, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Dmitry E. Muza – Doctor of Philosophy, Professor (*Donetsk National University; Donetsk, Donetsk People's Republic*);

Aigerim N. Ospanova – Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Otte Marcel – Professor (*University of Liege, Liège*);

Andrey N. Petrov – Professor (*University of Northern Iowa; Cedar Falls, USA*);

Pinçon Geneviève – Doctor of History, Director of National Center of Prehistory (*UMR (unité mixte de recherche) TRACES, Toulouse, France*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – PhD in History (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*);

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*).

“*Russia in the Global World*” is a quarterly peer-reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations);

5.6. Historical sciences (5.6.1. Domestic History, 5.6.2. General History, 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography, 5.6.6. History of Science and Technology, 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy);

5.4. Sociology (5.4.4. Social Structure, Social Institutions and Processes; 5.4.5. Political sociology; 5.4.6. Sociology of Culture).

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science, elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration “Ethical Principles of Scientific Publications” No. adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database “Russian Science Citation Index” (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library <http://www.elibrary.ru>, on the scientific platform Open Access “CyberLeninka” and the Russian State Library (RSL).

ISSN 2304-9472; ISSN e 2949-3501

Founder and publisher: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University
Editorial address: Grazhdansky pr., 28, Saint Petersburg, 195220, Russia

© Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

<i>Матвеевская А.С., Соколовская Д.А.</i> Перспективы развития экологического сотрудничества Дальнего Востока и стран АТР	7
<i>Ли Цзылин.</i> Анализ китайско-индонезийского экономического и торгового сотрудничества	20
<i>Байрамлы Н.С.</i> Российско-азербайджанские отношения как пример многостороннего сотрудничества	31
<i>Ван Тенфей.</i> Политика Индии в Южно-Китайском море: перестройка и трансформация	41

Общество и политика

<i>Киселева А.Р.</i> Политика «нулевого ковида» Китайской Народной Республики в дискурсе китайских и западных СМИ	51
<i>Лю Хаовэнь.</i> Роль сборника цитат «Мысли Мао Цзэдуна» во внешней политике Китая.....	67
<i>Ван Яньхун.</i> Предложения по содействию строительства Центра обмена иностранной валюты «Один пояс, один путь» в регионе Чэнду-Чунцин	83

Страны, народы и культуры

<i>Соколовский В.А., Ковалёва Н.Н.</i> Actio in distans: южноамериканские исследования в отечественной археологии. Часть I	96
<i>Дуганов Г.С.</i> Дачный район побережья Финского залива как пространство кросс-культурного взаимоотношения (1899–1914 гг.)	118
<i>Рамазанова Ш.</i> Личность и история в романах о переломных эпохах (Ж. Санд, И. Тургенев, Р.Н. Гюнтекин)	136
<i>Розова Н.К., Абабкова М.Ю.</i> Метод айтрекинга в исследовании распознавания исторических личностей различными возрастными группами	147

Евразийская интеграция

<i>У Цзыхао.</i> Возможности и проблемы в торгово-экономической сфере Малайзии в контексте современного восточноевропейского конфликта	159

CONTENTS

International Relations

<i>Matveevskaya, A.S., Sokolovskaya, D.A.</i> Prospects for the Development of Environmental Cooperation Far East and Countries of Asia Pacific Region ...	7
<i>Li Ziling.</i> Analysis of China-Indonesia Economic and Trade Cooperation	20
<i>Bayramli, N.S.</i> Russian-Azerbaijani Relations as an Example of Multilateral Cooperation	31
<i>Wang Tengfei.</i> India's South China Sea Policy Actions: Adjustment and Transformation	41

Society and Politics

<i>Kiseleva, A.R.</i> The “Zero-COVID” Policy of the People's Republic of China in the Discourse of Chinese and Western Media	51
<i>Liu Haowen.</i> The Role of the Collection of Quotes "Thoughts of Mao Zedong" in China's Foreign Policy	67
<i>Wang Yanhong.</i> Suggestions for Countermeasures to Promote the Construction of a "Belt and Road" Foreign Exchange Centre in the Chengdu-Chongqing Region	83

States, Nations and Cultures

<i>Sokolovsky, V.A. Kovaleva, N.N.</i> Actio in Distans: South American Studies in Russian Archaeology. Part I.	96
<i>Duganov, G.S.</i> Dacha Area of the Coast of the Gulf of Finland as a Space of Cross-Cultural Relationship (1899–1914)	118
<i>Ramazanova, S.</i> The Individual and History in Novels about Turning Eras (G. Sand, I. Turgenev, R.N. Güntekin)	136
<i>Rozova, N.K., Ababkova, M.Y.</i> Eye Tracking as a Tool to Investigate Recognition of Historical Personalities by Different Age Groups	147

Eurasian Integration

<i>Wu Zihao.</i> Opportunities and Challenges in Malaysia's Economic and Trade Field in the Context of the Eastern European Conflict	159

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

научная статья

УДК: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.1

Перспективы развития экологического сотрудничества Дальнего Востока и стран АТР

Матвеевская Анна Сергеевна ✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
✉ AnnaMatveevskaya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2056-5557>

Соколовская Дарья Александровна

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
st087092@student.spbu.ru

***Аннотация.** В связи с изменениями в международной обстановке и введёнными санкциями, Россия оказалась в частичной изоляции, поскольку многие экологические проекты приостановились, развитие экологического сотрудничества отчасти потеряло свой потенциал развития. Но приспособившись к новой международной ситуации, Россия начала активно сотрудничать с азиатскими и ближневосточными соседями, что, действительно, может послужить началу новой страницы в российской истории международного экологического сотрудничества. Потеря поддержки европейских стран, которые являются наиболее компетентными в решении экологических проблем, пагубно скажется на состоянии окружающей среды России в будущем. У регионов Дальнего Востока РФ, появляется шанс расширить сотрудничество с азиатскими соседями, и возможность найти наиболее эффективные способы разрешения экологических вопросов. Предлагаемая публикация посвящена международному экологическому сотрудничеству Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона на примере Китая и Японии. В статье отражены история развития сотрудничества и актуальные точки соприкосновения сторон в экологической сфере, оценивается их актуальность и важность, характер политики стран по данному вопросу. Ознакомившись с основными государственными документами, официальными сайтами проектов и мероприятий, авторы делают вывод, что в экологической сфере Дальний Восток России преимущественно активно сотрудничает с такими странами, как Китай и Япония. Отмечается, что менее эффективно ведутся переговоры и заключаются договорённости с остальными странами АТР. Результативность международной*

экологической кооперации Дальнего Востока России авторы оценивают удовлетворительно, поскольку демонстрируется активная работа по выполнению международных планов, проектов и мероприятий. Но авторы убеждены, что данное сотрудничество исчерпало лишь малую часть своего потенциала. Установлено и то, что не во всех регионах Дальневосточного федерального округа ведётся международное сотрудничество: в докладах Минприроды РФ об экологической ситуации в большинстве регионов не освещается международная деятельность. Статья подчёркивает результативность и перспективы дальнейшего сотрудничества Дальнего Востока и стран АТР.

Ключевые слова: международное экологическое сотрудничество; экологические проекты; Азиатско-Тихоокеанский регион; Дальний Восток России; водные ресурсы; река Амур

Для цитирования: Матвеевская А.С., Соколовская Д.А. Перспективы развития экологического сотрудничества Дальнего Востока и стран АТР // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 7–19. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.1.

© Матвеевская А.С., Соколовская Д.А., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.1

Prospects for the Development of Environmental Cooperation Far East and Countries of Asia Pacific Region

Anna S. Matveevskaya ✉

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

✉ AnnaMatveevskaya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2056-5557>

Daria A. Sokolovskaya

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

st087092@student.spbu.ru

Abstract. *Due to the international situation and the sanctions imposed by European and Western countries, Russia found itself in partial isolation, since many environmental projects were suspended, respectively, the development of environmental cooperation partially lost its potential. But adapting to the international situation, Russia has begun to actively cooperate with its Asian and Middle Eastern neighbors, which, indeed, can serve as the beginning of a new page in the Russian history of international environmental cooperation. Of course, the loss of support from European countries, which are the most competent in solving environmental problems, will adversely affect the state of the Russian environment. But here Russia, especially the Far East, has a chance to expand cooperation with its Asian neighbors and the opportunity to find the most effective ways to resolve environmental issues. The proposed publication is devoted to international environmental cooperation between the Russian Far East and the countries of the Asia-Pacific region on the example of China and*

Japan. The article reflects the current points of contact between the parties in the environmental sphere, their importance is assessed. The genesis of the environmental cooperation of the Far East with China and Japan is also traced. The nature of the countries' policies on this issue is assessed. In addition, the most important areas of interaction between the parties for the resolution of environmental problems are determined. After reviewing the main state documents, official websites of projects and events, the authors conclude that in the environmental sphere, the Russian Far East mainly cooperates with countries such as China and Japan. The article emphasizes that countries are aware of the interdependence in this area and its importance. Negotiations and agreements are being concluded with the rest of the Asia-Pacific countries less effectively. The authors assess the effectiveness of the international environmental cooperation of the Russian Far East satisfactorily, since active work on the implementation of international plans, projects and events is demonstrated. But the authors are convinced that this cooperation has exhausted only a small part of its potential. It is also important that international cooperation is not conducted in all regions of the Far Eastern district: in reports on the environmental situation in most regions, ministries do not cover international activities. The article emphasizes the effectiveness and prospects of further cooperation between the Far East and the Asia-Pacific countries.

Keywords: international environmental cooperation; environmental projects; Asia Pacific region; Far East of Russia; water resources; Amur river

For citation: Matveevskaya, A.S., Sokolovskaya, D.A. Prospects for the Development of Environmental Cooperation Far East and Countries of Asia Pacific Region. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 7–19. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.1.

© Matveevskaya, A.S., Sokolovskaya, D.A., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В последнее время многие страны всё больше внимания уделяют вопросам экологической кооперации со своими соседями и в целом с другими странами. Действительно, экологическая повестка в настоящее время всё чаще становится неотъемлемой частью внешней политики стран, их законодательства. Это объясняется рядом причин. Во-первых, ещё в 1972 г. на конференции ООН обсудила и приняла концепцию устойчивого развития, где также впервые были утверждены принципы сохранения окружающей среды, и, конечно, это дало мощный толчок для развития экологического сотрудничества: мировое сообщество не могло остаться в стороне. Во-вторых, многочисленные техногенные катастрофы, потребительское отношение к невозобновляемым природным ресурсам, загрязнение окружающей среды – всё это нарушает качество жизни населения, подрывает экологическую безопасность. Осознавая всё вышесказанное, экологическое международное сотрудничество стало

важной составляющей политики регионов. Нужно подчеркнуть, что более эффективное партнерство отмечается между соседними государствами, зачастую они имеют какие-то общие природные объекты, требующие специального надзора с обеих сторон для сохранения стабильного существования экосистем [1]. Более того, загрязнение атмосферы из-за различных выбросов влияет на качество воздуха всех близлежащих стран, что, соответственно, делает их взаимозависимыми и стимулирует экологическое взаимодействие между ними.

Материалы и результаты исследования

Не менее важным является анализ экологических связей субъектов Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Так, администрация Приморского края подчёркивает в документах ценность сотрудничества с иностранными партнёрами в сфере охраны окружающей среды [2]. Дальний Восток России действительно является важным регионом страны, когда речь идёт о решении экологических проблем. Необходимо подчеркнуть географическое положение округа: большая часть регионов омывается Тихим океаном, и на эту территорию приходится огромное количество водных ресурсов и объектов, которые нужно охранять, изучать, предотвращать их загрязнение. Это же касается богатства животного мира Дальневосточного федерального округа. Несмотря на всё вышесказанное, экологическая обстановка в регионе остаётся не самой лучшей по сравнению с другими регионами страны [3]. Таким образом, основная проблема для Амурской области – это угольный смог из-за нарушений технологий обработки угля. Огромная проблема для всего округа – это низкая развитость очистительных сооружений, поэтому отходы производства сливаются в реки и моря; водные ресурсы зачастую загрязняются нефтью из-за халатного отношения работников. Что касается твёрдых отходов, отмечается неразвитость системы переработки отходов, что приводит к увеличению количества и объёмов свалок. Так, некоторые порты региона переполнены непригодными судами и другим оборудованием, это связано с недостаточным финансированием для решения этой проблемы. Обостряется незаконная вырубка лесов, что приводит к дефициту лесных ресурсов в регионе и к увеличению количества природных катаклизмов.

Необходимо подчеркнуть значимость сотрудничества по определённым экологическим вопросам между этими двумя регионами. Во-первых, остро стоит вопрос водных ресурсов, поскольку потребление и качество воды варьируется в разных государствах. Во многих странах АТР превышен уровень нормы потребления. К ним относят КНДР, Японию, Китай, Таиланд [4]. Подобная нагрузка на водные ресурсы провоцирует конфликтные ситуации между странами и потребительское отношение к исчерпываемому ресурсу. Так, например, Россия и Китайская Народная Республика имеют конфликт в водопользовании реки Амур. Но несмотря на это в стратегии экономического развития Хабаровского края до 2025-го г. прописан ряд инициатив по сотрудничеству на Амуре с Китаем. Например, совместный мониторинг вод реки, создание стационарных постов на границе [5]. Во-вторых, актуальным является предотвращение загрязнения побережий Северо-Западной части Тихого океана искусственными отходами. Страны Северо-Восточной Азии (Япония, КНР, Республика Корея) реализуют проекты, направленные на мониторинг загрязнения побережий. В-третьих, большое внимание уделяется исследованию биоразнообразия побережий, международные проекты в этой области способствуют сохранению и охране биологического разнообразия, происходят новые открытия в научной области и укрепляется осведомлённость населения об охране окружающей среды. Кроме того, уделяется большое внимание экологическому просвещению населения; однако, в меньшей мере учитывается охрана лесных ресурсов, внедрения экологических технологий, утилизация различных отходов. Поэтому необходимо развивать сотрудничество в обращении с лесными ресурсами, во внедрении совместными усилиями новейших очистительных сооружений, в изучении и применении технологий, которые помогут предотвращать экологические катастрофы. Важной сферой для кооперации является совместный мониторинг состояния воды, воздуха и почвы, а также развитие согласованной переработки отходов. Таким образом, можно реализовать программу по коллективной переработке военно-морского оборудования.

Взаимоотношения с Китаем в сфере охраны окружающей среды впервые официально оформились в 1994 г. с подписанием соглашения об охране рек Амур и Уссури. Затем последовал виток соглашений по охране

амурского тигра, предотвращению лесных пожаров и так далее [6]. На новый уровень отношения выходят в 2001 г. Обе стороны признают в целом важность экологического сотрудничества, заключив ряд соглашений. Эти соглашения несли в себе исключительно нормативный характер, но уже в 2005 г., когда на двух китайских предприятиях случились аварии, и множество ядовитых веществ оказалось в реках, что стало угрозой загрязнения Японского и Охотского морей, обе стороны задумались о более практичных действиях в сфере экологического сотрудничества [7]. Впервые реальные шаги сторон были предприняты в 2007 г., когда страны вместе провели мониторинг качества реки Аргунь. Китай строил очистительные сооружения для снижения вреда прошедших аварий, но более практичного в отношении сторон в сфере охраны окружающей среды на Дальнем Востоке не происходило.

Китай является самым главным импортёром леса России, и это, в свою очередь, препятствует развитию экологического взаимодействия стран [8]. Большие объёмы леса вывозятся с территорий Дальнего Востока легально и нелегально. Страны ограничиваются сотрудничеством по охране водных ресурсов, хотя существует большое количество других проблем. Нужно отдать должное, страны стараются принимать конкретные решения в любом случае. Так, в 2016 г. была окончательно создана сеть из 28-ми заповедников вокруг р. Амур. Но возникает проблема, поскольку в Китае заповедники слабо защищены, что ставит под сомнение эффективность предпринятых мер. Сейчас страны продолжают проводить совместный мониторинг качества водных объектов, но активного сотрудничества не наблюдается. Например, в 2018 г. совместно с китайским Министерством экологии и окружающей среды было решено ежегодно проводить встречи, посвящённые изучению экологического законодательства как Китая, так и России [9]. Для этого стороны специально занимаются переводом экологического законодательства на родные языки и в конце печатают книги. Более того, существует Экологический совет китайско-российского Комитета дружбы, где страны изучают экологические проблемы друг друга и ищут пути их совместного разрешения. Также развивается китайско-российское сотрудничество по экспорту зелёной энергетики. В декабре 2021 г. Россия и Китай подписали соглашение о ежегодном экспорте 4 миллиардов кВт ч. Китайская сторона

заявила о том, что уже готовится строить в г. Благовещенске (Амурская область) ветропарк, электрическая энергия которого будет экспортироваться в Китай.

Сотрудничество регионов Дальнего Востока с Японией немного отличается от Китая, поскольку для Японии экологические проблемы намного приоритетнее, и страна проводит в корне отличную от Китая политику. Необходимо учитывать уровень развитости новейших технологий в Японии – здесь находится одна из самых развитых технологических баз в мире. Именно этот факт затрудняет развитие взаимоотношений Японии и регионов Дальнего Востока, поскольку Россия не имеет аналогичных технологий и финансирование этой сферы неэффективно. Но нельзя исключать тот факт, что страны, имея общие интересы в охране окружающей среды, могут найти компромиссы и возможности реализовывать совместные проекты.

Экологическое сотрудничество Дальнего Востока России и Японии берёт своё начало в 1993 г., когда российский флот сбросил 800 тонн радиоактивных отходов в Японское море, что негативно сказалось на акватории водоёма, биоте и населении [10]. Власти Японии были озадачены подобной катастрофой, и нашли единственный выход, чтобы предотвратить такие ситуации в дальнейшем. Было решено наладить взаимодействие в сфере экологической безопасности по вопросу захоронения радиоактивных отходов. Эта кооперация продолжается до сих пор. Но здесь возникает проблема, поскольку у России отсутствует официальное обязательство информировать Японию о транспортировке атомных подлодок и другого радиоактивного оборудования, хотя Япония готова помогать в их утилизации. Ухудшает ситуацию тот факт, что обе страны имеют территориальные споры, и между ними всё ещё не заключён мирный договор. Но уже в 2009 г. стороны подписали Программу сотрудничества между Правительством Российской Федерации и Правительством Японии в сопредельных районах двух государств в сфере изучения, сохранения и рационального устойчивого использования экосистем. В данной программе предполагается осуществлять совместные исследования, мониторинг морских и наземных экосистем с дальнейшей публикацией отчётов.

Перспективной сферой для сотрудничества стран является топливно-энергетический комплекс (ТЭК), так как для Японии очень выгодно инвестировать в эту отрасль именно на Дальнем Востоке из-за близости территорий и относительной дешевизны внедрения в российский ТЭК новых экологически чистых технологий для транспортировки и получения энергоресурсов [11]. Так, например, «Газпром» взаимодействует с двумя японскими компаниями в утилизации нефтяного попутного газа на месторождениях с 2010 г. Mitsubishi ведёт координацию проекта. Кроме того, страны поддерживают связь по охране перелётных птиц и изучению биологического разнообразия побережий. Также проводится множество совместных просветительских мероприятий. Страны регулярно осуществляют мониторинг загрязнённости смежных водных объектов.

Диалог сторон продолжается и на международных платформах. Например, в сентябре 2021 г. на VI Восточном экономическом форуме (ВЭФ) Россия и Японии договорились о кооперации в сфере экологических технологий. Были подписаны договоры по сотрудничеству в сфере альтернативных источников энергии (меморандум о сотрудничестве между газовой компанией России «Новатэк» и Министерством промышленности Японии). Стороны обязались проводить исследования и стимулировать разработку технологий снижения выделения углекислого газа в атмосферу. В целом, Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации (Минприроды России) по последним результатам переговоров в рамках экологического сотрудничества Японии и российского Дальнего Востока положительно оценивает перспективы развития отношений [12].

Актеры, принимающие участие в развитии экологических связей, не отличаются разнообразностью. Свой вклад вносят как государственные структуры, так и негосударственные. Министерства и региональные комиссии регулярно проводят встречи с иностранными партнёрами, где обсуждают результаты и важность кооперации. Крупные транснациональные компании, такие как «Газпром», ведут свою деятельность при поддержке иностранных партнёров для обеспечения экологической безопасности. Что касается негосударственных акторов, то некоторые общественные организации имеют различные проекты с азиатскими странами. Так, Межрегиональная общественная организация

Дальневосточная экологическая комиссия имеет международные проекты по устойчивому развитию сельского хозяйства, а также по выпуску экологически безопасной сельскохозяйственной продукции [13]. Кроме того, развиваются международные связи дальневосточных заповедников. Болоньский заповедник, расположенный в Хабаровском крае, в 2000 г. начал сотрудничество с японскими учёными префектуры Хёго по изучению уникальности флоры и фауны заповедника [14], до сих пор заповедник является площадкой международных исследований и установления экологических связей стран АТР.

Заключение

Следует отметить, что насущные проблемы Дальнего Востока остаются нерешёнными: вырубка лесов, загрязнение воздуха, водных ресурсов, нехватка очистительных сооружений. Конечно, предпринимаются меры для улучшения экологической ситуации на Дальнем Востоке путём взаимодействия со странами АТР. Япония предоставляет экологически чистые инновации, которые в разы сокращают выбросы CO². Страны АТР оказывают большую поддержку в мониторинге качества воды и воздуха, чтобы избежать критических ситуаций. Стороны также помогают друг другу в случае техногенных катастроф и других, нарушающих экосистемы аварий, что способствует более устойчивому развитию Дальневосточного федерального округа, несмотря на то что далеко не весь потенциал экологического сотрудничества исчерпан.

Оценивая потенциал экологического взаимодействия регионов Дальнего Востока и стран АТР, необходимо учитывать интересы сторон. Россия и Китай входят в пятёрку стран с наибольшим выбросом углекислого газа в атмосферу, это объясняется тем, что эти страны явным приоритетом считают экономическое развитие, даже если порой нужно жертвовать экологической составляющей. Китай несколько раз из-за халатности работников являлся виновником загрязнения реки Амур. В России, по недавним новостям, в первом чтении Государственная дума приняла законопроект о застройке заповедных территорий. Безусловно, и Россия, и Китай имеют огромные перспективы в развитии экологических связей, учитывая их возможности и взаимозависимость, но до тех пор, пока их политика не будет обращать внимание на экологические

проблемы, не стоит ожидать какого-то более продуктивного взаимодействия.

На данном этапе в связи с коронавирусной инфекцией Китай пересматривает свою политику и для обеспечения безопасного образа жизни населения и соседей чаще обращается к важности экологического сотрудничества с соседями. В первую очередь, наибольшим потенциалом обладает программа мониторинга и очищения водных ресурсов трансграничных территорий [15]. Действительно ценный вклад в экологию России делает Япония, проводя совместные исследования, наблюдения, поддерживая Дальний Восток инновационными разработками и их внедрением в экономику региона. Необходимо подчеркнуть, что Япония, в отличие от Китая, занимает более радикальную позицию по действиям России в Украине. Поэтому Япония ввела объёмные пакеты санкций в отношении России, что сказалось и на экологическом взаимодействии стран. Несмотря на это, существующие связи между странами дают свои плоды, и удаётся поддерживать некоторые важнейшие экологические инициативы, которые были описаны ранее. Это же относится и к Китаю, Титова Ксения Руслановна стране с явным экономическим приоритетом в политике, которой удаётся параллельно развивать экологическое сотрудничество с Россией в приоритетных сферах.

В дальнейшем потребуются более активные действия с обеих сторон для продуктивного взаимодействия в природоохранной сфере. Нужно подчеркнуть, что регулярные встречи представителей способствуют развитию сотрудничества, и эта уже является большим шагом на пути к более плодотворному сотрудничеству.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барашева Е.В., Лепя Т.П. Проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 15–22.
2. Доклад об экологической ситуации в Приморском крае в 2020 году // Официальный сайт Правительства Приморского края: [сайт]. URL: [https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/environment/protivodeystvie-korruptsii/ДОКЛАД%20об%20экологической%20ситуации%20в%20Приморском%20крае%20\(2020%20год\).pdf](https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/environment/protivodeystvie-korruptsii/ДОКЛАД%20об%20экологической%20ситуации%20в%20Приморском%20крае%20(2020%20год).pdf) (дата обращения: 25.10.2022).
3. Попова И.В. Сотрудничество России и Китая в сфере экологии и добычи природных ресурсов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 4 (26). С. 28–33.

4. Российский Дальний Восток в АТР: водные ресурсы и проблемы водопользования // Экологическая сеть «ЭКОДЕЛО»: [сайт]: URL: https://ecodelo.org/14962-rossiiskii_dalnii_vostok_v_atr_vodnye_resursy_i_problemy_vodopolzovaniya-prirodopolzovanie (дата обращения: 17.10.2022).
5. Кондратенко Г.В. Проблемы и возможности трансграничного сотрудничества Китая и России в сфере экологии // Известия Восточного института. 2017. № 2 (34). С. 40–58.
6. Носова С.Ф. Россия – Китай: правовое регулирование отношений природопользования в бассейне реки Амур // Власть и управление на Востоке России. 2007. №3 (40). С. 133–140.
7. Ван Цзюньтао, Любина Д.Е. Транс-тихоокеанское партнерство: история поэтапного развития региональной интеграции в АТР // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т.8. № 1. С. 113–122.
8. Плотникова Ю.А., Тарасова Е.А. Эколого-правовая составляющая энергетического сотрудничества Российской Федерации в Азиатско-тихоокеанском регионе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 191–196.
9. Емельяненко Е.О. Взаимодействие России и Китая на Дальнем Востоке: взаимовыгодное сотрудничество или проблема? // Инязовские чтения. Сборник научных статей Первой международной научно-практической конференции Совета молодых ученых МГЛУ. Отв. Редактор О.К. Ирисханова. М. 2022. С. 179–183.
10. Клоков Н.С. Экологическая безопасность Северо-Восточной Азии через призму российско-японских отношений // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 92. С. 65–68.
11. Щербаков Д.А. Инвестиционное сотрудничество России и Японии на российском Дальнем Востоке: перспективы развития // Проблемы Дальнего Востока. 2011. №3. С. 86–100.
12. Россия и Япония намерены развивать сотрудничество в природоохранной сфере. 15.10.2020 // Официальный сайт Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/rossiya_i_yaponiya_namereny_razvivat_sotrudnichestvo_v_prirodookhrannoy_sfere/ (дата обращения: 21.10.2022).
13. Дальневосточная экологическая комиссия. Экологическая правозащитная благотворительная НКО: [сайт]. URL: <https://ngofeec.com/> (дата обращения: 18.10.2022).
14. Абабкова Н.Н., Бриль А.В. Международное сотрудничество Болоньского заповедника по реализации межгосударственных программ по охране окружающей среды // Общество: философия, история, культура. 2020. № 6(74). С. 82–87. DOI: 10.24158/fik.2020.6.15.
15. Чжан Мэй. Состояние и перспективы трансграничного сотрудничества в области охраны окружающей среды между Китаем и Россией // Известия Восточного института. 2019. № 3. С. 110–115. DOI: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/110-115](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/110-115).

REFERENCES

1. Barasheva Ye.V., Lepa T.P. Problemy i perspektivy transgranichnogo sotrudnichestva [Problems and Prospects of Cross-Border Cooperation]. *Rossiysko-kitayskiye issledovaniya*. 2019. T. 3. № 1. S. 15–22. (In Russ.).

2. Doklad ob jekologicheskoj situacii v Primorskom krae v 2020 godu [Report on the Environmental Situation in Primorsky Krai in 2020]. *Oficial'nyj sajt Pravitel'stva Primorskogo kraja*. Available at [https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/environment/protivodeystvie-korrupsii/ДОКЛАД%20об%20экологической%20ситуации%20в%20Приморском%20Крае%20\(2020%20год\).pdf](https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/environment/protivodeystvie-korrupsii/ДОКЛАД%20об%20экологической%20ситуации%20в%20Приморском%20Крае%20(2020%20год).pdf) (accessed: 25.10.2022). (In Russ.).
3. Popova I.V. Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v sfere ekologii i dobychi prirodnykh resursov [Cooperation between Russia and China in the Field of Ecology and Extraction of Natural Resources]. *Yevraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. 2018. № 4(26). S. 28–33. (In Russ.).
4. Rossijskij Dal'nij Vostok v ATR: vodnye resursy i problemy vodopol'zovanija [The Russian Far East in the Asia-Pacific Region: Water Resources and Water Use Problems]. *Jekologicheskaja set' «JeKODELO»*. Available at https://ecodelo.org/14962-rossiiskii_dalnii_vostok_v_atr_vodnye_resursy_i_problemy_vodopolzovaniya-prirodopolzovanie (accessed: 17.10.2022). (In Russ.).
5. Kondratenko G.V. Problemy i vozmozhnosti transgranichnogo sotrudnichestva Kitaya i Rossii v sfere ekologii [Problems and Opportunities of Cross-Border Cooperation between China and Russia in the Field of Ecology]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2017. № 2 (34). S. 40–58. (In Russ.).
6. Nosova S.F. Rossiya – Kitay: pravovoye regulirovaniye otnosheniy prirodopolzovaniya v bassejne reki Amur [Russia-China: Legal Regulation of Environmental Management Relations in the Amur River Basin]. *Vlast i upravleniye na Vostoke Rossii*. 2007. №3 (40). S. 133–140. (In Russ.).
7. Van Tszyuntao, Lyubina D.Ye. Trans-tikhookeanskoye partnerstvo: istoriya poetapnogo razvitiya regionalnoy integratsii v ATR [Trans-Pacific Partnership: the History of the Gradual Development of Regional Integration in the Asia-Pacific Region]. *Problemy postsovet'skogo prostranstva*. 2021. T.8. № 1. S. 113–122. (In Russ.).
8. Plotnikova Yu.A., Tarasova Ye.A. Ekologo-pravovaya sostavlyayushchaya energeticheskogo sotrudnichestva Rossiyskoy Federatsii v Aziatsko-tikhookeanskom regione [Ecological and Legal Component of Energy Cooperation of the Russian Federation in the Asia-Pacific Region]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2016. № 5(112). S. 191–196. (In Russ.).
9. Yemelyanenko Ye.O. Vzaimodeystviye Rossii i Kitaya na Dalnem Vostoke: vzaimovygodnoye sotrudnichestvo ili problema? [Interaction between Russia and China in the Far East: Mutually Beneficial Cooperation or a Problem?]. *Inyazovskiy chteniye. Sbornik nauchnykh statey Perpvoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii Soveta molodykh uchennykh MGLU*. Otv. Redaktor O.K. Iriskhanova. M. 2022. S. 179–183. (In Russ.).
10. Klovov N.S. Ekologicheskaya bezopasnost Severo-Vostochnoy Azii cherez prizmu rossiysko-yaponskikh otnosheniy [Environmental Security of Northeast Asia through the Prism of Russian-Japanese Relations]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 2009. № 92. S. 65–68. (In Russ.).
11. Shcherbakov D.A. Investitsionnoye sotrudnichestvo Rossii i Yaponii na rossiyskom Dalnem Vostoke: perspektivy razvitiya [Investment Cooperation between Russia and Japan in the Russian Far East: Development Prospects]. *Problemy Dalnego Vostoka*. 2011. №3. S. 86–100. (In Russ.).

12. Rossiya i Japoniya namereny razvivat' sotrudnichestvo v prirodoohrannoj sfere [Russia and Japan Intend to Develop Cooperation in the Environmental Sphere]. 15.10.2020. *Oficial'nyj sajt Ministerstva prirodnyh resursov i jekologii Rossijskoj Federacii*. Available at https://www.mnr.gov.ru/press/news/rossiya_i_yaponiya_namereny_razvivat_sotrudnichestvo_v_prirodookhrannoy_sfere/ (accessed: 21.10.2022). (In Russ.).
13. Dal'nevostochnaja jekologicheskaja komissija. Jekologicheskaja pravozashhitnaja blagotvoritel'naja NKO [Far Eastern Environmental Commission. Environmental and Human Rights Charitable NGO]. Available at <https://ngofeec.com/> (accessed: 18.10.2022). (In Russ.).
14. Ababkova N.N., Bril A.V. Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo Bolonskogo zapovednika po realizatsii mezhgosudarstvennykh programm po okhrane okruzhayushchey sredy [International Cooperation of the Bologna Nature Reserve on the Implementation of Interstate Environmental Protection Programs]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura*. 2020. № 6(74). S. 82–87. DOI: 10.24158/fik.2020.6.15. (In Russ.).
15. Chzhan Mey. Sostoyaniye i perspektivy transgranichnogo sotrudnichestva v oblasti okhrany okruzhayushchey sredy mezhdru Kitayem i Rossiyey [The State and Prospects of Cross-Border Cooperation in the Field of Environmental Protection between China and Russia]. *Izvestiya Vostochnogo instituta*. 2019. № 3. S. 110–115. DOI: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-3/110-115. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Матвеевская Анна Сергеевна – кандидат географических наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: AnnaMatveevskaya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2056-5557

Соколовская Дарья Александровна – студентка факультета международных отношений. Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: st087092@student.spbu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Matveevskaya Anna S. – Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Department of World Politics, of the Faculty of International Relations. Saint Petersburg State University.

E-mail: AnnaMatveevskaya@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2056-5557

Sokolovskaya Daria A. – Student of the Faculty of International Relations. Saint Petersburg State University.

E-mail: st087092@student.spbu.ru

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.11.2022. Одобрена после рецензирования 22.12.2022. Принята 12.01.2023.
Received 25.11.2022. Approved after reviewing 22.12.2022. Accepted 12.01.2023.*

research article

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2

Analysis of China-Indonesia Economic and Trade Cooperation

Li Ziling ✉

Shenzhen University, Shenzhen, China

✉ 1506391366@qq.com

Abstract. *The world economy is in crisis amid the ongoing outbreak of the novel coronavirus. Countries are committed to seeking new development opportunities by strengthening regional cooperation. In recent years, China-Indonesia cooperation has been continuously strengthened. As the largest economy in Southeast Asia, Indonesia has great potential for development. Under the framework of the Belt and Road Initiative, it is believed that the economic and trade scope of the two sides will continue to expand. From the perspective of economy and trade, this paper will analyze the current situation of China-Indonesia cooperation in trade, digital economy and cooperation mechanism, put forward the problems that hinder the development of economic and trade cooperation between the two countries, and further explore the future development path of cooperation between the two countries. According to the research, the trade scale between China and Indonesia has been expanding and the cooperation in the field of digital economy is close. However, there is a certain gap in the development level of the economy and trade between the two countries. In the future, the two countries will take advantage of the Regional Comprehensive Economic Partnership opportunity to further strengthen the coordination of their policies.*

Keywords: Belt and Road Initiative; digital economy; trade scale; strategic cooperation; China; Indonesia

For citation: Li Ziling. Analysis of China-Indonesia Economic and Trade Cooperation. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 20–30. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.

© Li Ziling, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 339.9

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2

Анализ китайско-индонезийского экономического и торгового сотрудничества

Ли Цзылин ✉

Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь, Китай

✉ 1506391366@qq.com

Аннотация. *Мировая экономика остается в состоянии кризиса на фоне продолжающейся вспышки нового коронавируса. Страны стремятся найти новые*

возможности в области развития путем укрепления регионального сотрудничества. В последние годы постоянно укрепляется китайско-индонезийское сотрудничество. Как крупнейшая экономика в Юго-Восточной Азии, Индонезия имеет большой потенциал для развития. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» предполагается, что экономический и торговый охват обеих сторон будет продолжать расширяться. С точки зрения перспектив развития экономики и торговли в представленной статье будет проанализировано текущее состояние китайско-индонезийского сотрудничества в торговле, цифровой экономике и развитии механизмов сотрудничества. В статье предложены для обсуждения проблемы, которые препятствуют развитию экономического и торгового сотрудничества между двумя странами. Согласно полученным результатам исследования, масштабы торговли между Китаем и Индонезией расширяются, и сотрудничество в области цифровой экономики является наиболее тесным. Однако, автором отмечен и существующий определенный разрыв в уровне развития экономики и торговли между двумя странами. В будущем обе страны воспользуются возможностями регионального всестороннего экономического партнерства для дальнейшего укрепления координации своей политики.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс, один путь»; цифровая экономика; масштабы торговли; стратегическое сотрудничество; Китай; Индонезия

Для цитирования: Ли Цзылин. Анализ китайско-индонезийского экономического и торгового сотрудничества // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 20–30. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.2.

© Ли Цзылин, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

Indonesia is not only the largest economy of ASEAN, but also the initiator of China's "21st Century Maritime Silk Road". With the deepening connection between Indonesia's "the Global Maritime Fulcrum" concept and the Belt and Road initiative, the two countries are currently building a "Regional Comprehensive Economic Corridor". China and Indonesia signed a memorandum of cooperation on "Two Countries Twin Parks" in 2021 and launched a high-level dialogue and cooperation mechanism, which prompted the upgrading of China-Indonesia economic and trade cooperation and ushered in broad prospects.

Materials and Methods

This paper uses the literature research method and qualitative analysis method, understands the data acquisition method according to the past literature, and carries out a "qualitative" discussion on the prospects of cooperation between China and Indonesia. This paper selects the import and export volume

between China and Indonesia from 2012 to 2021, analyzes the trend of trade volume between the two countries in the past 10 years, obtains the types of goods traded between the two countries, and then obtains the trade structure between the two countries. At the same time, to obtain the cooperation projects and cooperation agreements signed by the two countries in recent years from the official channels, and analyze the strategic methods of deepening economic and trade cooperation between the two countries in the future.

Results of Research

Trade between China and Indonesia Expands

According to the National Bureau of Statistics data and China Customs data (see Fig. 1), the total import and export volume between China and Indonesia increased from \$ 66.234 billion in 2012 to \$ 124.57 billion in 2021, with an average annual growth of 5.91 %. Among them, China's imports from Indonesia increased from USD 31.951 billion to USD 63.923 billion, an average annual growth of 6.51 %. China's exports to Indonesia increased from USD 34.283 billion to USD 60.647 billion, with an average annual growth rate of 5.32 %. The import and export growth rate of China and Indonesia ranks first among ASEAN countries [1]. Although the slowdown in China's economic development in 2015 caused a significant decline in the trade volume between China and Indonesia, the trade volume between China and Indonesia accelerated from 2017 to 2019 [2]. In general, the number of trades between the two sides showed an upward trend. At present, China's imports from Indonesia are mainly raw materials and rough processing products, including lubricants, fossil fuels, related raw materials and manufactured goods classified according to raw materials. The four major categories of goods exported from China to Indonesia are transportation equipment and mechanical equipment, finished products classified according to raw materials, chemical finished products and related products, and miscellaneous products [3]. From the perspective of the commodity structure of Sino-Indonesian trade, the trade between the two sides belongs to inter-product trade, which is conducive to the realization of specialized division of labor.

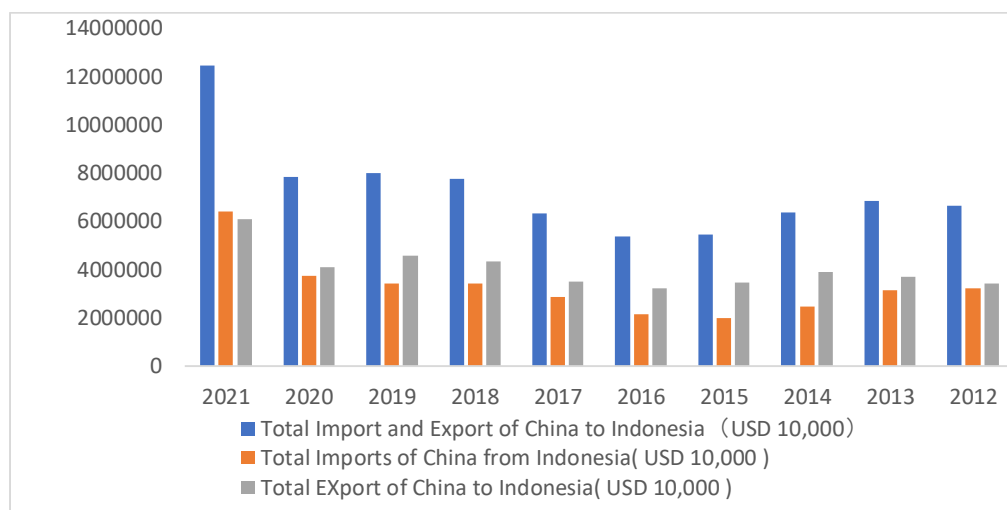

Fig. 1. Total Import and Export Trade between China and Indonesia 2012–2021
[Source: According to the National Bureau of Statistics and China Customs data statistics obtained]

Close Digital Economic Cooperation between the Two Countries

China's digital economic infrastructure construction and development is gradually improving, mainly reflected in the continuous expansion of the digital economy, the diversification of digital industry models, and the continuous introduction of relevant digital economic development policies. China's digital economy has a long history. In 2012, cloud computing was included in the 12th Five-Year National Strategic Emerging Industry Development Plan. Until the G20 Hangzhou Summit, it was proposed to upgrade the development of the digital economy into an international action strategy. These efforts have provided a strong guarantee for the smooth development of digital cooperation between China and Indonesia. Indonesia has shown strong development potential in the digital economy in recent years. The digital economy market is large and is gradually opening up to the outside world in the digital field. In 2020, the Indonesian Parliament passed the "Comprehensive Employment Creation Law" aimed at attracting investment, increasing employment opportunities and improving the business environment, which stipulates that the telecommunications and e-commerce industries are 100 % open to foreign investment. In order to gain a certain market share in the Southeast Asian economic market, Chinese enterprises have focused on Indonesia's digital economy. In mobile consumption and social software applications, China and Indonesia will face many opportunities for cooperation, and Chinese and Indonesian e-commerce companies can carry out investment cooperation projects. At present, China and Indonesia have carried out cooperation in online car-

hailing, online tourism, cloud computing center, e-commerce and other aspects. For example, Tencent Group acquired a stake in Indonesian delivery and ride-hailing service providers in 2017. Baidu and Indonesia Tourism Bureau have carried out strategic cooperation to help India's online travel, settled in China.

Bilateral Economic and Trade Cooperation Mechanism Deepening

The economic cooperation mechanism between China and India is improving and developing. So far, the two sides have a total of three trade cooperation frameworks, namely, jointly building the "Belt and Road", China-ASEAN Free Trade Area (CAFTA)¹ and Brunei Darussalam-Indonesia-Malaysia-Philippines East ASEAN Growth Area ("4+1"). The CAFTA framework was upgraded in 19 years. China and the six ASEAN countries (including Indonesia) have achieved zero tariffs on more than 90 % of their products, and are now trying to start building version 3.0 [4]. In July 2022, when the President of Indonesia Joko Widodo visited China, the two sides established the general direction of jointly building a community of shared destiny between China and Indonesia, renewed the memorandum of understanding on cooperation on the concept of "the Belt and Road" and "the Global Maritime Fulcrum", and completed projects such as the first flagship project of Jakarta-Bandung high-speed railway and "Regional Comprehensive Economic Corridor" and "Two Countries Twin Parks" [5]. Jakarta-Bandung high-speed railway connects the Indonesian capital Jakarta and Bandung. It is not only the first project of China's high-speed railway "going out", but also the first high-speed railway in Southeast Asia. It brings together multiple new models and new ideas of the "China Project", and localizes many cutting-edge technologies. As of now, the Jakarta-Bandung high-speed railway is expected to start operating in mid-2023. If it can be opened on schedule, it will drive economic growth along the line and bring more opportunities for cooperation in many fields between the two countries, especially in the field of production capacity and infrastructure construction [6].

Main Problems in China-Indonesia Economic and Trade Cooperation

1. China's Trade Surplus with Indonesia is Widening

China's export trade volume to Indonesia is growing, and Indonesia's import volume to China is greater than its export volume. China is not only

¹ CAFTA – China-ASEAN Free Trade Area

Indonesia's largest trading partner, but also the largest source of Indonesia's deficit, which is not conducive to Indonesia's improvement of a country's terms of trade. This will impact the development of related industries and enterprises in Indonesia, which will easily lead to trade disputes between the two countries [7]. In recent years, Indonesia has frequently launched anti-dumping investigations against China, mainly involving eight types of products (see Fig. 2).

China has become the primary target country for Indonesia's anti-dumping. From 1996 to 2021, Indonesia launched 34 anti-dumping investigations against China. Of these, 23 cases were closed under anti-dumping measures, accounting for 33.3 per cent of the total number of anti-dumping investigations initiated in Indonesia during the same period. Indonesia is the most anti-dumping country against China among ASEAN countries. None of the cases resulted in price undertaking measures [8]. Side shows that the degree of Indonesia's anti-dumping measures against Chinese goods is heavier. If China does not take relevant measures to deal with this situation, it will not be conducive to in-depth economic and trade cooperation between China and Indonesia.

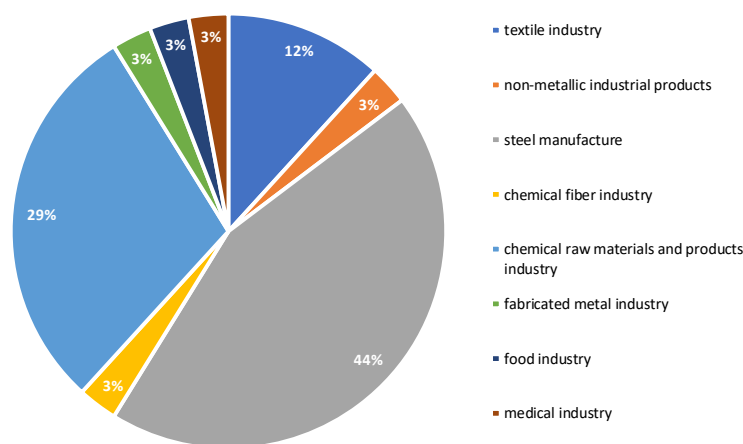

Fig. 2. Product Types Involved in Indonesia's Anti-dumping against China
[Source: China Ministry of Commerce Trade Relief Case Database]

2. *There is a Gap Between the Development Level of the Digital Economy and Policies and Regulations*

Indonesia's digital infrastructure is relatively backward, difficult to meet the needs of development in the digital sector. First of all, Indonesia's information and communication facilities are difficult to achieve interconnection with China in information exchange and trade. In January 2021, Indonesia's Internet penetration rate was 77.3 %, but more than half of Indonesia's are more

than 10,000 rural hospitals did not have Internet access, reflecting the uneven development of the digital economy in the region. Secondly, the development level of digital payment in Indonesia is far from that in China. The payment habits of Indonesian people are not too much affected by the increase of payment scenarios and methods. Cash is still the most popular payment medium. According to the survey, Indonesian payment channels for about 70 % of the bank transfer, cash payment is second. Finally, Indonesia's network information security is low. The country is frequently attacked by cyber-attacks. The severity of the attacks is the highest in the world [9]. The severe environmental situation will increase the risk of investors opening investment projects in Indonesia. Indonesia still needs to continue its efforts in managing the security of the digital economy environment, so that Chinese and Indonesian enterprises can carry out business cooperation in a secure network environment in the future.

Although the digital economy is developing rapidly, there are differences in policies and regulations formulated in various countries, and relevant laws and regulations need to be improved. China and Indonesia have different governance policies and efforts in data flow, consumer privacy protection, digital currency and other aspects, which will also hinder the cooperation between China and Indonesia in the digital economy.

3. Central-Local Relations in Indonesia are not Conducive to China-Indonesia Projects

Due to the instability of Indonesia's central and local relations, there is a phenomenon of power struggle, which will increase the instability of policy [10]. Indonesian local governments may seek benefits for relevant interest groups through legislative means rather than adapting to central government policies and regulations, which is not only difficult to protect the interests of investors, but also not conducive to promoting economic growth in the relevant regions. The construction of the Jakarta-Bandung high-speed railway involves the cooperation of multiple border areas. At present, its construction problems are more from local governments. In 2017, the county council of the West Bandung County rejected the "spatial planning plan" submitted by the West Bandung County government. The reason for rejection was that the project only benefited a small number of groups, which also showed that the regional institutional arrangements limited the development of infrastructure. At the same

time, Indonesia's private ownership of land makes it difficult to transfer land. It requires that the project development and investment of large-area land can be carried out after solving the problem of land expropriation. The cumbersome land use procedure is one of the important factors hindering Indonesia's rapid promotion of public infrastructure construction. The problem of land ownership determination increases the cost and risk of investors. Since land acquisition requires the permission of land owners and relevant government departments, the unclear central-local relations make communication and coordination between different departments, more difficult. These problems are not conducive to Chinese enterprises to carry out investment projects in Indonesia.

Discussion

The Alignment of Economic and Trade Strategies between Two Countries will be Strengthened

The trade between China and Indonesia is highly complementary. China can increase the number of manufactured goods exported to Indonesia, while Indonesia can increase the export of agricultural raw materials, food, minerals and fuels to China. There is a certain gap between the two sides in terms of factor endowment, technical conditions and economic development level. In the future, China will communicate more with Indonesia in trade and trade relief policies and regulations. China's active participation in the global value chain has increased domestic value-added content and improved price competitiveness. Compared with other Asian partners, Indonesia's value-added competitiveness has declined and, most likely, it faces greater price increases [11]. Indonesia may strengthen strategic cooperation with China on global value chains to maximize value added. With the "Belt and Road" framework and the upgraded version of the China-ASEAN Free Trade Agreement, we will continue to expand the scale of trade and investment in goods between the two sides. As the first place of China's "21st Century Maritime Silk Road", Indonesia has continuously connected its "Global Maritime Fulcrum" concept with the "Belt and Road" initiative [12]. China and Indonesia jointly discuss the upgrading of industrial structure, strengthen the complementary relationship between economy and trade, reduce Indonesia's anti-dumping investigation against China, further reduce trade disputes and avoid trade friction.

*Promote Digital Infrastructure and Policy Connectivity
between China and Indonesia*

Affected by the epidemic, Indonesia's economy fell into recession, but the Indonesian government used the Internet power and accelerated the pace of digitization to reduce risks. In the future, Indonesia will focus on the development of digital infrastructure, and the Chinese government and enterprises can seize this opportunity to actively participate in the co-construction of Indonesia's digital infrastructure [13]. On the one hand, the Chinese government can provide financial support for Indonesia's infrastructure construction by setting up cooperation funds or loans, commercial banks, etc. On the other hand, China and Indonesia can jointly build a digital talent training platform to increase the supply of digital talents through the counterpart digital talent delivery plan. Chinese enterprises can vigorously use local digital talents and actively train local digital talents.

In the future, China and Indonesia will further realize the interconnection of digital policies and strategies, and build fair and transparent data using standards and rules. Two countries are able to strengthen digital cooperation and exchange between governments, and jointly formulate policies on the cross-border data flow and data security management. The government jointly negotiates the establishment of relevant organizations aimed at jointly cultivating digital talents and forming a digital technical specification standard system in line with the interests of both sides.

*Seize RCEP² Development Opportunities and Inject New Impetus
to China-Indonesia Cooperation*

In early 2022, the Regional Comprehensive Economic Partnership (hereafter RCEP) will come into force, with 15 countries including China, Indonesia, Singapore and Thailand and so on. This agreement is the largest free trade agreement in economy and trade, reflecting the openness and inclusiveness of the regional market, which will be conducive to the global economic recovery in the post-epidemic era. China is among the first countries to enter into force. After Indonesia completes the domestic approval process of RCEP, the two sides will add new institutional cooperation mechanisms [14]. The formal entry into force of RCEP will promote China to deepen economic and trade

² RCEP: Regional Comprehensive Economic Partnership

cooperation with ASEAN countries, including Indonesia. In 2021, China's direct investment in ASEAN will reach US \$ 14.35 billion. Indonesia is one of the top three investment destinations. Indonesia has attracted more foreign investment by continuously optimizing the business environment. In 2022, it not only established an "investment management institution" to promote the construction of national strategic projects, but also officially launched the Indonesia-China local currency settlement mechanism in September. On this basis, Chinese enterprises are actively involved in the construction of infrastructure and industrial parks in Indonesia. The China-Indonesian Economic and Trade Cooperation Zone will have a positive development prospect, and will usher in the new development space in cross-border e-commerce, modern warehousing and logistics, biomedical technology and other industries.

Conclusion

With the continuous strengthening of cooperation between China and Indonesia under the bilateral and multilateral frameworks, the two countries have made more interpretations of the comprehensive strategic partnership between China and Indonesia. In view of the gap between China and Indonesia in the level of economic and trade development, as well as the differences in policies and regulations, the two sides can discuss the prospects for future cooperation. In the post epidemic era, with the Belt and Road initiative and the RCEP coming into effect as the background, the two sides will strengthen the economic and trade strategic convergence, expand the scope of economic and trade cooperation, and expand maritime cooperation channels to play a positive role in the development of the two countries and the world in all fields.

REFERENCES

1. Zhang Tiangu. China-Indonesia Economic and Trade Cooperation: Mechanism and Progress. *Investment and Entrepreneurship*. 2022. Vol. 33. No. 14. P. 64–66.
2. Supriana, T. Indonesian Trade under China Free Trade Area. *Economic Journal of Emerging Markets*. 2011. No. 3(2). P. 139–151.
3. Yuan Qunhua, Li Nan. Analysis of Complementarity of China and Indonesia Goods Trade. *South and Southeast Asian Studies*. 2020. No. 1. P. 79–92
4. Yin Yeping, Zhao Juecheng. Relations with China "Show Satisfactory Improvement". *Global Times*. 2022-05-21(003). DOI: 10.28378/n.cnki.nhqs.2022.004308.
5. Basil C. Bitas. ASEAN amid China's Vision of the Belt and Road and the US Strategy for the Indo-Pacific: Building a Strategic Bridge to Two Great Power Initiatives. *China and the World*. 2020. Vol. 03. No. 01. Available at <https://www.worldscientific.com/doi/epdf/10.1142/S2591729319500263> (accessed: 10.08.2022).

6. Chow Man-kong, Hung Wing-lok, Chang Chak-yan. A Common Destiny: COVID-19 and the Ongoing Impact on China's Belt and Road Initiative Among ASEAN Countries. *China and the World*. 2021. Vol. 04. No. 01. Available at <https://www.worldscientific.com/doi/epdf/10.1142/S2591729321500012> (accessed: 04.08.2022).
7. Goestjahjanti, F.S. Analysis Competitiveness and Exchange Rate Effect on Indonesian Terms of Trade 1995–2016. *Jurnal Manajemen*. 2018. Vol. 22. No. 01. P. 91–103.
8. Yang Guangming. Present Situation, Causes and Countermeasures of Indonesia's Anti-Dumping against China. *Practice in Foreign Economic Relations and Trade*. 2020. No. 4. P. 43–46.
9. Liu Dan. The Realistic Basis and Promotion Strategy of Digital Economy Investment Cooperation between China and Indonesia. *Practice in Foreign Economic Relations and Trade*. 2021. No. 2. P. 81–84.
10. Liang Sunyi, Li Yuanzheng. Analysis of the Risk Factors of China-Indonesia Economic and Trade Cooperation from the Perspective of Central-Local Relations. *International Forum*. 2020. Vol. 22. No. 03. P. 136–154.
11. Purwono, R., Heriqbaldi, U., Esquivias, M.A., Mubin, M.K. The American-China Trade War and Spillover Effects on Value-Added Exports from Indonesia. *Sustainability*. 2022. Vol. 14. Issue 5. 3093. DOI: 10.3390/su14053093.
12. Luo Chuanyu. "Golden Opportunity" for China-Indonesia Cooperation. *China Report*. 2022. No. 8. P. 80–81.
13. Melati, K.R., Dewi, N.K. Integrated E-Commerce Ecosystem in China and Indonesia's Giant Market. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2nd International Media Conference 2019 (IMC 2019). 2020. Vol. 423. P. 251–269. DOI: 10.2991/assehr.k.200325.021.
14. Chaisse, J., Pomfret, R. The RCEP and the Changing Landscape of World Trade: Assessing Asia-Pacific Investment Regionalism Next Stage. *Law and Development Review*. 2019. Vol. 12(1). P. 159–190. DOI: 10.1515/ldr-2018-0058.
15. Zhang Fan. China-Indonesia Economic and Trade Cooperation Zone: Properly Respond to Changes in the Local Market to Attract Investment and Focus on Emerging Industries. *China Trade News*. 2022-02-15(004). DOI: 10.28113/n.cnki.ncmyb.2022.000156.
16. Qiu Ying, Gong Yushuang. Industrial Linkage Effects of RCEP Economies' Imports of Producer Services on Manufacturing Advantages. *PLoS ONE*. 2021. 16(7): e0253823. DOI: 10.1371/journal.pone.0253823.

Сведения об авторах / Information about authors

Ли Цзылин – магистрант Колледжа экономики. Шэньчжэньский университет.
E-mail: 1506391366@qq.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Li Ziling – master student of College of Economics, Shenzhen University.
E-mail: 1506391366@qq.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023. Одобрена после рецензирования 02.02.2023. Принята 08.02.2023.
Received 01.02.2023. Approved after reviewing 02.02.2023. Accepted 08.02.2023.*

научная статья
УДК: 327.7
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3

Российско-азербайджанские отношения как пример многостороннего сотрудничества

Байрамлы Ниджат Садиг оглы ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ k.bayramli97@mail.ru

***Аннотация.** Современный этап российско-азербайджанских отношений на межгосударственном уровне, основные тренды и проблемы являются предметом предлагаемого исследования. Автором произведен обзор и анализ материалов по основным сферам сотрудничества двух государств, таких как экономическая, энергетическая, военно-политическая, гуманитарная и культурная с целью проследить эволюцию азербайджано-российских отношений, продемонстрировать переход на новый, более качественный уровень развития, отражающий внешнеполитические стратегии. С помощью системно-аналитического метода оценивались конкретные результаты соглашений о стратегическом партнерстве в различных областях. Совокупность научно-исследовательских методов позволила выявить следующее: с приходом к власти Г. Алиева в Азербайджане и В. Путина в России в начале 2000-х годов, государства планомерно выходят на уровень стратегического партнерства. Важность межгосударственного сотрудничества подкреплена соответствующими заявлениями государственных деятелей обоих государств, межгосударственными визитами и встречами на высшем уровне, конкретными внешнеполитическими шагами. Современный этап диалога между Азербайджаном и Российской Федерацией является важным условием для развития сотрудничества, создаются условия для партнерства, всесторонне рассматриваются проблемы и их последствия, что позволяет понять их значение для народов наших стран. В ходе диалога в межгосударственных отношениях обсуждается и позиция соседних государств. Такая политика, несомненно, влияет на мировое общественное мнение. Оценивая полноту сотрудничества в различных сферах, можно сказать, что Россия и Азербайджан имеют хороший фундамент для дальнейшего развития двусторонних отношений, даже несмотря на некоторые проблемные зоны.*

Ключевые слова: Россия; Азербайджанская Республика; президент; партнерство; экономика; общественное мнение

Для цитирования: Байрамлы Н.С. Российско-азербайджанские отношения как пример многостороннего сотрудничества // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 31–40. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.

© Байрамлы Н.С., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 327.7

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3

Russian-Azerbaijani Relations as an Example of Multilateral Cooperation

Bayramli Nijat Sadiq oglu ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ k.bayramli97@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to Russian-Azerbaijani relations and its significance for the Republic of Azerbaijan. The subject of the study is the current stage of Russian-Azerbaijani relations at the interstate level. The author has reviewed and analyzed the main areas of cooperation between the two states, such as economic, energy, military-political, humanitarian and cultural, in order to trace the evolution of Azerbaijani-Russian relations since their formation, as well as to show the transition to a new, higher level of development, which has affected foreign policy strategies of the two states. The author used general scientific methods, namely: analysis, synthesis, the method of comparative analysis, as the main method for studying specific foreign policy initiatives of Azerbaijan and Russia, as well as the principle of objectivity, which helped to identify the main trends in the development of bilateral Azerbaijani-Russian cooperation. Finally, with the help of a system-analytical method, the specific results of strategic partnership agreements in various areas were evaluated. The combination of these methods made it possible to reveal the following: since the coming to power of Heydar Aliyev in Azerbaijan and Vladimir Putin in Russia, since the 2000s, Russia and Azerbaijan have been gradually reaching the level of strategic partnership. The importance of interstate cooperation is backed up by relevant statements by statesmen of both states, interstate visits and high-level meetings, as well as quite specific foreign policy steps. The current stage of the dialogue between Azerbaijan and the Russian Federation is important. It creates conditions for cooperation, the essence of the problem, its consequences, allows us to understand its significance for peoples. During the dialogue in interstate relations, the position of neighboring states is discussed. This is the policy of states and undoubtedly affects world public opinion. Assessing the fullness of cooperation in various fields, we can say that Russia and Azerbaijan have a good foundation for the further development of bilateral relations, even despite some problem areas.*

Keywords: Russia; Azerbaijan Republic; president; cooperation; head of state; economy; public opinion

For citation: Bayramli, N.S. Russian-Azerbaijani Relations as an Example of Multilateral Cooperation. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 31–40. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.3.

© Bayramli, N.S., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

После распада СССР и провозглашения государственной независимости Азербайджанской Республики в 1991 г., Азербайджан оказался вовлечен в сферу политических и экономических интересов

целого ряда государств. Формирование внешней политики современного Азербайджана происходит в крайне сложных условиях балансирования между различными центрами силы, преследующими собственные интересы в регионе, включая Россию, США, Турцию, ряд западноевропейских стран.

Материалы, результаты исследования и их обсуждение

Состояние и развитие российско-азербайджанских отношений является одной из актуальных тем в научно-исследовательской литературе, вызывает острые дискуссии и противоречивые оценки в публицистике. Необходимо отметить, что в российской историографии сформировался традиционный интерес к изучению российско-азербайджанских отношений. Следует отметить, монографию Е.И. Пивовара «Российско-азербайджанские отношения. Конец XX – начало XXI века» (2012), в которой на основе широкого круга источников проанализирована эволюция партнерства в различных сферах двустороннего и международного сотрудничества. Большой интерес представляют труды С.И. Чернявского, посвященные различным аспектам внешней политики Азербайджана, и особенно монография «Десять лет истории Азербайджана» (2013), которая рассматривает основные этапы национальной трансформации азербайджанского общества в период с 2003 по 2013 гг. Также внешняя политика Азербайджана и его место в системе международных отношений скрупулёзно проанализированы в учебнике Али Гасанова «Современные международные отношения и внешняя политика Азербайджана» (2018).

Несмотря на имеющиеся исследования о сотрудничестве России и Азербайджана, в данной статье автор стремился проанализировать двусторонние взаимоотношения, опираясь не только на национальные интересы обоих государств, но и в контексте, и в тесной взаимосвязи с происходящими в регионе сложнейшими процессами, к которым можно отнести посредничество России между Арменией и Азербайджаном, урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе и т.д.

Основными материалами для исследования послужили работы азербайджанских и российских ученых-специалистов в сфере международных отношений, таких как Мамедов Н., Гасанов А., Чернявский С., Ахмедов Э., Лузянина С. и др. Обращает на себя внимание

детальный анализ, представленный в монографии С.Г. Лузянина «Восточная политика Владимира Путина» (2007). Автор отмечает, что Азербайджан в России воспринимается через призму трех факторов: через личность Гейдара Алиева – отца нынешнего президента республики, через кровопролитный Карабахский конфликт, и, наконец, через каспийскую нефть. Экономической составляющей двусторонних отношений посвящены исследования Ахмедова Э.Н. «Экономические отношения России и Азербайджана на современном этапе» (2017).

Основные направления отношений между Азербайджаном и Россией

После принятия конституционного акта о независимости Азербайджана в октябре 1991 г. изучение истории государственности, исследование истории и развитие отношений с соседними государствами стало очень актуальной темой [1]. В этом смысле на современном этапе особое значение приобретает изучение сотрудничества с соседней Российской Федерацией в политической, экономической и культурной сферах. Как известно, политические изменения, происходившие в СССР, как и в мире, начиная с конца 1980-х гг., привели к краху социалистической системы. Следует отметить, что во времена СССР отношения Азербайджана с другими республиками не были предметом обсуждения, т.к. отношения с союзными республиками выстраивался по согласованию с центральной властью в Москве. Однако с распадом СССР, Азербайджанская Республика обрела независимость и установление новых отношений с другими государствами становятся приоритетом. Укрепление сотрудничества с Российской Федерацией во всех сферах дало Азербайджанской Республике надежного стратегического союзника.

Азербайджан и Россию объединяют крепкая дружба и добрососедские отношения. Отношения с Российской Федерацией занимают очень важное место во внешней политике Азербайджана на данный момент. 22 февраля 2022 г. подписана Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой [2].

Положительные проявления политики Азербайджана, основанной на доброй воле с соседними государствами, на примере сотрудничества с Россией [3] показывают, что отношения между двумя странами крепнут и обогащаются новыми оттенками в соответствии с меняющимися требованиями времени [4]. В целом азербайджано-российские отношения

носят многоплановый характер, нет сферы жизни, в которой Азербайджан и Россия не проявили взаимного интереса.

Следует подчеркнуть роль дружеских отношений, сложившихся между главами государств двух стран в рамках поступательного развития сотрудничества. Политический диалог между государствами находится на высоком уровне. Главы государств и высокопоставленные лица двух стран проводят регулярные встречи и обсуждают различные аспекты сотрудничества. В 2018 г. Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев провел 4 встречи с Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным, а в 2019 г. было проведено 2 встречи. В 2022 году Ильхам Алиев и Владимир Путин провели более 5 встреч. Это говорит об импульсе развития двусторонних отношений, что подтверждается в рамках официальных, деловых и дружеских визитов президентов и представителей обеих стран.

По приглашению Президента России, глава Азербайджанского государства принял участие в работе дискуссионного клуба «Валдай» 2019 г. в Сочи. В ходе бесед вновь рассматривалась очень широкая повестка отношений и выражалось удовлетворение тем, что отношения постоянно развиваются по всем направлениям [5]. Первый вице-президент Азербайджана Мехрибан Алиева отмечает, что «Азербайджан придает большое значение двусторонним отношениям с Россией. Наши страны объединяет крепкая, давняя дружба и дружеские добрососедские узы. Благодаря политической воле президентов Азербайджана и России, а также совместным усилиям обеих сторон сегодня наши отношения характеризуются как стратегическое партнерство. Активный политический диалог существует. Президенты Азербайджана и России регулярно проводят встречи. Эти встречи придают сильный импульс и динамизм развитию отношений практически во всех сферах» [6, с. 6].

Экономическое сотрудничество является одним из важнейших компонентов двусторонней повестки дня между Азербайджаном и Россией. В соответствии с духом динамичного политического диалога государств адекватно развиваются и экономические отношения между двумя странами. Экономическое сотрудничество – один из важнейших компонентов двусторонней повестки дня между Азербайджаном и Россией. Выражая свое мнение по этому поводу, первый вице-президент Азербайджана сказал: «Нет никаких сомнений в том, что экономическое сотрудничество является

одним из важнейших компонентов нашей двусторонней повестки дня. Россия является одним из основных торговых партнеров Азербайджана, занимает первое место по импорту не нефтяной продукции» [7].

Примечательно, что экономическое сотрудничество между Азербайджаном и Россией с каждым годом расширяется и постоянно охватывает новые сферы. В прошлом году товарооборот между двумя странами увеличился на 19 % и составил 2,6 миллиарда долларов США. За 9 месяцев текущего года прирост составил 24 %. Азербайджан является основным торговым партнером России среди стран СНГ, не входящих в Евразийский экономический союз. Важным элементом двусторонних взаимоотношений является межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству, особое место занимает развитие военного и военно-технического сотрудничества [8; 9].

Расширяется и сфера гуманитарного сотрудничества [10]. В России учатся тысячи граждан Азербайджана, особенно в МГУ им. М.В. Ломоносова, а в г. Баку успешно работают филиалы Первого Московского государственного медицинского университета им. Сеченова. Особо следует отметить отношение к русскому языку в нашей стране. Наличие русского сектора в 360 школах и работа 18 русскоязычных школ – неотъемлемая часть наших гуманитарных отношений. Самая крупная русская община на Южном Кавказе находится в Азербайджане, члены которой способствуют развитию нашей страны как достойные граждане нашего государства.

Декларация о союзе Азербайджанской Республики и Российской Федерации (2022 г.) – новый этап отношений

Президент Азербайджана Ильхам Алиев и президент России Владимир Путин на встрече в Кремле 22 февраля 2022 г. подписали Декларацию о взаимном сотрудничестве, как упоминалось выше.

В Декларации, состоящей из 43 статей, говорится, что Россия и Азербайджан строят свои отношения на основе союзнического взаимодействия, углубляют конструктивное сотрудничество, в том числе на двустороннем уровне, занимая одинаковые или близкие позиции по актуальным международным проблемам, представляющим взаимный интерес, взаимодействуя в рамках различных форумов [11; 12].

Кроме того, в документе «Декларация о взаимном сотрудничестве» от 22.02.2022 г., размещенном на сайте МИД Азербайджана, говорится, что

страны должны провести срочные консультации для урегулирования критических ситуаций. Рассматриваются случаи, которые могут поставить под угрозу мир, нарушить мир или повлиять на интересы безопасности одной из сторон. Они также могут рассмотреть возможность оказания друг другу военной помощи в целях обеспечения безопасности, поддержания мира и стабильности на основе Устава ООН, отдельных международных договоров и с учетом международно-правовых обязательств каждой из сторон [4].

Страны объединяют свои усилия в борьбе и нейтрализации угроз международного терроризма, экстремизма и сепаратизма, транснациональной организованной преступности, незаконного оборота оружия, наркотиков и их прекурсоров, торговли людьми и преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий, а также других новых вызовов.

Россия и Азербайджан будут воздерживаться от осуществления любой экономической деятельности, которая прямо или косвенно наносит ущерб интересам другой стороны. Главы государств заявили, что будут способствовать дальнейшему развитию экономических связей между предприятиями металлургии, нефтегазового и тяжелого машиностроения, авиационной, автомобильной, химической, фармацевтической и легкой промышленности, сельского хозяйства, дорожного и пищевого машиностроения [12].

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что после прихода к власти 1993 г. Гейдара Алиева начался новый этап отношений между Азербайджаном и Россией по всем направлениям. Президент Азербайджана разрабатывал, совершенствовал и корректировал диалог в новых формах; диалог, регулирующий дружественное соседство с Россией – от переписки до взаимных визитов делегаций, перешло к регулярным встречам глав государств. Каждая из этих встреч имела положительное значение в многостороннем сотрудничестве, с обсуждением проблем главами государств в рамках многих международных и региональных организаций.

Следует отметить, что на взаимоотношения Азербайджана и России влияют внерегиональные игроки, такие как США, Турция, ряд стран Западной Европы, поскольку здесь сходятся экономические, энергетические и геополитические интересы перечисленных стран. Несмотря на то, что все периферийные государства постсоветского пространства, окружающие

Россию, являются важным элементом геополитического противоборства, роль Азербайджана является уникальной и критически важной. Кроме того, Каспийский регион, основу которого составляет Азербайджан, является единственной серьезной альтернативой России в плане энергопоставок. Понимая это, западные государства пытаются всячески минимизировать двусторонние отношения России и Азербайджана.

Современный этап диалога между Азербайджаном и Российской Федерацией является актуальным, он создает условия для сотрудничества, позволяет понять его значение для народов обеих стран. В ходе двустороннего диалога в межгосударственных отношениях обсуждается и позиция соседних государств, такая политика, несомненно, оказывает влияние на мировое общественное мнение.

Межпарламентские связи, деятельность Межправительственной государственной комиссии по экономическому сотрудничеству, многочисленные контакты между руководством МИД и других министерств, а также соответствующих учреждений обогащают сотрудничество, отражают политику дружественного соседства, опирающегося на старые традиции дружбы и взаимного уважения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Новикова И. Баку за развитие и укрепление отношений с Москвой. 23.11.2016 // Сетевое издание «Правда.Ру»: [сайт]. URL: <https://www.pravda.ru/world/formerussr/23-11-2016/1318721-gadgiev-0/> (дата обращения: 07.11.2022).
2. Məmmədov N. Xarici siyasət: reallıqlar və gələcəyə baxış. Bakı, Qanun Nəşriyyatı, 2013. 264 səh.
3. Gülçin Kazimi. Müasir Azərbaycanın Qloballaşan dünyada beynəlxalq mədəni əlaqələri. Bakı, Mədəniyyət dünyası elmi-nəzəri məcmua. 2019. S. 45.
4. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri yüksələn xətlə inkişaf edir // Respublika qəzeti, 30 mart, 2019.
5. “Müasir Azərbaycan – Rusiya qarşılıqlı əlaqələrində Heydər Əliyevin rolu” // “H.Əliyevin dövlətçilik irsi və müstəqil Azərbaycanın inkişaf modeli” mövzusunda doktorant və dissertantların elmi konfransının materialları. 2012. Bakı. DİA Səh. 165–171.
6. Azərbaycanca keçirilən tədbirlər – Ölkənin beynəlxalq nüfuzundan xəbər verir // atv.az: [сайт]. URL: <http://atv.az/news/politics/95137-azerbaycanda-kecirilen-tedbirler> (дата обращения: 07.11.2022).
7. Первый вице-президент Азербайджана дала эксклюзивное интервью "РГ" и ТАСС. 24.11.2019 // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2019/11/24/pervyj-vice-prezident-azerbajdzhana-dala-ekskliuzivnoe-interviu-rg-i-tass.html> (дата обращения: 09.11.2022).

8. Azərbaycan Respublikasında milli təhlükəsizlik sisteminin qurulması prosesi Rusiya Federasiyası ilə münasibətlər kontekstində. DİA, “Dövlət idarəçiliyi” Nəzəriyyə və təcrübə (Xüsusi buraxılış). 2016. №4(56). Səh.178–184.
9. Azərbaycan Rusiya ilə müttəfiqlik haqqında Bəyannamə imzaladı. 22.02.2022 // BBC News Azərbaycanca: [сайт]. URL: <https://www.bbc.com/azeri/azerbaijan-60474535> (дата обращения: 21.10.2022).
10. Ализаде Э. Становление и развитие российско-азербайджанских культурных связей: 1992–2022 гг. // Россия в глобальном мире. 2022. № 25(48). С. 42–52. DOI: 10.48612/rg/RGW.25.3.
11. Декларация о союзническом взаимодействии между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2022. № 1(16). С. 110–119. [эл. доступ]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49356088> (дата обращения: 26.10.2022).
12. Протокол об установлении дипломатических отношений между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902960> (дата обращения: 09.11.2022).

REFERENCES

1. Novikova I. Baku za razvitiye i ukrepleniye otnosheniy s Moskvoy [Baku for the Development and Strengthening of Relations with Moscow]. 23.11.2016. *Setevoe izdanie "Pravda.Ru"*. Available at <https://www.pravda.ru/world/formerussr/23-11-2016/1318721-gadgiev-0/> (accessed: 07.11.2022). (In Russ.).
2. Məmmədov N. Xarici siyasət: reallıqlar və gələcəyə baxış [Foreign Policy: Realities and Vision of the Future]. Bakı, Qanun Nəşriyyatı, 2013. 264 səh. (In Aze.).
3. Gülçin Kazimi. Müasir Azərbaycanın Qloballaşan dünyada beynəlxalq mədəni əlaqələri [International Cultural Relations of Modern Azerbaijan in the Globalized World]. Bakı, Mədəniyyət dünyası elmi-nəzəri məcmua, 2019. S. 45(In Aze.).
4. Azərbaycan-Rusiya münasibətləri yüksələn xətlə inkişaf edir [Azerbaijan-Russia Relations are Developing on an Upward Trend]. *Respublika qəzeti*, 30 mart, 2019 (In Aze.).
5. “Müasir Azərbaycan – Rusiya qarşılıqlı əlaqələrində Heydər Əliyevin rolu” [“The Role of Heydar Aliyev in Modern Azerbaijan-Russia Mutual Relations”]. “H.Əliyevin dövlətçilik irsi və müstəqil Azərbaycanın inkişaf modeli” mövzusunda doktorant və dissertantların elmi konfransının materialları. 2012. Bakı. DİA Səh.165–171 (In Aze.).
6. Azərbaycanca keçirilən tədbirlər – Ölkənin beynəlxalq nüfuzundan xəbər verir [Events Held in Azerbaijan – Indicate the Country's International Reputation]. *atv.az*. Available at <http://atv.az/news/politics/95137-azerbaycanda-kecirilen-tedbirler> (accessed: 07.11.2022) (In Aze.).
7. Pervyy vitse-prezident Azerbaydzhana dala eksklyuzivnoye intervyu "RG" i TASS [The First Vice-President of Azerbaijan Gave an Exclusive Interview to RG and TASS].24.11.2019. *Rossiyskaja gazeta*. Available at <https://rg.ru/2019/11/24/pervyj-vice-prezident-azerbajdzhana-dala-eksklyuzivnoe-interviu-rg-i-tass.html> (accessed: 09.11.2022) (In Russ.).
8. Azərbaycan Respublikasında milli təhlükəsizlik sisteminin qurulması prosesi Rusiya Federasiyası ilə münasibətlər kontekstində [The Process of Establishing the National Security System in the Republic of Azerbaijan in the Context of Relations with the

Russian Federation]. DİA, “*Dövlət idarəçiliyi*” *Nəzəriyyə və təcrübə* (Xüsusi buraxılış). 2016. No 4(56). S.178–184 (in Aze.).

9. Azərbaycan Rusiya ilə müttəfiqlik haqqında Bəyannamə imzaladı [Azerbaijan Signed the Declaration on Alliance with Russia]. 22.02.2022. *BBC News Azərbaycanca*. Available at <https://www.bbc.com/azeri/azerbaijan-60474535> (accessed: 21.10.2022) (in Aze.).

10. Alizade E. Stanovleniye i razvitiye rossiysko-azerbaydzhanskikh kulturnykh svyazey: 1992–2022 gg [Formation and Development of Russian-Azerbaijani Cultural Ties: 1992–2022]. *Rossiya v globalnom mire*. 2022. No 25(48). S. 42–52. DOI: 10.48612/rg/RGW.25.3. (In Russ.).

11. Deklaratsiya o soyuznicheskom vzaimodeystvii mezhdu Rossiyskoy Federatsiyey i Azerbaydzhanskoy Respublikoy [Declaration on Allied Cooperation Between the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Mezhdunarodnoe pravo*. Available at <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49356088> (accessed: 26.10.2022) (In Russ.).

12. Protokol ob ustanovlenii diplomaticheskikh otnosheniy mezhdu Rossiyskoy Federatsiyey i Azerbaydzhanskoy Respublikoy [Protocol on the Establishment of Diplomatic Relations between the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan]. *Jelektronnyj fond pravovyh i normativno-tehnicheskikh dokumentov*. Available at <http://docs.cntd.ru/document/1902960> (Data obrashcheniya 09.11.2022) (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Байрамлы Ниджат Садиг оглы – аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; заведующий сектором Северо-Западного института управления РАНХиГС, Председатель Азербайджанского центра гуманитарного сотрудничества.

E-mail: k.bayramli97@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Bayramli Nijat Sadiq oglu – PhD student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Head of the sector of the North-Western Institute of Management of the RANEPА, Chairman of the Azerbaijan Center for Humanitarian Cooperation.

E-mail: k.bayramli97@mail.ru

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.11.2022. Одобрена после рецензирования 03.01.2023. Принята 24.01.2023.
Received 10.11.2022. Approved after reviewing 03.01.2023. Accepted 24.01.2023.*

research article
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4

India's South China Sea Policy Actions: Adjustment and Transformation

Wang Tengfei ✉

¹ National Institute of South China Sea Studies Collaborative Innovation Center for South China Sea Studies at Nanjing University, Nanjing, China

² Institute of Ocean Law and Policy at National Institute of South China Sea Studies, Haikou, China

✉ wangtengfei@nanhai.org.cn; <https://orcid.org/0000-0003-0812-5791>

Abstract. *In the context of the intensifying game between major powers, the geopolitical importance of the South China Sea and the Indian Ocean has become prominent at the same time, and they have become the key areas of strategic competition between China and India. After N. Modi came into power in 2014, he upgraded the "Look East policy" to "Act East policy", aiming at the South China Sea. India is unwilling to remain silent and passive in diplomacy and actions, especially in the past two years, India's attitude has shifted significantly. Like other extraterritorial powers such as the United States, India does not want the South China Sea to be dominated by its rival, China, and its main strategic intent in its continued involvement in the South China Sea is to further complicate the South China Sea issue in order to restrain China and thus ease its own strategic pressure in the Indian Ocean and border areas. Driven by this, the South China Sea issue is increasingly becoming a new negative factor in the relationship between India and China. The proposed article seeks to identify the key points of the conflict and their consequences.*

Keywords: India; South China Sea; checks and balances; Sino-Indian competition; strategic solutions

For citation: Wang Tengfei. India's South China Sea Policy Actions: Adjustment and Transformation. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 41–50. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.

© Wang Tengfei, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья
УДК: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4

Политика Индии в Южно-Китайском море: перестройка и трансформация

Ван Тэнфэй ✉

¹ Национальный институт исследований Южно-Китайского моря Нанкинского университета, Нанкин, Китай.

² Институт океанического права и политики Национального института по изучению Южно-Китайского моря, Хайкоу, Китай.

✉ wangtengfei@nanhai.org.cn; <https://orcid.org/0000-0003-0812-5791>

Ван Тенфей
Политика Индии в Южно-Китайском море:
перестройка и трансформация

Аннотация. В условиях интенсификации и развития международных событий между крупными державами одновременно обостряется геополитическое значение Южно-Китайского моря и Индийского океана, которые становятся ключевыми направлениями соперничества между Китаем и Индией. После того, как Н. Моди пришел к власти в 2014 г., сменился уровень понимания концепта «политики взгляда на восток» до «политики действия на восток», нацеленного на приоритет в Южно-Китайском море. Индия не стала хранить молчание и проявлять пассивность дипломатии в действиях, поскольку за последние два года позиция Индии значительно изменилась. Как и другие экстерриториальные державы, такие как Соединенные Штаты, Индия не стремится к тому, чтобы в Южно-Китайском море доминировал ее соперник – Китай. Наши исследования показывают, что основная стратегическая цель Индии в продолжающемся участии в соперничестве в Южно-Китайском море состоит в том, чтобы сдержать Китай и таким образом ослабить его собственное стратегическое давление в Индийском океане и приграничных районах. В связи с этим проблема Южно-Китайского моря все больше становится новым негативным фактором в отношениях между Индией и Китаем. Предлагаемая статья направлена на выявление ключевых моментов конфликта и их последствиях.

Ключевые слова: Индия; Южно-Китайское море; сдерживание противобесов; китайско-индийское соперничество; стратегические решения

Для цитирования: Ван Тенфей. Политика Индии в Южно-Китайском море: перестройка и трансформация // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 41–50. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.4.

© Ван Тенфей, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction and Materials

India has long avoided a clear tendency to "choose sides" in disputes involving the South China Sea and has acted in a relatively "low-key" manner, not wanting to overly provoke China, but as its economic power grows and the geopolitical landscape changes, India not only sees the Indian Ocean as the "Ocean of India" and "strategic backyard", self-proclaimed regional "net-security provider", but also claims to be an important external player and stakeholder in South China Sea affairs, has begun to steadily increase its presence in the Western Pacific in the hope of playing a greater role in the South China Sea. India is not a littoral state in the South China Sea, and the South China Sea is not a primary area of interest in its maritime security strategy, so why have India adjusted its South China Sea policy in recent years? Its intention and direction deserve our further attention.

As noted in a policy report published by the India Observer Research Foundation in 2021, India's recent statements and actions indicate that India

intends to change its historical "balanced" attitude towards the China and South China Sea disputes, and hopes that in the context of its "Look East" policy play a more active role under the guidance, especially under the Indo-Pacific strategy based on the "Quad" ¹[1]. In recent years, in addition to intervening in the development of sea resources, India has been pursuing its interests in the South China Sea mainly through regular military activities in and around the South China Sea, strengthening strategic partnerships with various littoral states in the South China Sea, and actively speaking out on the South China Sea in various bilateral and multilateral forums to enhance its interaction with some of the claimant states.

Strengthening its Military Presence in the South China Sea

First, actively sending warships through the South China Sea. In June 2020, after the clashes between India and China at the border in Galwan Valley, the Indian Navy took swift action by sending a warship to the South China Sea in a "low-key" manner, during which it also communicated with U.S. Navy ships [2]. Its unexpected presence in the disputed waters was widely seen as a clear warning to China [3]. In early August 2021, the Indian Navy's naval task force of four ships began a more than two-month overseas deployment to Southeast Asia, the South China Sea and the Western Pacific [4].

Second, frequent military exercises were conducted with countries around the South China Sea. 26-27 December 2020, the Indian Navy's stealth frigate INS Kiltan arrived at Nha Rong Port in Ho Chi Minh City for joint exercises with Vietnam [5]. During the overseas deployment of the Indian naval task force in August 2021, The Indian warships arrived in Vietnam's Kim Nam Bay on the 15th of that month and held joint military exercises with Vietnam in the South China Sea [6], and held military exercises with the Philippines on the 23rd, and began the Malabar 2021 multilateral joint exercise with the United States, Japan and Australia in the Philippine Sea on the 26th, and held the "SIMBEX" exercise with Singapore in the southern fringe of the South China Sea from September 2 to 4. This series of high-profile actions demonstrates India's intention to further strengthen military relations with Southeast Asian countries, to promote the substantive development of the "Quad" and to highlight its involvement and presence in the region. On June 24, 2022, an Indian fleet

¹ Quad – Quadrilateral Security Dialogue

consisting of the new Indian Navy frigate INS Sahyadri and the anti-submarine frigate INS Kadmat visited Vietnam again, during which the two countries' warships conducted joint training on maritime communication and formation changes [7].

Third, increase arms sales to Vietnam, the Philippines and other claimants. On December 21, 2020, Prime Minister Narendra Modi delivered in Vietnam one of the 12 high-speed patrol boats built for Vietnam with a \$100 million loan from the Indian government during video talks with Prime Minister Nguyen Xuan Phuc [8]. On March 3, 2021, Indian Ambassador to the Philippines Shambu Kumaran met with Philippine On March 3, 2021, Indian Ambassador to the Philippines Shambu Kumaran and Philippine Undersecretary of Defense Raymund Elefante officially signed a defense cooperation agreement entitled "Implementing Arrangements for the Acquisition of Defense Materiel and Equipment" to support the Philippines' purchase of Indian weapons such as the Brahmos"[9]. In early June 2022, Indian Defense Minister Rajnath Singh visited Vietnam and also signed a Joint Vision Statement on India-Vietnam Defense Partnership by 2030 and a Memorandum of Understanding on mutual logistical support [10].

Diplomatic Sphere has Become More Direct in its Stance

In recent years, India has joined forces with some of the claimants or coordinated its policy stance with the US in the South China Sea issue, and actively voiced its voice on the South China Sea affairs to show the trend of India's consistent position. A few days after Pompeo's South China Sea statement on July 13, 2020, the Indian Ministry of External Affairs had stated that "South China Sea is a part of the global commons and India has an abiding interest in peace and stability in the region. We firmly stand for the freedom of navigation and overflight and unimpeded lawful commerce in these international waterways, in accordance with international law, notably UNCLOS (United Nations Convention on the Law of the Sea)" [11]. To work with the United States to pressure China over the South China Sea issue. In a relatively "rare" move at the 15th East Asia Summit on November 14, Indian External Affairs Minister S. Jaishankar expressed "concern" expressed concern about "actions and incidents that erode trust" in the South China Sea, and he also stressed "the importance of compliance with international law, respect for territorial integrity

and sovereignty, and the promotion of a rules-based global order" [12]. On February 15, 2021, at an event, Indian External Affairs Minister S. Jaishankar even stated his intention to work with Japan to enhance connectivity "from the Arabian Sea to the South China Sea" [13]. On June 16, attending the 8th ASEAN² Defense Ministers' Meeting, Indian Defense Minister Rajnath Singh made a reference to developments in the South China Sea hinting at China's "expansionist policy", he stressed that India supports freedom of navigation and overflight in international waterways, and reiterated "India hopes that the Code of Conduct negotiations will lead to outcomes that are in keeping with international law, including the United Nations Convention on the Law of the Sea (UNCLOS)³ and do not prejudice the legitimate rights and interests of nations that are not a party to these discussions" [14]. On August 4, S Jaishankar re-emphasized at the 11th East Asia Summit Foreign Ministers' Meeting that the Code of Conduct negotiations should be fully consistent with the Convention and should not undermine the legitimate rights and interests of non-participating states [15]. Since then, India has repeatedly reiterated this statement to echo the position of the U.S. and other extraterritorial powers on the "COC"⁴ consultations.

Results

As the strategic competition between China and India intensifies, India has begun to change its strategic thinking, and its high-profile involvement in the South China Sea must have multiple purposes and considerations. Out of political motives and strategic intentions, while pursuing economic interests, India hopes to use its comparative maritime advantage to politically check and balance China, so as to achieve the effect of killing two birds with one stone.

Economic Interests

As claimed by other countries outside the region, India claims to have major economic interests in the region and considers the security of the South China Sea important to its trade routes and energy imports. One is that "South China Sea is a major waterway and over US\$ 5 trillion trade pass through the sea lanes in this region. As per information available, over 55% of India's trade

² ASEAN – Association of Southeast Asian Nations

³ UNCLOS – United Nations Convention on the Law of the Sea

⁴ COC – Code of Conduct in the South China Sea

passes through South China Sea and Malacca Straits” [16] and it is necessary to ensure the safety of trade routes and smooth sea lanes in the region. Second, in its "Act East" policy Driven, India has close trade ties with East Asian and Southeast Asian countries, and thousands of Indian citizens are studying, working and investing in ASEAN countries, China, Japan and South Korea [17]. Third, attracted by the rich oil and natural gas resources in the South China Sea, India is already Vietnam investing huge sums of money in the exploration and development of Block 127 and Block 128, which is related to its future energy security [18].

Turning Around the Disadvantage of Border Confrontation

With the land border confrontation stalled and unable to gain an advantage, India hopes to use its comparative advantage in the maritime domain to find another way to counterbalance China at sea, so as to increase the bargaining chips in the border negotiations and seek benefits. As retired Rear Admiral Raja Menon wrote in July 2021, the Chinese army is impeccable on land, the Indian Army cannot compete with China, and 70% of its oil imports rely on the Indian Ocean sea route is China's "only strategy weakness". In this regard, he suggested that "India should give the navy and air force a greater role, transfer the combat space to a favorable geographical location for India, and attack China." After the Galwan conflict in 2020, the Indian Navy quickly dispatched warships to the South China Sea, in an attempt to force China to make concessions on the border confrontation negotiation by means of "surrounding Wei and saving Zhao" to ease its geographical pressure.

Balancing China's Influence in the Indian Ocean Waters

China's presence and influence in the Indian Ocean region has increased significantly in recent years, and even though China has been keeping a low profile here, India still believes that the so-called "Pearl Chain Strategy" is coming true and poses a greater strategic threat to its national security. Moreover, Indian analysts believe that China's construction and control of islands and reefs in the South China Sea also poses a threat to India's dominant position in the Indian Ocean, and India is deeply troubled and anxious as China's further control of the South China Sea signals greater projection capabilities into the eastern Indian Ocean [19]. To this end, India realizes that it needs to accelerate the pace of entering the South China Sea and the Western Pacific.

Strategic Adjustment Towards China

In the context of the current intensified strategic competition between China and the United States and the deterioration of Sino-Indian relations, India began to shift its strategic thinking and adjust its China policy, trying to take advantage of the successive provocations and pressure from various extraterritorial countries on China and the deterioration of the maritime security environment to take a more "proactive" stance to benefit from the sea, especially in the South China Sea crisis. In a speech given at the time of the standoff between India and China, Indian National Security Advisor Doval said, "We are fighting not only on our own territory but also on foreign territory where the security threat comes from" and "there is no need to fight only where you want [20]. This is clearly a threat to China, hoping to pre-empt its own strategic objectives. As seen today, India's South China Sea policy adjustment further confirms this point, and it has become an important tool in its strategy toward China.

Discussion and Conclusion

In fact, with the efforts and restraint of China and ASEAN countries, the situation in the South China Sea has been generally stable and controllable in recent years, with no major conflicts, and positive progress has been made in the consultations of the "Code of Conduct in the South China Sea", economic cooperation, stable development and environmental protection and other issues. If there are unstable factors in the South China Sea, the only concern is the increased involvement of extra-territorial countries in the South China Sea and their frequent military provocations, which have adversely affected the regional security situation and the building of mutual trust. As Chinese Foreign Minister Wang Yi said, "The biggest risk currently affecting peace and stability in the South China Sea is precisely the improper involvement and frequent interference of extraterritorial powers"[21]. In recent years, extraterritorial forces led by the United States have intensively launched political, diplomatic and military offensives against China around the South China Sea, not only to provoke relations between China and ASEAN countries, but also to actively draw in India, whose relations with China have deteriorated due to border conflicts. In this context, India's action with the United States is undoubtedly adding fuel to

the fire, making the already complicated situation in the South China Sea further deteriorate.

The fundamental initiative of the South China Sea issue always lies with China and regional countries, and the intervention of any extra-territorial country is not enough to change the regional situation and promote the fundamental solution of the South China Sea issue. If India really cares about the safety of navigation in the South China Sea, the best way should be to respect China's territorial sovereignty and security, rather than appearing in the South China Sea as a military threat. In China's view, India's move is not only futile but also comes at a price, one of which is inevitable to continue the downward spiral of fragile Sino-Indian relations. There is no way out of confrontation, and military provocation is the stupidest option. For India, although it may be right to change its strategic thinking and intervene in the South China Sea to balance China's ideas and directions, what is wrong is that it does not have a correct assessment and a clear understanding of its own capabilities and the corresponding consequences. Indian policymakers should clearly realize that the key area of the Indian Ocean is where India's main interests lie. If the Indian Ocean, its own "home ground", is unable to do what it can, and expects to invest limited resources in the distant South China Sea to contain China and change the situation of strategic competition. Undoubtedly whimsical, destined to be futile and counterproductive.

In the long run, the decline of US hegemony is inevitable, and the rise of the "Asian Century" is proceeding smoothly, and it truly serves the interests of countries and people in the region. China and India both belong to Asia and are neighbors to each other. They should work together to promote their own development and the rejuvenation and prosperity of the "Asian Century", rather than sacrificing their own interests and the interests of the people in the region to maintain the so-called "US strategic position in the region." In this regard, both China and India should maintain a clear understanding.

REFERENCES

1. Premesha Saha. India Calibrates its South China Sea Approach. Orf Issue Briefs and Special Reports, Jul 19, 2021. No. 477. Available at <https://www.orfonline.org/research/india-calibrates-its-south-china-sea-approach/> (accessed: 17.11.2021).
2. Post-Galwan Clash, Indian Navy Quietly Deploys Warship in South China Sea. Aug. 30, 2020. *The Times of India*. Available at

- http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/77834259.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 17.08.2021).
3. India Takes its Tussle with China to the High Seas. October 23, 2021. *Financial Times*. Available at <https://www.ft.com/content/bbe548c4-b437-4965-a651-592d0e969890> (accessed: 17.04.2022).
 4. Eastern Fleet Ships on Overseas Operational Deployment. Aug. 1, 2021. *India Navy*. Available at <https://indiannavy.nic.in/content/eastern-fleet-ships-overseas-operational-deployment> (accessed: 19.04.2022).
 5. 越南与印度加强海事和救灾援助合作 [Vietnam, India Strengthen Cooperation in Maritime and Disaster Relief Assistance], 2020年12月25日. 人民军队网 [*People's Army Newspaper*]. Available at <https://cn.qdnd.vn/cid-6126/7185/nid-579815.html> (accessed: 17.04.2022). (In Chin.).
 6. India and Vietnam Conduct Naval Exercise in South China Sea, Ahead of the Quad's 'Malabar' off Guam. Aug 18, 2021. *The Times of India*. Available at <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-and-vietnam-conduct-naval-exercise-in-south-china-sea-ahead-of-the-quads-malabar-off-guam/articleshow/85429488.cms> (accessed: 17.02.2022).
 7. 印度海军舰艇对越南进行礼节性访问 [Indian Navy Ships Pay Courtesy Visit to Vietnam], 2022年6月25日. 人民军队网 [*People's Army Newspaper*]. Available at <https://cn.qdnd.vn/cid-6126/7185/nid-593780.html> (accessed: 20.09.2022). (In Chin.).
 8. 侯佳欣 Hou Jiaxin. 印媒: 印度隐形护卫舰抵越南, 将与越军在南海举行军演 [Indian media: Indian Stealth Frigate Arrives in Vietnam, Will Hold Military Drills with Vietnamese Army in South China Sea], 2020年12月26日. 环球网 [*Huanqiu*]. Available at <https://world.huanqiu.com/article/41G5vneY3IL> (accessed: 17.6.2022). (In Chin.).
 9. 菲印签署国防合作协议: 菲律宾拟购买印度制 '布拉莫斯' 导弹 [Philippines-India Defense Cooperation Deal: Philippines to Buy Indian-Made 'Brahmos' Missiles], 2021年3月5日. 澎湃新闻 [*The Punch*]. Available at https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_11568468 (accessed: 09.04.2022). (In Chin.).
 10. Indian Defense Minister Rajnath Singh on official visit to Vietnam. June 8, 2022. *Vietnam News Agency*. Available at <https://zh.vietnamplus.vn/166785.vnp> (accessed: 17.07.2022).
 11. India Reiterates its Stand, Says South China Sea a Part of Global Commons. July 16, 2020. *Business Standard*. Available at https://www.business-standard.com/article/current-affairs/india-reiterates-its-stand-says-south-china-sea-a-part-of-global-commons-120071601917_1.html (accessed: 17.11.2021).
 12. India Concerned Over Situation in South China Sea That 'Erode Trust'. Nov 14, 2020. *The Hindustan Times*. Available at <https://www.hindustantimes.com/india-news/india-concerned-over-situation-in-south-china-sea-that-erode-trust/story-gAdrIY3UugAeOhi9g7YRQJ.html> (accessed: 17.12.2021).
 13. S Jaishankar. India Pitches for Connectivity from Arabian Sea to South China Sea. Feb 15, 2021. *The ZEENEWS*. Available at <https://zeenews.india.com/india/india-pitches-for-connectivity-from-arabian-sea-to-south-china-sea-2342083.html> (accessed: 17.04.2022).
 14. India Supports Freedom of Navigation in int'l Waterways Like South China Sea: Defence Minister Rajnath Singh. June 16, 2021. *India Today*, Available at <https://www.indiatoday.in/india/story/india-navigation-south-china-sea-defence-minister-rajnath-singh-china-1815476-2021-06-16> (accessed: 11.05.2022).

15. Jaishankar Says Code of Conduct in South China Sea should be as Per International Law. Aug. 5, 2021. *The Times of India*. Available at <https://timesofindia.indiatimes.com/india/jaishankar-says-code-of-conduct-in-south-china-sea-should-be-as-per-international-law/articleshow/85057968.cms> (accessed: 17.04.2022).
16. India Minister of External Affairs. Trade through South China Sea. February 9, 2017. *Rajya Sabha Unstarred Question*. No. 808. Available at <https://www.mea.gov.in/rajya-sabha.htm?dtl/28041/QUESTION+NO808+TRADE+THROUGH+SOUTH+CHINA+SEA> (accessed: 17.09.2022).
17. South China Sea: Beijing has a Major Natural Advantage in the Geopolitical Power Game. Jun 17, 2020. *The Economic Times*. Available at <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/south-china-sea-beijing-has-a-major-natural-advantage-in-the-geopolitical-power-game/articleshow/76423659.cms?from=mdr> (accessed: 17.05.2022).
18. Scott, D. India's Role in the South China Sea: Geopolitics and Geoeconomics in Play. *India Review*. 2013. Vol. 12. P. 52–67.
19. Bhijit Singh. China Tightens Grip over the South China Sea – should India Worry? April 25 2020. *Orf Raisina Debates*. Available at <https://www.orfonline.org/expert-speak/china-tightens-grip-over-the-south-china-sea-should-india-worry-65181/> (accessed: 25.08.2022).
20. Will Fight on Our Soil as well as on Foreign Soil, Says Ajit. Oct 26, 2020. *The Times of India*. Available at <https://timesofindia.indiatimes.com/india/will-fight-on-our-soil-as-well-as-on-foreign-soil-says-ajit-doval/articleshow/78863843.cms> (accessed: 17.07.2022).
21. 王毅阐述中方在南海问题上的严正立场 [Wang Yi Explains China's Stern Position on the South China Sea], 2022年8月6日. 中华人民共和国外交部 [*Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China*]. Available at https://www.mfa.gov.cn/wjzbzd/202208/t20220806_10736369.shtml (accessed: 20.09.2022). (In Chin.)

Сведения об авторах / Information about authors

Ван Тэнфэй – Докторант Центра совместных инноваций по изучению Южно-Китайского моря Нанкинского университета; Старший научный сотрудник Института океанического права и политики Национального института по изучению Южно-Китайского моря.

E-mail: wangtengfei@nanhai.org.cn; ORCID: 0000-0003-0812-5791

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Wang Tengfei – PhD student at Collaborative Innovation Center for South China Sea Studies at Nanjing University; assistant researcher at the Institute of Ocean Law and Policy at National Institute of South China Sea Studies.

E-mail: wangtengfei@nanhai.org.cn; ORCID: 0000-0003-0812-5791

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 31.01.2023. Одобрена после рецензирования 03.02.2023. Принята 03.02.2023.
Received 31.01.2023. Approved after reviewing 03.02.2023. Accepted 03.02.2023.*

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

research article
UDC: 327
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.5

The “Zero-COVID” Policy of the People's Republic of China in the Discourse of Chinese and Western Media

Aleksandra R. Kiseleva ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ a.kiseleva22222@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0774-4785>

Abstract. *The media is now considered to be the fourth branch of government due to the enormous influence exerted on people. Understanding this, governments often use this “power” for their own purposes. The political engagement of the media can be noticeable both in the domestic and foreign policy affairs of any state. Their influence on international relations makes the media to be one of the tools of “soft” and “hard power”. As a means of “soft power”, the mass media can be used to form a positive image of the state through the dissemination of its attractiveness; information can also be presented as propaganda, which is regarded as a “hard method. This paper will examine how China uses the media to maintain its own image abroad, and what kind of “reaction” it receives from Western media on the example of the changes in the “zero-COVID” policy at the end of 2022. Analyzing the Chinese media, the foreign and Chinese branches of one information agency, we have revealed discrepancies in the discourse. Different target audiences were provided with different information that was made for the sake of China’s own interests. Western media (British and American), assessing the “zero-COVID” policy, to a large extent criticize any Beijing’s decisions, that has a negative impact on the image of the state abroad. The lifting of restrictions and the opening of China’s borders led to a controversial reaction in the world. The way how China handles this new challenge will ultimately determine the viability of the “zero-COVID” policy.*

Keywords: China; People's Republic of China; “zero-COVID” policy; coronavirus pandemic; COVID-19; media; image of the state; “soft power”

For citation: Kiseleva, A.R. The “Zero-COVID” Policy of the People's Republic of China in the Discourse of Chinese and Western Media. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 51–66. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.5.

© Kiseleva, A.R., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 327

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.5

Политика «нулевого ковида» Китайской Народной Республики в дискурсе китайских и западных СМИ

Киселева Александра Рубэновна ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

✉ a.kiseleva22222@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0774-4785>

Аннотация. Средства массовой информации сейчас признаются четвертой ветвью власти ввиду колоссального влияния, оказываемого на людей. Понимая это, правительства нередко используют данную «силу» в своих целях. Политическая ангажированность СМИ может быть заметна в той или иной степени как во внутренних, так и во внешнеполитических делах любого государства. Их влияние на международные отношения делает СМИ одним из инструментов «мягкой» и «жесткой силы». В качестве средства «мягкой силы» масс-медиа могут использоваться для формирования позитивного имиджа государства через распространение его привлекательности, информация также может быть подана в качестве пропаганды, что расценивается уже как «жесткий» метод влияния. В данной работе будет рассмотрено, как Китай использует СМИ для поддержания собственного имиджа за рубежом, и какую «реакцию» он получает от западных медиа на примере изменений в политике «нулевого ковида» в конце 2022 года. В ходе анализа китайских СМИ были выявлены расхождения в дискурсе иностранных и китайской веток одного информационного ведомства, то есть ради собственных интересов разным целевым аудиториям предоставлялась разная информация. Западные СМИ (британские и американские), оценивая политику «нулевого ковида», в значительной степени критикуют любые действия Пекина, оказывая негативное влияние на имидж государства за рубежом. Отмена ограничений и открытие границ Китая повлекло за собой неоднозначную реакцию в мире. То, как Китай справится с новым вызовом, окончательно определит состоятельность политики «нулевого ковида».

Ключевые слова: Китай; Китайская Народная Республика; политика «нулевого ковида»; пандемия коронавируса; COVID-19; средства массовой информации; имидж государства; «мягкая сила»

Для цитирования: Киселева А.Р. Политика «нулевого ковида» Китайской Народной Республики в дискурсе китайских и западных СМИ // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 51–66. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.5.

© Киселева А.Р., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

In 1992, J. Nye's book “Bound to Lead: The Changing Nature of American Power” about “soft power” was translated and published in China,

and in the following 1993, the chairman of the department of international politics at Fudan University and Jiang Zemin's presidential adviser Wang Huning wrote the country's first article on this topic, titled "Culture as National Strength: Soft Power". Since then, the institution of "soft power" has gradually developed in China [1].

The developing "soft power" foreign policy is, of course, closely related to domestic policy, and this is especially prominent in China. The current concept of "cultural confidence" appears quite often in President Xi's speeches. It is assumed that such a concept is manifested in the confidence of the Chinese in their culture, their identity and the unity of the nation. This is due to the fact that for centuries they have been prone to ontological distrust of foreigners (there was a division into "us" and "them"). There were two ways of interacting with "strangers", or as the Chinese called them, "barbarians": with a word or with a sword [2]. It is not hard to understand that "subjugation of barbarians with a word" is a kind of analogue of "soft power", and "subjugation with a sword" is an example of "hard power". Now China still prefers "soft" methods of interaction with other states.

China is actively spreading its "soft power" abroad, using a wide range of tools and techniques, but foreign influence on Chinese society is not welcome in the government. Hu Jintao was quite neutral about it, but Xi Jinping is set differently: he defends the cultural traditions of China and indirectly opposes them to Western ones, he also introduced the concept of "cultural security", which consists in resisting Western influence (here directly American influence is meant). Beijing is aware that China is inferior to the United States in the field of "soft power" implementation, and the American dream is still more attractive in the world than the Chinese one. Nevertheless, China still cannot overcome this obstacle for a number of reasons: firstly, the close connection between culture and state ideology cannot always be called a successful tandem; secondly, the continued closeness of China in the information sphere, the presence of strict censorship also hinder the development of China's "soft power"; thirdly, the internal political problems that China is currently experiencing negatively affect the image of the country (here we are talking about the violation of human rights, the problem of Taiwan, etc.).

The image of the state provides the basis for the further spread of its "soft power". China has been able to make significant progress in creating a good

image of the country abroad, but COVID-19 has made its own adjustments. This paper will examine how the CPC demonstrates and explains its internal policy to the world, and how foreign countries evaluate certain events taking place in the PRC. The analysis will be carried out on the example of two specific cases: the fire in Urumqi, which occurred on November 24, 2022, and the “zero-COVID” policy in general. We will consider the information given in Chinese news agency (its Chinese, English and Russian branches) and in some British and American magazines to “represent” the Chinese, European and American positions and compare them figuring out main ideas and points.

Results of the Study and Their Discussion

Analysis of the Chinese Sources

At the beginning of the coronavirus pandemic, US President D. Trump sharply criticized China’s activities, accusing Beijing of spreading the virus around the world. Beijing has denied all these allegations. The statement of WHO experts who visited Wuhan with an inspection that China was not to blame for the spread of the infection was widely circulated in the country and abroad. And while Western states suffered from the second and third waves of the spread of COVID-19 in 2021, China seemed to be returning to normal life. Many sources spoke approvingly about the measures taken by China as part of the “zero-COVID” policy, admired the diligence of Chinese citizens, who unquestioningly obeyed all instructions from above. However, in 2022, the situation changed: Western states learned how to live with COVID-19, but China continued to apply tough measures to combat the virus.

One of the consequences of the policy was the fire in Urumqi (November 24, 2022). The fire occurred on the 15th floor of a storied building, and then the flames spread to other floors. According to the Chinese sources people could not leave the house due to fire and smoke, the Western sources claim that the exit was closed because the house was on lockdown, so people were blocked inside. It is confirmed that about 10 people died there. It is worth noting that this is not the first such case when a fire occurs in a quarantined house.

“People’s Daily” is the official source of the Central Committee of the Communist Party of China, so we have studied the articles from the Chinese, English and Russian versions of the online magazine, in which Beijing presents its vision of events to the world. We have analyzed articles about Urumqi that

appeared within the three weeks after the fire and some articles about the results of “zero-COVID” policy that appeared in December 2022 and January 2023.

For example, in the English version of “People’s daily”, there is only one article about the fire. It says that an investigation is underway, the mayor also promised to punish the perpetrators, offered condolences to the families of the victims, assured that the victims were provided with proper medical care; there was also provided information that a total of 109 firefighters and 23 fire engines were dispatched to the scene, but access to the building was difficult due to the narrow streets in the area and people were trapped in apartments due to the spread of the fire; the fire was believed to have been caused by a malfunction in the switchboard in the bedroom on the 15th floor of the building [3]. This article was followed by four other articles that mentioned Urumqi (not a fire, but just the city itself). They introduce information about optimization of anti-COVID measures before the onset of cold weather and a likely new increase in the cases of COVID-19. It also notes that “in implementing those measures, some local authorities have taken a “one-size-fits-all” approach and excessive policy steps, increasing the burden on local medical resources and residents, and some places have not fully followed the new measures, which has also amplified the impact on economic and public services to livelihoods”. The article also pointed out that in case of a lockdown, apartment doors should not be sealed or welded, and fire escapes should not be blocked with anything [4]. Interestingly, the increase of the anti-COVID measures is not intended to make people’s life easier, it is needed to “ease the burden on community management and relieve the already strained public healthcare resources.” We would also like to draw attention to the fact that the author of this article often refers to some Western sources that talk about the enduring threat of COVID-19, thereby confirming the highest observational group [5]. In the third article partial cancellation of PCR tests, the ability to stay in self-isolation at home, official opening of shopping centers and markets are described [6]. Also, in December there was one more article published that told the story of a 101-year-old from Urumqi that had successfully recovered from COVID-19, highlighting the high level of medical care system in Xinjiang [7].

It is interesting, that Russian branch of the People’s Daily was more laconic. Only one article was also devoted to the fire, where the authors indicated only the date, time of the fire and the number of victims who died,

“despite the efforts of rescuers and firefighters” [8]. Further, at the request of “Urumqi”, one can see three more articles with the following titles: “Express delivery services will be gradually resumed in the city of Urumqi” [9], “Urumqi developed political measures to help residents in the context of the COVID-19 epidemic” [10], “Winter sports season opened in Urumqi” [11]. The first article noted that there is an improvement in the epidemiological situation in Urumqi; the second article briefly talked about helping those in need to overcome the impact of the coronavirus epidemic (they are talking about subsidies that will be allocated to the poor and unemployed); the third article consists of only two sentences, the content of which is fully reflected in the title.

If we look at the Chinese version of the newspaper, we will not find any article about the fire there. On November 24 at 14:22, a few hours before the fire, an article was published about the work of the “i国网” app (guo wang, state network), which improves the efficiency of repair services at power plants [12]. Following this article, there are already works devoted to the weakening of anti-COVID measures in the city. Most of them were duplicated on the Russian and English versions of the site, but the original source covers all the news in a more detailed way. So, we can find out that many restaurants, markets, chain stores and cafes are reopening in the city, even though most of them work mainly takeaway, some places can now receive guests “offline” [13]. Talking about the opening of the winter sports season, the author limited himself to a selection of photos taken at a ski resort. It is noteworthy that two people in the photographs have protective masks lowered, that is actually forbidden [14]. You can also read an article on international trade in Urumqi, which notes that this year the city achieved a total import and export volume of 37.224 billion yuan, and exports amounted to 27.455 billion yuan [15].

Thus, we can see that the information in three versions of the same newspaper is different. Realizing that the fire on November, 24 became known abroad, the editors published articles about the tragedy in Urumqi in foreign branches, but in China this topic is hushed up. It clarifies the fact that Chinese government “protects” its nation from the provocative information that may cause accusations of any scale against the officials. At the same time, they provide foreign branches of the news agencies with such information in order to show the party’s official vision of the situation to the world. That is needed, we guess, for keeping the situation in the country under control.

Analysis of the Western Sources

The Chinese news agency Xinhua, for example, is the largest of the existing ones, however, it cannot compete with the Western media, which are more popular among foreign readers. Therefore, it turns out that these exact media form the general image of the PRC abroad. This problem is recognized in China, it has been talked about for the past twenty years, but very delicately. Probably, in the nearest future this problem will not be resolved.

When analyzing Western sources, we focused on the publications of the British magazines “The Guardian”, “The Economist” and the American “The New York Times”, as they paid great attention to the “zero-COVID” policy in their materials and are currently one of the most authoritative sources.

For example, “the Guardian” article titled “Awkward silence: China official speechless after question on protests” was talking about a situation that happened while Foreign Minister Zhao Lijiang delivered a report in defense of the “zero-tolerance” policy at a conference. The thing is that the fire caused some protests in Chinese cities, so one journalist asked him whether Beijing plans to roll back “zero-COVID” policy because of the situation in the country. The minister took a long pause, then asked to repeat the question, the question was repeated, the minister fell silent again, looked at something in the papers, and finally said that the information voiced by the journalist was not true, and that China was following a “dynamic “zero-COVID” policy” [16]. Seemed like he was not ready for such question.

Western interviewers are becoming harsher talking about Chinese internal policy from year to year. So, the CPC should be ready to react at any sort of provocative questions to protect the country’s own interests and the party’s policy.

All three Western journals published a number of articles about the fire itself, detailing all the circumstances of the incident and linking the number of victims to the ongoing anti-COVID measures. Even more attention was drawn to the Chinese protests. “The Economist” devoted the December issue to China’s fight against COVID-19, calling it “China's COVID failure.”

So, in the materials of the issue, it is noted that the “zero-COVID” policy in China really began with a “stunning success”, it saved many lives, and even the damage to the economy in the early stages was not so significant. Rejecting

the possibility of a relatively “peaceful” coexistence with COVID-19, the PRC government has taken the following measures: firstly, the population was required to do PCR tests every 1–3 days; secondly, after receiving a negative test for COVID-19, a person received a green QR-code, which allowed them to leave home and visit accessible locations (at the entrance to any institution, the code must be scanned – this was how the movements of each person were tracked); if suddenly a person received a red code (this could happen due to a positive test for COVID-19 or recent contact with an infected person), then the red code was sent automatically to everyone who could intersect with the sick person, and all these people were required to self-isolate; thirdly, the main measure to localize the spread of the virus were lockdowns, that could be all over entire cities and last for months (the house in Urumqi, where the fire occurred, was on lockdown for more than 100 days) [17]. Also, “The Biggest White” were mentioned, these are the disease control officers who are accused of exceeding their authority and even beating up citizens who refused to comply with certain quarantine rules. As a result, all these measures turned into a test of people's loyalty to the authorities in general [18].

The economy of the state is also being tested. If at the beginning of the pandemic China coped with all the difficulties, now the economic problems are becoming more obvious, according to Western publications.

In the first half of 2022, 35 major PCR test companies earned 150 billion yuan (\$21 billion). China has spent 1.7 trillion yuan (1.5% of GDP) this year, according to some estimates, but these figures are believed to be lowered down. Trade within the country and foreign trade both have also declined, supply chains have become more fragile. The urban youth unemployment rate is now nearly 18%, nearly double what it was in 2018. According to such economic and social problems, containment of COVID becomes even more difficult [19].

Here we would like to remind you that the CCP does not admit any of these problems and does not consider the policy of “zero-tolerance” to be difficult. News of China's victories over the virus were accompanied by reports about how the West was still suffering from COVID-19, so Beijing was forming a false impression of the epidemiological situation in the world. For example, during the World Cup in Qatar, they did not show football fans in close-up on Chinese air, so that people did not see foreigners without masks, because this would go against with the “working” legend. But at the same time, if one of the

Western experts spoke about the unfading danger of the virus and its derivatives, the Chinese media could refer to this statement since this corresponded to party's ideas [20].

Vaccination was also necessary to maintain the existing legend. Most of the Chinese population was vaccinated, in the shortest possible time almost everyone received the first component of the vaccine. To date, some citizens got 2–3 vaccinations, but now their effectiveness is no longer considered high due to new strains of the virus, in particular Omicron. In addition, only 40% of older people over the age of 80 have received all three vaccinations necessary for a sufficient level of protection against the virus. Considering that the percentage of the elderly population in China is large, on November 29, the government decided to launch a campaign to encourage the elderly to get vaccinated. Experts note that receiving a fourth booster will improve the epidemiological situation in the country, but the government has not yet begun this process [19].

The issue talks about the fire in Urumqi, but the main focus is still shifted towards the protests. The authors note that now it is not the right time calm down people with the easing of anti-COVID measures. Winter is coming, and experts expect a sharp increase in the incidence precisely because of the onset of cold weather. "People's Daily" articles also write about this, but in addition, they talk about the need for local authorities to control the spread of infection.

"The Economist" is trying to make its own predictions: even if the "zero-COVID" policy ends in December 2022, its negative impact on the economy will persist until 2024, and, even worse, the virus will spread at an incredible speed, and 96% of the Chinese population will test positive for COVID-19. Then the PRC will need more than 410,000 intensive care beds, and the number of deaths will be 680,000. The situation can be partially corrected if antiviral drugs are used, but the amount of their stocks in China is unknown, and repeated vaccination can also help [19].

After analyzing this issue of the magazine and articles in other publications, we can notice the following: the authors willingly criticize the "zero-COVID" policy, but do not offer alternatives that could ease the pressure on the population and save people's lives; they make predictions about how many people may die if the policy is lifted, but do not undertake to calculate how many deaths were avoided due to the lockdowns; some even argue that the

Chinese government is now in a state of crisis that could lead to a repetition of the events of 1989.

At the moment, these publications and others like them influence China's image abroad, weakening its “soft power”. Perhaps the country's leadership could somehow defend its policy, but Zhao Lijiang's reaction to a direct question about the protests indicates Beijing's unpreparedness to discuss this topic. Probably, such a dialogue between East and West will never happen, because China as a whole rarely responds to the attacks of foreign media [21].

It is worth noting, however, that there is no clear international condemnation of the “zero-COVID” policy. Beijing does not confirm any of the problems voiced by the West. Concerned about the state of the economy, experts also do not explain why, despite all the difficulties, China's GDP is increasing every year [22]. In fact, the economy remains the main factor determining and defending China's place in the international arena.

The End of the “Zero-COVID” Policy

Now we can see that China is gradually changing its anti-COVID policy, however, we doubt that this is done due to condemnation in the press, as back on November 11, 2022, the Central Government published “20 Points on Improving COVID Control”, the purpose of which is to mitigate anti-COVID measures in the country. On December 7, the State Council unveiled the “New Ten Points” to return to the COVID containment model that existed in China at the end of 2020 and 2021, rather than to completely abandon the “zero-COVID” policy. Local authorities could independently determine what measures should be taken in their regions. After the local authorities gradually began to lift restrictions, on December 26, the State Council issued a new circular fixing the lifting of restrictions [23]. On January 8, China fully opened its borders for the first time since the start of the coronavirus pandemic, making it easier for foreigners to obtain visas for business, study, family reunification; it has become easier to travel around the country, this is especially important now, on the eve of the Spring Festival (this period usually has increased loads on transport networks, because people go back home for holidays). However, such a sudden opening of borders has caused concerns in other states, and therefore dozens of countries around the world began to require testing for COVID-19 and

monitoring the health of travelers arriving from China. This caused a rebuke from Beijing, which stated that these steps have no scientific basis [24].

The influence of foreign critical articles in authoritative publications on China's soft power and its image is certainly obvious, but it is now quite difficult to measure it. We would venture to suggest that if the world community were not concerned about the more pressing problems that are shaking Europe, the condemnation of China's "zero-COVID" policy could be more significant, which would be another attempt to curb the development of the People's Republic of China. Nevertheless, at this stage, Beijing can still repair the damage done to its image by demonstrating how the country's leadership will cope (and we hope that they will still have success in this process) with a sharp increase in the COVID-cases (WHO reports that January, 12 27,590 new cases of coronavirus were detected, the total number of cases is 10,830,804 confirmed [24]). The winter is coming, and these two months are likely to be decisive. In the spring it will be possible to give a concrete assessment of the "zero-COVID" policy.

Conclusion

Thus, it can be noted that China taboos the discussion of the fire in Urumqi in the media for Chinese audience, but in foreign brunches this topic is discussed, probably to preserve their own image (paradoxically). This approach may indicate that China is cautious about publishing materials for its nation, but in relation to foreign audiences, they are more open to covering such topics in order to show their own vision of the situation and explain the events to the world community, which we believe is done to protect the interests of China.

We doubt that the effects of the fire made the government to accelerate its rollback of the "zero-COVID" policy, as long as steps to ease this policy were taken even before the incident. This means that Beijing has been gradually preparing an action plan for returning "to normal life" and, at the end of 2022, broke into its implementation.

We consider that it would be more appropriate to evaluate the "zero-COVID" policy in the spring, when Beijing will hopefully be able to suppress a virus outbreak. Still, we can assume that China will be able to recover quickly, as economic indicators have not fallen much during the pandemic.

Talking about the Western media here we can say they are more biased in assessing what is happening in China, but Beijing does not recognize any of the problems that are attributed to it in the press. The West highlights in detail all the shortcomings of Xi's domestic policy, and much less emphasis on Beijing's successes, while not specifying what would be the right decision to make for the state. It is clear that the position of the Western magazines correlates with the position of their government. As long as these magazines are more popular abroad than the Chinese sources, they have a greater influence on the public and discredit the Beijing's policy, which negatively affects the image of the state. However, if China puts more emphasis on the development and popularity of its media abroad, then it will be easier for the state to defend its own interests. It is worth noting that such provocations aimed at curbing the development and spread of the influence of the People's Republic of China are now becoming more and more frequent, and they are carried out not only by the press. But the CCP's position about its policy is always strict and adamant.

REFERENCES

1. Kovba D.M. Teoreticheskaya i prakticheskaya adaptatsiya koncepta «Myagkoj sily» vostochnoaziatskimi gosudarstvami [Theoretical and Practical Adaptation of the Concept of "Soft Power" by the East Asian States]. *Prostranstvo i Vremya*. 2014. №4 (18). S. 111–118. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskaya-i-prakticheskaya-adaptatsiya-kontsepta-myagkoj-sily-vostochnoaziatskimi-gosudarstvami> (accessed: 04.11.2022). (In Russ.).
2. Xian Jiangnan, Liang Jun. Xinjiang Vows Probe into Deadly High Rise Fire. 26.11.2022. *People's Daily Online*. Available at <http://en.people.cn/n3/2022/1126/c90000-10176691.html> (accessed: 10.12.2022).
3. Cai Hairuo, Wu Chaolan. Precision Urged as Cities Roll out Optimized COVID Response. 28.11.2022. *People's Daily Online*. Available at <http://en.people.cn/n3/2022/1128/c90000-10176942.html> (accessed: 10.12.2022).
4. Cai Hairuo, Liang Jun. More Cities Optimize COVID Measures, Striking a New Balance between Epidemic Control and Social Livelihoods. 05.12.2022. *People's Daily Online*. Available at <http://en.people.cn/n3/2022/1205/c90000-10179987.html> (accessed: 10.12.2022).
5. Chang Sha, Wu Chaolan. China Further Optimizes COVID-19 Response to Resume Businesses. 10.12.2022. *People's Daily Online*. Available at <http://en.people.cn/n3/2022/1210/c90000-10182389.html> (accessed: 10.12.2022).
6. Xue Yanyan, Sheng Chuyi. Centenarian COVID-19 Patient Recovers in Xinjiang. 11.12.2022. *People's Daily Online*. Available at <http://en.people.cn/n3/2022/1211/c90000-10182543.html> (accessed: 11.12.2022).
7. 10 chelovek pogibli i 9 poluchili raneniya v rezul'tate pozhara v odnom iz zhilyh domov v Sin'czyane [10 People Died and 9 Were Injured in a Fire in a Residential Building in Xinjiang]. 25.11.2022. "Zhen'min' zhibao" on-lajn. Available at <http://russian.people.com.cn/n3/2022/1125/c31516-10176562.html> (accessed: 11.12.2022). (In Russ.).

8. V gorode Urumchi budut postepenno vozobnovleny uslugi ekspress-dostavki. [Express Delivery Services Will be Gradually Resumed in the City of Urumqi]. 29.11.2022. "ZHen'min' zhibao" on-lajn. Available at <http://russian.people.com.cn/n3/2022/1129/c31516-10177398.html> (accessed: 11.12.2022). (In Russ.).
9. V Urumchi razrabotali politicheskie mery po okazaniyu pomoshchi zhitelyam v usloviyah epidemii COVID-19. [Urumqi has Developed Policy Measures to Help Residents Amid the COVID-19 Epidemic]. 30.11.2022. "ZHen'min' zhibao" on-lajn. Available at <http://russian.people.com.cn/n3/2022/1130/c31516-10177965.html> (accessed: 11.12.2022). (In Russ.).
10. Den Cze, YAn Cyan'. V Urumchi otkryli sezon zimnih vidov sporta. [Winter Sports Season has Opened in Urumqi]. 07.12.2022. "ZHen'min' zhibao" on-lajn. Available at <http://russian.people.com.cn/n3/2022/1207/c31516-10180948.html> (accessed: 11.12.2022). (In Russ.).
11. Yan Zhuj 杨睿, Han' Tin 韩婷. Ulumuci gundyan': eu "CHzhanshanban" fuugengaosyao 乌鲁木齐供电: 业务“掌上办”服务更高效 [Electricity Supply of Urumqi: Zhangshanban Service Became More Efficient]. 24.11.2022. Zhen'min'van 人民网 [People's Daily]. Available at <http://xj.people.com.cn/n2/2022/1124/c394722-40208552.html> (accessed: 11.12.2022). (In Chin.).
12. Chen Sin'huej 陈新辉, Han' Tin 韩婷. Ulumuci can'in' e huejfu tanshi 乌鲁木齐餐饮业恢复堂食 [Restaurant Services in Urumqi Resumed Work]. 10.12.2022. Zhen'min'van 人民网 [People's Daily]. Available at <http://xj.people.com.cn/n2/2022/1210/c186332-40226758.html> (accessed: 11.12.2022). (In Chin.).
13. Czyao Lun 焦隆, Chzhou Vanin 周婉婷. Ulumuci: huvaj syueyue 乌鲁木齐: 户外雪趣 [Urumqi: Outdoor Snow Activities]. 08.12.2022. Zhen'min'van 人民网 [People's Daily]. Available at: <http://gs.people.com.cn/n2/2022/1208/c183342-40223605.html> (accessed 11.12.2022). (In Chin.).
14. Van Lyan'syan 王连香, YAn Di 杨迪. Tan'fan fu gunfu chan'houde ulumuci goczya erlejkou an' 探访复工复产后的乌鲁木齐国家二类口岸 [Class II National Port of Urumqi Resumed Operation and Production]. 10.12.2022. Zhen'min'van 人民网 [People's Daily]. Available at <http://finance.people.com.cn/n1/2022/1210/c1004-32584483.html> (accessed: 11.12.2022). (In Chin.).
15. Awkward silence: China Official Speechless after Question on Protests – Video. 29.11.2022. *The Guardian*. Available at <https://www.theguardian.com/world/video/2022/nov/29/awkward-silence-china-official-speechless-after-question-on-protests-video> (accessed: 11.12.2022).
16. Mozur P., Zhong R., Krolik A. In Coronavirus Fight, China Gives Citizens a Color Code, With Red Flags. 01.03.2020. *The New York Times*. Available at <https://www.nytimes.com/2020/03/01/business/china-coronavirus-surveillance.html> (accessed: 11.12.2022).
17. China's COVID Failure. 03.12.2022. *The Economist*. Available at <https://www.economist.com/weeklyedition/2022-12-03> (accessed: 11.12.2022).
18. China's failing covid strategy leaves Xi Jinping with no good options. 03.12.2022. *The Economist*. Available at <https://www.economist.com/briefing/2022/12/01/chinas-failing-covid-strategy-leaves-xi-jinping-with-no-good-options> (accessed: 11.12.2022).
19. Holmes O. China Censors Maskless Crowd Footage in World Cup Broadcasts. 28.11.2022. *The Guardian*. Available at <https://www.theguardian.com/world/2022/nov/28/china-censors-maskless-crowd-footage-in-world-cup-broadcasts> (accessed: 11.12.2022).
20. Avetisyan E.G. Mezhdunarodnyj imidzh KNR: faktory formirovaniya i trendy [China's International Image: Shaping Factors and Trends]. *Aktual'nye problemy*

sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenij. 2017. № 9. S. 85–91. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-imidzh-kr-factory-formirovaniya-i-trendy> (accessed: 12.12.2022). (In Russ.).

21. GDP (current US\$) – China. World Bank National Accounts Data, and OECD National Accounts Data Files. *The World Bank*. Available at <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2021&locations=CN&start=1960&view=chart> (accessed: 12.12.2022).

22. Li Zhuoran. How Beijing Accidentally Ended the Zero COVID Policy. 07.01.2023. *The Diplomat*. Available at <https://thediplomat.com/2023/01/how-beijing-accidentally-ended-the-zero-covid-policy/> (accessed: 12.01.2023).

23. Stevenson, A., Wang Zixu, May, T. As China Lifts Pandemic Border Controls, Mixed Feelings at Home and Abroad. 09.01.2023. *The New York Times*. Available at <https://www.nytimes.com/2023/01/08/world/asia/china-borders-covid.html> (accessed: 12.12.2022).

24. China Statistics. *World Health Organization*. Available at <https://www.who.int/countries/chn/> (accessed: 12.12.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ковбова Д.М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «мягкой силы» восточноазиатскими государствами // *Пространство и время*. 2014. № 4(18). с. 111–118. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskaya-i-prakticheskaya-adaptatsiya-kontsepta-myagkoy-sily-vostochnoaziatskimi-gosudarstvami> (дата обращения: 04.11.2022).

2. Xian Jiangnan, Liang Jun. Xinjiang Vows Probe into Deadly High-Rise Fire. 26.11.2022 // *People's Daily Online*. Available at <http://en.people.cn/n3/2022/1126/c90000-10176691.html> (accessed: 10.12.2022).

3. Cai Hairuo, Wu Chaolan. Precision Urged as Cities Roll out Optimized COVID Response. 28.11.2022 // *People's Daily Online*. Available at <http://en.people.cn/n3/2022/1128/c90000-10176942.html> (accessed: 10.12.2022).

4. Cai Hairuo, Liang Jun. More Cities Optimize COVID Measures, Striking a New Balance Between Epidemic Control and Social Livelihoods. 05.12.2022 // *People's Daily Online*. Available at <http://en.people.cn/n3/2022/1205/c90000-10179987.html> (accessed: 10.12.2022).

5. Chang Sha, Wu Chaolan. China Further Optimizes COVID-19 Response to Resume Businesses. 10.12.2022 // *People's Daily Online*. Available at <http://en.people.cn/n3/2022/1210/c90000-10182389.html> (accessed: 10.12.2022).

6. Xue Yanyan, Sheng Chuyi. Centenarian COVID-19 Patient Recovers in Xinjiang. 11.12.2022 // *People's Daily Online*. Available at <http://en.people.cn/n3/2022/1211/c90000-10182543.html> (accessed: 11.12.2022).

7. 10 человек погибли и 9 получили ранения в результате пожара в одном из жилых домов в Синьцзяне. 25.11.2022 // «Жэньминь Жибао» онлайн: [сайт]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/1125/c31516-10176562.html> (дата обращения: 11.12.2022).

8. В городе Урумчи будут постепенно возобновлены услуги экспресс-доставки. 29.11.2022 // «Жэньминь Жибао» онлайн: [сайт]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/1129/c31516-10177398.html> (дата обращения: 11.12.2022).

9. В Урумчи разработали политические меры по оказанию помощи жителям в условиях эпидемии COVID-19. 30.11.2022 // «Жэньминь Жибао» он-лайн: [сайт]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/1130/c31516-10177965.html> (дата обращения: 11.12.2022).
10. В Урумчи открыли сезон зимних видов спорта. 07.12.2022 // «Жэньминь Жибао» он-лайн: [сайт]. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2022/1207/c31516-10180948.html> (дата обращения: 11.12.2022).
11. Ян Жуй 杨睿, Хань Тин 韩婷. Улумуци гун дянъ е у чжан шан бань фу у гэн гао сяо 乌鲁木齐供电: 业务“掌上办” 服务更高效 [Электроснабжение Урумчи: служба Чжаншаньбань стала более эффективной]. 24.11.2022. // Жэньминьван 人民网 [Жэньминь жибао]: [сайт]. URL: <http://xj.people.com.cn/n2/2022/1124/c394722-40208552.html> (дата обращения: 11.12.2022).
12. Чэнь Синь Хуэй 陈新辉, Хань Тинь 韩婷. Улумуци цань инь е хуэй фу тан ши 乌鲁木齐餐饮业恢复堂食 [Рестораны в Урумчи возобновили работу]. 10.12.2022. // Жэньминьван 人民网 [Жэньминь жибао]: [сайт]. URL: <http://xj.people.com.cn/n2/2022/1210/c186332-40226758.html> (дата обращения: 11.12.2022).
13. Цзяо Лун 焦隆, Чжоу Вань Тин 周婉婷. Улумуци ху вай сюэ цюй 乌鲁木齐: 户外雪趣 [Урумчи: Снежные мероприятия на открытом воздухе]. 08.12.22. // Жэньминьван 人民网 [Жэньминь жибао]: [сайт]. URL: <http://gs.people.com.cn/n2/2022/1208/c183342-40223605.html> (дата обращения: 11.12.2022).
14. Ван Лянь Сян 王连香, Ян Ди 杨迪. Тань фан фу гун фу чань хоу дэ у лу му ци го цзя эр лэй коу ань 探访复工复产后的乌鲁木齐国家二类口岸 [Национальный порт Урумчи класса II возобновил работу и производство]. 10.12.22. // Жэньминьван 人民网 [Жэньминь жибао]: [сайт]. URL: <http://finance.people.com.cn/n1/2022/1210/c1004-32584483.html> (дата обращения: 11.12.2022).
15. Awkward Silence: China Official Speechless after Question on Protests – Video. 29.11.2022 // The Guardian. Available at <https://www.theguardian.com/world/video/2022/nov/29/awkward-silence-china-official-speechless-after-question-on-protests-video> (accessed: 11.12.2022).
16. Mozur, P., Zhong, R., Krolik, A. In Coronavirus Fight, China Gives Citizens a Color Code, With Red Flags. 01.03.2020 // The New York Times. Available at <https://www.nytimes.com/2020/03/01/business/china-coronavirus-surveillance.html> (accessed: 11.12.2022).
17. China's COVID Failure. 03.12.2022. The Economist. Available at <https://www.economist.com/weeklyedition/2022-12-03> (accessed: 11.12.2022).
18. China's failing covid strategy leaves Xi Jinping with no good options. 03.12.2022. The Economist. Available at <https://www.economist.com/briefing/2022/12/01/chinas-failing-covid-strategy-leaves-xi-jinping-with-no-good-options> (accessed: 11.12.2022).
19. Holmes O. China Censors Maskless Crowd Footage in World Cup Broadcasts. 28.11.2022 // The Guardian. Available at <https://www.theguardian.com/world/2022/nov/28/china-censors-maskless-crowd-footage-in-world-cup-broadcasts> (accessed: 11.12.2022).
20. Аветисян Э.Г. Международный имидж КНР: факторы формирования и тренды // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. № 9. С. 85–91. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyu-imidzh-krn-factory-formirovaniya-i-trendy> (дата обращения: 12.12.2022).

21. GDP (current US\$) – China. World Bank National Accounts Data, and OECD National Accounts Data Files // The World Bank. Available at <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?end=2021&locations=CN&start=1960&view=chart> (accessed: 12.12.2022).

22. Li Zhuoran. How Beijing Accidentally Ended the Zero COVID Policy. 07.01.2023 // The Diplomat. Available at <https://thediplomat.com/2023/01/how-beijing-accidentally-ended-the-zero-covid-policy/> (accessed: 12.01.2023).

23. Stevenson, A., Wang Zixu, May, T. As China Lifts Pandemic Border Controls, Mixed Feelings at Home and Abroad. 09.01.2023 // The New York Times. Available at <https://www.nytimes.com/2023/01/08/world/asia/china-borders-covid.html> (accessed: 12.12.2022).

24. China Statistics. World Health Organization. Available at <https://www.who.int/countries/chn/> (accessed: 12.12.2022).

Сведения об авторах / Information about authors

Киселева Александра Рубэновна – магистрант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: a.kiseleva22222@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0774-4785

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Kiseleva Aleksandra R. – Master-student, Higher School of International Relations, Institute of Humanities, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: a.kiseleva22222@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0774-4785

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 13.01.2023. Одобрена после рецензирования 20.01.2023. Принята 20.01.2023.

Received 13.01.2023. Approved after reviewing 20.01.2023. Accepted 20.01.2023.

Научная статья
УДК: 32.019.5
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.6

Роль сборника цитат «Мысли Мао Цзэдуна» во внешней политике Китая

Лю Хаовэнь ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

✉ a635657978@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3496-9659>

Аннотация. Сборник цитат «Мысли Мао Цзэдуна» – это комплекс идей, базирующихся на основных принципах марксизма-ленинизма и обобщающий уникальный практический опыт китайских коммунистов во главе с важнейшим представителем Мао Цзэдуна в революционном и организационном строительстве. Автором делается акцент на том, что идеи Мао Цзэдуна, опубликованные в качестве сборника его цитат в 1966 г. в Пекине, как проекция философии марксизма, изначально носили фундаментальный характер и были удачно адаптированы им в целях социализации китайского народа, выведения его на новый уровень общественного развития. В конце 1920-х – начале 1930-х годов внутри международного коммунистического движения и Коммунистической партии Китая существовала общая ошибочная тенденция догматизации теории Маркса, культ решений Коминтерна и опыта Советского Союза, как богам. Идеи Мао Цзэдуна формировались и развивались в процессе противостояния этому ошибочному направлению в глубоком обобщении исторического опыта в этой области. Их систематизация, многостороннее развитие и зрелость пришли на поздний период Аграрной революции и период Антияпонской войны. Дальнейшее развитие продолжилось во время Освободительной войны и после образования Китайской Народной Республики. Формированию и развитию этих идей способствовали многие выдающиеся деятели Коммунистической партии Китая. Автором предложен вывод о непосредственном влиянии идей Мао на внешнюю политику Китая. Мао Цзэдун оставил наследие, в котором, впервые за долгие годы, смогла реализоваться социальная идея самоидентичности китайской нации, а также созданы новые принципы сосуществования, подтолкнувшие КНР к последующему развитию.

Ключевые слова: Китай; самоопределение; внешняя политика; суверенитет; национальные интересы; социализм; маоизм

Для цитирования: Лю Хаовэнь. Роль сборника цитат «Мысли Мао Цзэдуна» во внешней политике Китая // Россия в глобальном мире. 2023 Т. 26. Вып. 1. С. 67–82. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.6.

© Лю Хаовэнь, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 32.019.5
DOI: 10.48612/RG/RGW.26.6

The Role of the Collection of Quotes "Thoughts of Mao Zedong" in China's Foreign Policy

Liu Haowen ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ a635657978@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-3496-9659>

Abstract. *Collection "Thoughts of Mao Zedong" is a set of ideas based on the basic principles of Marxism-Leninism and summarizing the unique practical experience of the Chinese Communists, led by the most important representative of Mao Zedong in revolutionary and organizational building. The purpose of the article is to analyze the role of Mao Zedong Thought in Chinese politics, as well as the influence of Mao Zedong Thought on Chinese social and political processes.*

The author focuses on the fact that the ideas of Mao Zedong, published as a collection of his quotes in 1966 in Beijing, despite the fact that most of them are a projection of the philosophy of Marxism, were originally of a fundamental nature and were successfully adapted by him in order to socialize the Chinese people, as well as bringing it to a new level of social development. In the late 1920s and early 1930s, there was a general erroneous tendency within the international communist movement and the Chinese Communist Party to dogmatize Marx's theory and worship the decisions of the Comintern and the experience of the Soviet Union as gods. The thought of Mao Zedong was formed and developed in the process of opposing this erroneous line of thought and in a deep generalization of historical experience in this area. Their systematization, multilateral development and maturity fell on the late period of the Agrarian Revolution and the period of the Anti-Japanese War. Further development continued during the Liberation War and after the formation of the People's Republic of China. Many prominent figures of the Communist Party of China contributed to the formation and development of these ideas. A separate line in this analysis shows under the influence of which factors these ideas were formed, by whom they were supported or distorted, and also what kind of ideological influence they had in building China's relations with the rest the world. It is concluded that Mao's ideas, but also their direct impact on China's policy. Mao Zedong left a legacy in which, for the first time in many years, the social idea of the self-identity of the Chinese nation could be realized, and new principles of coexistence were created that pushed the PRC to further development.

Keywords: China; self-determination; foreign policy; sovereignty; national interests; socialism; Maoism

For citation: Liu Haowen. The Role of the Collection of Quotes "Thoughts of Mao Zedong" in China's Foreign Policy. *Russia in the Global World*. 2023 Vol. 26. Iss. 1. P. 67–82. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.6.

© Liu Haowen, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В современной концепции мироустройства пока еще не создано моделей взаимодействия, позволяющих гарантированно эффективно

сдерживать баланс сил. Вследствие чего эффект «многополярности» по-прежнему эфемерен, а поиск необходимого равновесия между интересами стран остается актуален. К примеру, современное экономическое развитие невозможно без соответствующего взаимодействия, каким бы прочным или идеальным оно не представлялось с позиции внутреннего построения. Между тем, экономический или социальный подъем какого-либо государства, при условии, что его институты в значительной степени адаптированы к внешним рыночным условиям, а прерогатива их развития затрагивает (воздействует) интересы сразу нескольких стран остается сложным и многофакторным процессом. В такой ситуации, так или иначе, внутреннее развитие оказывает деформационное влияние на сложившуюся конъюнктуру отношений, и нередко нарушает порядок действия уже сложившихся правил и принципов в международном аспекте.

Китай, как государство с ярко выраженной коммунистической моделью социального восхождения, а также гибридной моделью экономики, позволяющей держать под контролем все мировое производство товаров общего потребления, ядерная быстро развивающаяся сверхдержава, нередко становится участником крупных разногласий, затрагивающих такие сферы государственно-правового или международного регулирования, как: безопасность, экономика, социальное благосостояние, культурное взаимодействие, и др. При этом, что немаловажно, позиция Китая почти всегда носит крайне взвешенный и не ангажированный характер. Более того, за время современного становления Китай неоднократно доказывал, что, несмотря на преимущество, сформированное за счет различных факторов, его позиция в организации и лоббировании определенных принципов развития внешней политики не зиждется на праве «сильного» партнера, а скорее на праве «равного». Особое значение в данном вопросе играет период, когда страной правил Мао Цзэдун, величайший китайский правитель, революционер, создатель КНР (Китайской Народной Республики). Его стиль управления страной с первых же дней стал выражением особой ментальности Китая среди иных государств, а также доказательством тому, что современное мироустройство способно развиваться в соответствии с исключительно социальными принципами, построенными с учетом имеющейся национальной идентичности и культуры. Немаловажно отметить и то, что

сборник цитат (мыслей) указанного руководителя стал одним из популярных в мире наравне с иными популярнейшими идеологическими и философскими произведениями, сформировав тем самым одно из распространенных направлений в мировой идеологии – маоизм.

Материалы исследования и их обсуждение

Затрагивая историю формирования мыслей Мао и их влияние на общую политическую конъюнктуру всей страны, последующую роль маоизма в мировом устройстве, стоит отметить, что этому предшествовало не столько старательное отношение самого руководителя к философии социализма, сколько грамотное и продуманное внедрение субъективных взглядов, обоснованное возможностями Китая с особой ментальностью его населения.

Коммунистическая партия Китая с самого начала своего зарождения приняла за основу работы интеграцию универсальной истины марксизма-ленинизма, при этом китайский правитель стал наиболее ярким представителем такой интеграции.

Как справедливо отмечает исследователь Е.Ю. Новикова, «Мысль Мао Цзэдуна» – это применение и развитие марксизма-ленинизма в великой борьбе Китайской народной революции, продукт соединения универсальной истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции [3].

Философское видение Мао наиболее точно и системно отражено в сборнике его цитат – так называемом Цитатнике («Красная книжечка»), включавшим в себя, такие главы, как: Социализм и Коммунизм, Коммунистическая партия, Патриотизм и Интернационализм, и др. Здесь Мао отразил свои фундаментальные взгляды на необходимость развития китайского государства, и сформулировал концепт влияния коммунизма на социальное развитие: «Коммунизм – это цельная идеология пролетариата и вместе с тем – это новый общественный строй» [4].

Стоит признать то, что Мао Цзэдун обобщил опыт как побед, так и поражений Китайской народной революции в борьбе с оппортунизмом в лице Чэнь Дусю, Ван Мина, и других. В частности, еще в октябре 1939 г. в одной из публикаций он впервые выдвинул формулу соединения марксистско-ленинской теории с конкретной практикой китайской революции. Как было отражено в издании, в истории партии всякий раз,

когда универсальная истина марксизма-ленинизма хорошо сочеталась с конкретной практикой китайской революции, революция развивалась и одерживала победы; в противном случае она ставилась исключительно только с неудачами [5].

При этом Мао Цзэдун был очень осторожен и осмотрителен в своих теоретических взглядах. Он долгое время не соглашался на предложения о пропаганде собственных идей, поскольку полагал, что их цитирование может привести к новым монархическим задаткам, исключив из революционного развития самую важную деталь – право людей быть свободными. Именно по этой причине вышеуказанный сборник его основных мыслей, которые впоследствии были использованы единомышленниками для усиления роли социализма в развитии Китая, был выпущен лишь в 1966 г., в определенном смысле это было более чем обоснованно.

Мао, указывая на то, что мировой империализм и господствующая в Китае чанкайшистская реакционная клика уже прогнили и лишены перспектив, настаивал на том, что в будущем социальное и идеологическое преобразование мирового устройства неизбежно [6].

Вместе с тем в 1943 г., благодаря изучению кампании по исправлению положения в Яньани, идеологический уровень всей партии значительно повысился, соратники по партии в достаточной мере убедились в том, что идея интеграции марксистско-ленинской теории с конкретной практикой китайской революции, представленной Мао Цзэдуном, была единственно правильным мышлением, которое могло привести китайскую революцию к победе. В этом же году Коммунистическая партия Китая отпраздновала свое 22-летие, при том, что самому Мао Цзэдуну уже исполнилось пятьдесят лет. Некоторые его единомышленники внутри партии говорили о публичном праздновании его дня рождения и поднимали вопрос о пропаганде идей Мао Цзэдуна.

В частности, Кай Фэн, в то время начальник отдела пропаганды при ЦК партии, доложил об этом предложении Мао Цзэдуну. Он не согласился ни на празднование дня рождения, ни на упоминание своих идей. По последнему вопросу он ответил в письме Кай Фэну от 22 апреля следующее: «Я сам чувствую, что мое мышление (марксистско-ленинское) еще не созрело, поскольку находится в стадии обучения, то есть

зарождается. Если и есть что распространять, то лишь отдельные его части, потому что моя система еще не достигла зрелости» [7].

Однако уже в июне 1945 г. на очередном съезде партии было внесено такое предложение: «Коммунистическая партия Китая принимает идею Мао Цзэдуна – мысль о единстве марксистско-ленинской теории с практикой китайской революции – как руководство для всей своей работы, и выступает против любых догматических или эмпирических отклонений» [8, с. 70]. Впоследствии Мао Цзэдун продолжал выступать против нереалистичных ссылок на свои собственные идеи, которые, как он постоянно говорил, были рождены коллективной борьбой партии и народа.

Е Цзяньин одним из первых изложил идеи Мао Цзэдуна в своем выступлении на митинге, посвященном 30-летию образования Китайской Народной Республики, где указал, что: «Разумеется, мысль Мао Цзэдуна не является продуктом личной деятельности Мао Цзэдуна, одной только мудрости, она также является продуктом мудрости его соратников по оружию, партии и революционного народа, и, как он однажды указал, она возникла из «коллективной борьбы партии и народа» [4, с. 642].

Между тем, из рукописей Мао Цзэдуна, дошедших до наших дней, становится известно, что в августе 1948 г., один из руководителей партийного звена, У Юйчжан в своей речи, которую он должен был произнести на открытии Северо-Китайского университета, из уважения к мысли Мао Цзэдуна, задумал превратить идеи Мао Цзэдуна в уже сложившееся политико-философское направление – маоцзэдунизм. В телеграмме Мао Цзэдуну он просил официального разрешения на это, на что получил ответ: «Это выражение крайне неуместно. Нет такой вещи, как маоцзэдунизм. Дело не в том, чтобы «преимущественно изучать маоцзэдунизм», а в том, что необходимо призывать студентов к изучению теорий Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, а также опыта китайской революции» [9, с. 580].

Отдельно стоит упомянуть факт возмущения Мао Цзэдуна действиями Линь Бяо, одного из партийных функционеров фанатично преданного идеям Мао, участников «Банды четырех»¹, которые из

¹ «Банда четырёх» (кит. трад. 四人幫, упр. 四人帮, пиньинь Sìrén bāng, палл. Сы жэнь бан) – термин, используемый в официальной китайской пропаганде и историографии для обозначения группы высших руководителей Коммунистической парт Китая, выдвинувшихся в ходе Культурной революции 1966–1976 годов.

корыстных побуждений пытались его «обожесть». Мао Цзэдун выступал против добавления восхваляющих его ненаучных выражений. 25 июля 1966 г. Мао Цзэдун сделал следующие замечания к документу: «Обратите внимание и впредь воздержитесь от употребления таких формулировок, как «высший, самый творческий путь...», «высшее» и «высшая директива». В январе 1968 г. Мао Цзэдун, знакомясь с текстом информационного сообщения, жирными линиями зачеркнул следующие два отрывка: «Слова председателя Мао высочайшего уровня, величайшей силы, каждая его фраза – истина, а одно единственное предложение равно десяти тысячам» [10, с. 181].

Как показывает история, за долгие годы своей революционной практики, в том числе и на фоне развития внешней политики, Мао придавал большое значение пропаганде марксистской теории познания. В 1937 г. он читал лекции в Антияпонском военно-политическом колледже Яннаня, где одной из тем была «Практика». Во время кампании по исправлению положения в Яньане была собрана коллекция документов для изучения, в которую вошли многие важные труды Мао Цзэдуна. В этих работах Мао Цзэдун сосредоточился на изложении вопросов теории познания. Применяя принципы диалектического материализма, ему удалось сформировать идейную линию коммунистической партии, положив в её основу обязательность достижения истины через призму связи теории с практикой (действительностью). Нужно отметить, что идеологическая линия диалектического и исторического материализма, составляют квинтэссенцию идей Мао Цзэдуна [11].

Связь теории с практикой – один из трех основных концептов работы Коммунистической партии, продвигаемых Мао Цзэдуном. Более того, при исследовании идей марксизма-ленинизма, а также их влияния на китайскую идеологию. На взгляд автора, необходимо их изучить в историческом контексте и использовать при решении теоретических и тактических проблем революции и строительства, а не сводить анализ важнейших тезисов к декларации цитат из произведений классиков марксизма [12].

В декабре 1960 г., к документу «Записки ЦК КПК о «Резолюции об усилении политической и идеологической работы армии» расширенного заседания Военной комиссии», Мао Цзэдун добавил очень важный

отрывок, где особое внимание обратил на следующее: «Какова подготовка кадров вооруженных сил и качество их образования. С учетом сложившихся реалий и необходимости именно практического применения приведенных идей, указанная категория служащих должна изучать классические работы Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Основным методом обучения в соответствии с потребностями нашей работы (для решения китайских и международных проблем), должен выступать метод консультирования и глубокого понимания трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, а не изучение ради изучения, или бездумного заучивания идей марксизма-ленинизма. Точно таким же должен быть и метод чтения произведений Мао Цзэдуна» [12, с. 420].

25 сентября 1964 г. Мао Цзэдун сделал очень важное примечание к документу, составленному ответственным исполнителем из ЦК: «Среди наших кадров немало считают себя правыми. Одна из причин этого в том, что они не понимают марксистской теории познания. Поэтому, важно будет проявить терпение в данном вопросе. Примите решение «спуститься вниз» и остаться в определенном месте на долгое время, и вы сможете услышать голос нации, постепенно понять объективную истину через практику, сделать ее субъективной истиной, а затем снова применить ее на практике, чтобы посмотреть, работает ли это. Если нет, то надо еще раз посоветоваться с массами на практике. Таким образом, проблема выполнения действий в соответствии с установленными правилами, т.е. проблема догматизма, может быть решена. Если так не делается, то, чем выше служебный ранг, тем меньше у него правды. Это касается как высокопоставленных чиновников, так и мелких чиновников» [12, с. 421].

Вскоре после этого, 18 октября 1964 г., Мао Цзэдун добавил к этому еще одно замечание: «Познавая объективную истину, мы понимаем, что человек на практике отражает явления и сущность объективного внешнего мира, который, пройдя постепенное и радикальное, меняется, становится субъективной истиной, которую еще предстоит проверить. Если мы хотим знать, действительно ли субъективная истина, полученная в процессе, отражает объективную истину (то есть закон) или нет, нам нужно вернуться к практике, чтобы увидеть, работает это или нет» [12, с. 423]. В этой записке подчеркивалась необходимость терпеливо пропагандировать марксистскую теорию познания. В ней еще раз, в простой для понимания

форме объяснялся принцип «прихода от масс», «прихода к массам», познания и проверки истины на практике. Это вызвало необходимость покончить с «установленными правилами», «догмами» и «слепой верой», встречающимися в то время. В проницательном наблюдении Мао указывал на то, что чем выше служебный ранг человека, тем меньше у него правды, когда он отступает от марксистской теории познания [12].

Четкость позиции в вопросах самопознания, обусловило влияние мыслей Мао Цзэдуна на внешнюю политику. Как справедливо отмечено исследователем Х.Д. Самиевым, идеи Мао стали ключевыми не только в социальной идентификации китайского народа, но и в отношениях с другими, недружественными КНР странами. В частности, после того, как гегемония социальной политики идей Мао стала усиливаться, представителями американского правительства были сделаны ряд заявлений, важнейшими из которых, стали упреки в адрес Мао и его сторонников в создании «нового коммунистического государства», истинной целью образования которого является советская прерогатива изменения курса мироустройства и нарушения имеющихся договоренностей между СССР и США.

Отдельное внимание в контексте рассматриваемой темы стоит уделить политике, которая оценивалась и проводилась в отношении стран с ярко выраженной, по мнению Мао Цзэдуна, империалистической составляющей [2]. Можно выделить два основных периода изменений внешнеполитического курса: первый – 1949 – середина 1950-х гг.; второй – 1956–1965 гг. В указанные периоды дипломатия Мао была сосредоточена вокруг трех основных тезисов, выдвинутых им в ходе реализации своей политической программы: «склониться в одну сторону»; «начать все сначала»; «навести порядок в доме, а потом приглашать гостей».

В первую очередь, это затрагивало отношения между Китаем и Советским Союзом, переводя их в стратегическую модель дальнейшего взаимодействия. Кроме этого, в своих речах, посвященных указанному взаимодействию, Мао неоднократно подчеркивал роль СССР в становлении «Нового Китая», опираясь на него, как на главного союзника в борьбе с империализмом.

Накануне создания Нового Китая председатель Мао Цзэдун изложил позицию, где были отражены важнейшие принципы, подчеркивающие

необходимость создания и развития новой внешней политики Китая. На II пленуме ЦК КПК седьмого созыва в марте 1949 г., в преддверии победы Китайской народной революции во всей стране, Мао был выдвинут целый комплекс идей, ориентирующих организацию победы революции в общенациональном масштабе. Кроме всего прочего, им было обращено внимание на то, что с приходом победы революции её центральное направление необходимо перенести из деревни в город, так как звеном последующего развития должна стать производственно-созидательная деятельность. В этой связи, следует «уделять значительное внимание взаимосвязи между городом и деревней, между рабочими и крестьянами, сельским хозяйством и промышленностью». Отметив значительные успехи коммунистической партии в организации политической, экономической и дипломатической составляющих выбранного курса, Мао обратил внимание на то, что в стране необходимо опираться на анализ экономических укладов, последовательно переходя к мысли о необходимости преобразования страны из аграрной в индустриальную и соответственно перехода от новодемократического общества к социалистическому. В ходе настоящего съезда Мао, в очередной раз, были выдвинуты идеи о закреплении военно-политического сотрудничества между СССР и Китаем [2].

По результатам указанного Пленума были приняты решения: усилить влияния партии в сфере индустриального развития государства, произвести ликвидацию реакционных вооружённых сил, которые способствуют классовому расслоению, мобилизовать силы на восстановление и развитие производственной сферы, реформировать законодательство Китая, предоставляя частному сектору также возможность экономически развиваться, принято решение о военно-политическом сотрудничестве между Китаем и СССР [13]. Это важное решение было принято в свете исторической и реалистичной ситуации в Китае и в соответствии с существующей международной обстановкой того времени. Для того, чтобы полностью порвать с внешней политикой старого и полуколониального Китая и отстаивать независимость и суверенитет Нового Китая, председатель Мао Цзэдун следовал описанным выше принципам («начать заново» и «навести порядок в доме, прежде чем приглашать гостей») [5].

Китай отказался от всех дипломатических отношений, которые гоминьдановское правительство установило с зарубежными странами, при этом он обращался с главами иностранных дипломатических миссий, аккредитованных в Старом Китае, как с обычными иностранными гражданами, а не как с дипломатическими посланниками. Он рассмотрел все договоры и соглашения, заключенные Старым Китаем с зарубежными странами, выяснял прерогативы и влияние иных государств в Китае.

Постепенно политика «склонения в одну сторону» находит свое выражение в том, что Китай стремится к социалистической парадигме внутреннего развития. Между тем, в ходе Освободительной войны (с 1946 по 1949 гг.) в Китае, на международной арене возникло острое противостояние между социалистическим лагерем во главе с Советским Союзом и империалистическим лагерем во главе с США. Соединенные Штаты в данном вопросе оказались на стороне Гоминьдана, и в своих действиях всячески способствовали развязыванию гражданской войны. Более того, после рождения «Нового Китая» империалисты не смирились со своим поражением в Китае, и могли осуществить вооруженную интервенцию против Китая, в то время как Советский Союз давно симпатизировал и поддерживал национально-демократическую революцию китайского народа.

На фоне заявленного Национальный комитет Китая в сентябре 1949 г. досрочно проводит сессию, на которой принимается «Общая программа Народного политического консультативного совета Китая», где конкретно отражается следующее: «Принцип внешней политики Китайской Народной Республики определяет защита независимости, свободы, целостности территории и суверенитета страны, отстаивание прочного международного мира и дружественного сотрудничества между народами всех стран, противодействие империалистической политике агрессии и войне» [12, с. 424].

В указанной программе определяются основные принципы, включая придание силы закона трем основным политическим аргументам. При этом особо отмечается, что КНР находит возможным объединение с любыми миролюбивыми и свободолюбивыми странами и народами, в числе которых, прежде всего, был Советский Союз, а также со всеми народными демократиями и всеми угнетенными нациями. «Отныне Китай станет на новый путь международного сотрудничества, обусловленный в первую очередь установлением международного мира и демократии, чтобы

противостоять империалистической агрессии и защищать прочный мир во всем мире» [2]. Отдельно было отмечено, что КНР может восстанавливать и развивать торговые отношения с иностранными правительствами и народами на основе равенства и взаимной выгоды. Все эти принципы, выраженные в конкретной политической деятельности, нашли свое отражение в будущей дипломатической работе Нового Китая.

Фактически, речь идет о формировании дипломатической линии, где основное внимание сконцентрировано на том, чтобы снивелировать действия стран, которые в отношениях с государствами, с ярко выраженной социалистической составляющей, демонстрируют свой негатив, и стараются всячески навредить их интересам. Дипломатическая логика Мао в таких документах, как «Отбрось иллюзии и готовься к бою», «Прощай, Стюарт», «Китайский народ, вставай» и других, строилась на общем выводе, основу которого составлял концепт: Китай более века терпел империалистическую агрессию, поэтому Новый Китай должен незамедлительно принимать меры, направленные на перепрограммирование внешней политики, делая главным фактором независимость и избирательность в отношениях с другими государствами. Из чего следует, что именно противодействие агрессивным империалистическим войнам и колониальному гнету составляет политическую основу дипломатической мысли Мао Цзэдуна. Мао отмечал, что креативность внешней политики КНР претерпевает свое изменение; в современной международной системе «Восток подчинен Западу», а борьба за суверенитет между западными державами и отсталыми странами фактически является борьбой между линиями за и против европоцентризма.

Одной из основных целей отсталых стран является создание современных суверенных государств. В империалистической и колониальной системе принятие суверенитета, равенства и независимости в качестве основной дипломатической цели и сопротивление империалистической и колониальной агрессии, эксплуатации и угнетению, стало ценностной ориентацией новой китайской дипломатии. Создание современного национального государства является своего рода исторической миссией дипломатической мысли Мао Цзэдуна [14, с. 62].

Осмысление ситуации «холодной войны» стало важным мотивом для зарождения решимости Мао Цзэдуна о неизбежности перехода к независимой дипломатии. Ранее, когда он думал об отношениях между

Китаем и иностранными державами, у него формировалась сильная воля к независимому подъему нации. По мере дальнейших изменений в международной обстановке указанная дипломатическая позиция постепенно трансформировалась в фактор дипломатической независимости, укрепляющий положение и влияние КНР на внешней арене. С этого момента китайские коммунисты стали самостоятельно оценивать международное положение.

Нужно сказать, что война в Корее в начале 1950-х годов, еще больше укрепила стратегическое мышление Мао Цзэдуна и политическую волю к независимой дипломатии, что проявилось в следующем. Во-первых, учитывая характер войны, Китай заручился поддержкой справедливости. Это укрепило решимость и волю к тому, чтобы Новый Китай самостоятельно участвовал в войне. Во-вторых, нерешительность и разобщенность Советского Союза вызывали у него сомнения в политике СССР, что еще больше укрепляло решимость Китая осуществлять независимую дипломатию. В-третьих, Мао позиционировал Корейскую войну как борьбу между империалистическими гегемонистскими силами и национально-освободительными силами, а участие Китая в войне было политической гарантией независимой дипломатии. В своем отчете о состоянии нации на указанный период руководитель Китая отмечал: «Китай на своем собственном опыте испытывает нехватку поддержки со стороны стран-союзников, но это только на пользу развития, поскольку в этом видится большой путь политической самоидентификации и установления новых принципов международных отношений между КНР и остальными странами» [1, с. 400].

Заключение и выводы

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в основу создания и развития нового (народного) Китая положено политическое наследие мыслей Мао Цзэдуна, прежде всего, затрагивающих такие аспекты, как: экономическое и идеологическое развитие, дипломатический курс, формирование новых начал при взаимодействии граждан во внутреннем пространстве, деятельность и развитие социальных институтов, и др. Благодаря следованию изложенных принципов, их распространения в качестве лейтмотива, формирования новой политической идеологии, с учетом влияния внешних факторов, а также

внутренней разобщенности, была удачно сформирована абсолютно новая для Китая социальная доктрина.

Идеи Мао создали революционное начало, позволившее снивелировать идею «старого» управления, которая, как показала практика, вносила в китайское общество серьезные разногласия. Отмечая отсталость и рудиментарность действующих принципов, Мао смог сформулировать новую идею, позволившую войти в жизнь новым формам социалистического развития. Немаловажным является то, что Мао не искал путь личной философии, противопоставляя всем остальным течениям, а последовательно, учитывая степень влияния социалистической мысли на неокрепшее сознание народных масс, формулировал её толкование через реальность. Безусловно, главным достижением Мао считается то, что его креативность позволила Китаю серьезно социализировать экономическую составляющую, увязывая между собой производственный и сельскохозяйственный фактор развития.

Мао, благодаря личной и социальной целеустремленности, а также стратегической оценке влияния идей коммуны на сознание китайской нации, очень грамотно использовал ситуацию для создания в её среде новых принципов сосуществования как внутри страны, так и на уровне межгосударственного сотрудничества. Благодаря этому, Китаю удалось выстроить стратегическое партнерство с иными акторами международных отношений, и значительно повлиять на волю данных участников в контексте их перезагрузки.

Характерно, что фундаментальные мысли китайского лидера не стали догмами с точки зрения того, что вообще нужно понимать под философской концепцией, однако, его осведомленность и верное понятийное представление о роли социализма в развитии государственного строя стали основополагающими факторами укрепления выбранного курса и успешной реализации политической стратегии, как во внешнеполитической сфере, так и во внутренних делах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Canchu Lin., Clair R.P. Measuring Mao Zedong Thought and Interpreting Organizational Communication in China // Management Communication Quarterly. 2007. Vol. 20. Is. 4. P. 395–429. DOI: 10.1177/0893318907299177.

2. Жданов В.Л. Концепция «трех миров» Мао Цзэдуна в контексте традиционных политических доктрин Китая: дис. ... канд. полит. наук: Специальность: 23.00.01. М., 2005. 188 с.
3. Новикова Е.Ю. Философия Мао Цзэдуна и современность // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2013. № 12(66). С. 31–37.
4. Waldron, A. The life of Mao Zedong // *Orbis*. 2000. Vol. 44. Is. 4. P. 637–647.
5. Симонов Ю.П. От Кира Великого до Мао Цзэдуна. Юг и Восток в вопросах и ответах. М.: Изд-во АСТ, 2015. 352 с.
6. Konash, D.S. Vectors China's Foreign Policy in 20th Century: Features, Tools, Resources // *Siberian Anthropological Journal*. 2021. № 3. P. 278–284.
7. Грачиков Е.Н. Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 3. С. 33–41. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-33-41.
8. Ли Сыци. Искусство речи Мао Цзэдуна // *Политическая лингвистика*. 2018. № 2. С. 68–72.
9. Pang, H. Visual Mao Zedong and new world order // *Social Identities*. 2016. Vol. 22. No 6. P. 577–589. DOI: 10.1080/13504630.2016.1175933.
10. Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун. М.: Рипол Классик. 2003, 256 с.
11. Мао Цзэдун – Цитатник // Электронная библиотека RoyalLib.com. [эл. доступ]. URL: https://royallib.com/book/mao_tszedun/tsitatnik.html (дата обращения: 05.10.2022).
12. Смирнов Д.А. Из истории формирования и развития «идей Мао Цзэдуна» // *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура*. М.: Форум, 2013. С. 411–424.
13. Стульникова Э.Ф. Феномен «культурной революции» в КНР: истоки, характер развития, современные оценки: диссер. канд. истор. наук: 07.00.03. Казань, 2016. 228 с.
14. Полякова Ю.В., Никифорова Д.С. Социально-экономические эксперименты коммунистов КНР в XX в. и их последствия // *Евразийский журнал региональных и политических исследований*. 2019. № 1(19). С. 60–64.

REFERENCES

1. Canchu Lin., Clair R.P. Measuring Mao Zedong Thought and Interpreting Organizational Communication in China. *Management Communication Quarterly*. 2007. Vol. 20. Is. 4. P. 395–429. DOI: 10.1177/0893318907299177.
2. Zhdanov V.L. Konceptija «treh mirov» Mao Czjeduna v kontekste tradicionnyh politicheskikh doktrin Kitaja [The Concept of "Three Worlds" of Mao Zedong in the Context of Traditional Political Doctrines of China]: diss...kand. polit. Nauk. Spetsialnost: 23.00.01. M., 2005. 188 s. (In Russ.).
3. Novikova Ye.Yu. Filosofiya Mao Tszeduna i sovremennost [Philosophy of Mao Zedong and Modernity]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*. 2013. № 12(66). S. 31–37. (In Russ.).
4. Waldron, A. The life of Mao Zedong. *Orbis*, 2000. Vol. 44. No 4. P. 637–647.
5. Simonov Yu.P. Ot Kira Velikogo do Mao Tszeduna. Yug i Vostok v voprosakh i otvetakh [From Cyrus the Great to Mao Zedong. South and East in Questions and Answers]. M.: Izd. AST, 2015. 352 s. (In Russ.).
6. Konash, D.S. Vectors China's Foreign Policy in 20th Century: Features, Tools, Resources // *Siberian Anthropological Journal*. 2021. № 3. P. 278–284.

7. Grachikov E.N. Diplomacija KNR: kontekst akademicheskogo diskursa [PRC Diplomacy: The Context of Academic Discourse]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2021. T. 65. № 3. S. 33–41. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-3-33-41. (In Russ.).
8. Li Syci. Iskusstvo rechi Mao Czjeduna [The Art of Mao Zedong's Speech]. *Politicheskaja lingvistika*. 2018. №. 2. S. 68–72. (In Russ.).
9. Pang, H. Visual Mao Zedong and new world order // *Social Identities*. 2016. Vol. 22. No 6. P. 577–589. DOI: 10.1080/13504630.2016.1175933.
10. Burlatskiy F.M. Mao Czjedun [Mao Zedong]. M.: Ripol Klassik. 2003. 256 s. (In Russ.).
11. Mao Czjedun – Citatnik [Mao Zedong – Quote]. *Jelektronnaja biblioteka Royallib.com*. Available at https://royallib.com/book/mao_tszedun/tsitatnik.html (accessed: 05.10.2022). (In Russ.).
12. Smirnov D.A. Iz istorii formirovanija i razvitija «idej Mao Czjeduna» [From the History of the Formation and Development of the "Ideas of Mao Zedong"]. *Kitajskaja Narodnaja Respublika: politika, jekonomika, kul'tura*. M.: Forum, 2013. S. 411–424. (In Russ.).
13. Stul'nikova Je.F. Fenomen «kul'turnoj revoljucii» v KNR: istoki, harakter razvitija, sovremennye ocenki [The Phenomenon of "Cultural Revolution" in the PRC: Origins, Nature of Development, Modern Assessments]: disser. kand. istor. nauk: 07.00.03. Kazan', 2016. 228 s. (In Russ.).
14. Poljakova Ju.V., Nikiforova D.S. Social'no-jekonomicheskie jeksperimenty kommunistov KNR v HH v. i ih posledstvija [Socio-Economic Experiments of the Communists of the PRC in the Twentieth Century. and Their Consequences]. *Evrazijskij zhurnal regional'nyh i politicheskikh issledovanij*. 2019. № 1(19). S. 60–64. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Лю Хаовэнь – аспирант Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: a635657978@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3496-9659

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Liu Haowen – graduate student of the Higher School of International Relations of the Humanitarian Institute. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: a635657978@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3496-9659

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.11.2022. Одобрена после рецензирования 11.01.2023. Принята 20.01.2023.
Received 19.11.2022. Approved after reviewing 11.01.2023. Accepted 20.01.2023.*

research article

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.7

Suggestions for Countermeasures to Promote the Construction of a "Belt and Road" Foreign Exchange Centre in the Chengdu-Chongqing Region

Wang Yanhong ✉

Chengdu Institute of World Affairs, Chengdu, China

✉ 472260820@qq.com

***Abstract.** The Chengdu-Chongqing region is located in the hinterland of southwest China, it is situated at the intersection of the "Belt and Road" and the Yangtze River Economic Corridor. The construction of the twin-city economic circle in the Chengdu-Chongqing region is a major national regional development strategy personally planned, deployed and promoted by General Secretary of CPC Xi Jinping. Historically, the Chengdu-Chongqing region has had unique advantages. After the founding of New China, it played a major role in the construction of the Third Line; since the reform and opening up, it has always been an important growth pole in the west. Entering the new era, the level of development is higher and the conditions are better. This paper examines and promotes the establishment of the "Belt and Road" foreign exchange center in the Chengdu-Chongqing region, shows that the foreign exchange Centre will accelerate the development of Chengdu-Chongqing into a "core city" of China's "Belt and Road" opening up to South Asia, Southeast Asia, Central Asia and even Europe.*

Keywords: China; Chengdu; Chongqing; the Belt and Road initiative; regional cooperation external communication; economic and trade coordination

For citation: Wang Yanhong. Suggestions for Countermeasures to Promote the Construction of a "Belt and Road" Foreign Exchange Centre in the Chengdu-Chongqing Region. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 83–95. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.7.

© Wang Yanhong, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 339.5

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.7

Предложения по содействию строительства Центра обмена иностранной валюты «Один пояс, один путь» в регионе Чэнду-Чунцин

Ван Яньхун ✉

Институт мировых отношений Чэнду, Чэнду, Китай

✉ 472260820@qq.com

Ван Яньхун

Предложения по содействию строительства Центра обмена иностранной валюты «Один пояс, один путь» в регионе Чэнду-Чунцин

Аннотация. Регион Чэнду-Чунцин расположен в глубине юго-западного Китая, на пересечении трека инициативы «Один пояс, один путь» и экономического коридора долины реки Янцзы. Строительство экономического кольца городов-побратимов в регионе Чэнду-Чунцин является крупной национальной стратегией регионального развития, которую лично спланировал, развернул и продвигает генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин. Исторически регион Чэнду-Чунцин обладает уникальными преимуществами ресурсов, а после основания Нового Китая играет большую роль в строительстве «Третьей линии». Соответственно, после реформ и открытости территория была важным полюсом роста на западе страны с более высоким уровнем развития и лучшими условиями жизни. В предлагаемой статье рассматривается и продвигается идея создания и развития центра обмена иностранной валюты в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в регионе Чэнду-Чунцин. Автор демонстрирует, что центр обмена иностранной валюты ускорит развитие Чэнду-Чунцин как мегаполиса, открывающего широкие возможности сотрудничества со странами Южной, Юго-Восточной, Центральной Азии и Европы.

Ключевые слова: Китай; Чэнду; Чунцин; форсайт; инициатива «Один пояс, один путь»

Для цитирования: Ван Янхун. Предложения по содействию строительства Центра обмена иностранной валюты «Один пояс, один путь» в регионе Чэнду-Чунцин // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 83–95. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.7.

© Ван Янхун, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

Chongqing and Chengdu are important central cities in southwest China, with deep historical roots, close economic and social ties, and significant interaction between the central cities and the regional economy, making them one of the fastest growing regions in the inland region since the reform and opening up. In the past, the competition between Chengdu and Chongqing was once excessive and lacked synergy and cooperation. However, in the current context of the construction of the twin-city economic circle in Chengdu and Chongqing being elevated to a national strategy, the party and government of Chengdu and Chongqing are seeking a win-win cooperation and healthy competition through communication and exchange, after fully understanding each other's values and mutual consensus points [1; 2]. Against this background, the construction of the twin-city economic circle in the Chengdu-Chongqing region and the creation of an important growth pole driving high-quality development across the country is a major strategic deployment to optimize the

national regional economic layout in the new era, and a major initiative to accelerate the construction of a new development pattern [3].

Materials and Results

On 3 January 2020, General Secretary Xi Jinping presided over the sixth meeting of the Central Finance and Economics Commission and made a major decision to promote the construction of the twin-city economic circle in the Chengdu-Chongqing region and build an important growth pole for high-quality development, which provided fundamental guidelines for the development of the Chengdu-Chongqing region in the coming period. The outline proposes that the Chengdu-Chongqing region should join hands to build a highland for inland reform and opening up, take the joint construction of "One Belt and One Road" as the lead, build an international corridor with mutual assistance between land and sea, expand in four directions, and develop in a comprehensive and three-dimensional way, accelerate the construction of an inland open hub, promote in-depth system-based opening, focus on key areas such as factor We should deepen the comprehensive reform experiments, enhance market vitality, and play an exemplary and leading role in the reform and opening up of the west [4].

The Chengdu-Chongqing twin-city economic circle is located at the intersection of the "Belt and Road" and the Yangtze River Economic Belt, and is the starting point of the new land and sea corridor in the west, with the unique advantage of connecting southwest and northwest, and bridging East Asia with Southeast Asia and South Asia. Development Potential", with Chengdu in Sichuan ranked fifth and second only to North, Guangzhou and Shenzhen, and Chongqing ranked eighth, indicating that the Sichuan and Chongqing regions have achieved remarkable development results and have very large development space and potential. Yang Jirui and Luo Zhigao believe that it is important to implement the innovation-driven development strategy, collaboratively promote the integration of the advantages of the regions along the "Belt and Road" with the economic advantages of the Yangtze River Economic Belt, and promote the optimization and upgrading of the industrial structure. The development system of the industrial division of labour and cooperation among the Chengdu-Chongqing Economic Zone, the middle reaches of the Yangtze River and the Yangtze River Delta will accelerate the multi-directional interaction and

interoperability of economic factors and resource allocation, and promote the internationalization and diversification of the regional economy [5].

As a key hub of the Yangtze River Economic Belt and a key gateway to open up economic heights and development opportunities in the inland region, Chengdu and Chongqing, relying on their "safe hinterland" advantage and the new southbound international corridor, have the important task of driving the sustainable development of the western inland region and promoting the opening up and development of the western region to a wider, higher and deeper level and in more areas. As a key hub of the Yangtze River Economic Belt and a key gateway to open up the inland region to economic heights and development opportunities, Chengdu and Chongqing, relying on its "safe hinterland" advantage and the new southbound international corridor, has the important task of driving the sustainable development of the western inland region and promoting the opening up and development of the western region to a wider scope, higher level, deeper level and more fields. Externally, it has the important mission of implementing high-tech development and high level of opening up, facing South Asia, Southeast Asia and even the Middle East and Europe to participate in the new round of global competition, and becoming a new pole of growth. Looking at the import and export situation between the Sichuan and Chongqing regions and ASEAN. ASEAN is currently the largest export partner of Sichuan Province and the largest import partner of Chongqing, while the US and EU still have strong competitiveness in trade based on their maturity and developed industrialization. The Sichuan and Chongqing regions still need to strengthen coordination and cooperation in many aspects to improve the shortcomings in trade with the ASEAN region. Therefore, "giving better play to the advantages of international aviation and international railway hubs in the inland region, continuously expanding the opening up to the west and south, and building a 'one line and two circles' economic circulation circle are the realistic needs and key directions for China to implement a higher level of opening up to the outside world and open up a new situation of win-win cooperation" [6].

In August 2019, the State Council approved the Master Plan for the New Western Land and Sea Corridor, positioning Chongqing and Chengdu as international transportation hubs and important national trade and logistics centers for the new western land and sea corridor, and building three main corridors from Chongqing and Chengdu to the mouth of Beibu Gulf, becoming a

link between the "one belt" and the It will become a land and sea link between the "One Belt" and "One Road". In order to dovetail with the 21st Century Maritime Silk Road and promote cooperation on the new international land and sea trade corridor, 13 western provinces are involved in the construction of the corridor with Chongqing as the Centre and Singapore to promote the joint participation of ASEAN and related countries, and the Chengdu-Chongqing region has the conditions to participate in the competition and maintain a "cooperative, benchmarking and leading" posture. The construction of the new Western Land and Sea Corridor will strengthen the links and interactions between the international economic corridors of China – South China Peninsula, Bangladesh – India – Myanmar, the New Asia-Europe Continental Bridge, China – Central Asia – West Asia, making the new Western Land and Sea Corridor a bridge and link to promote internal and external transport between land and sea, and mutual benefit between East and West. In terms of strategic significance, "building the Chengdu-Chongqing urban agglomeration into a strategic base of the New Eurasian Continental Bridge in the 'Belt and Road' and a highland for opening up to the outside world has great practical significance and far-reaching historical implications for the Chengdu-Chongqing Economic Zone, western China and the future overall development of China" [7].

With the successful operation of Chengdu Tianfu International Airport, Chengdu is the fourth largest aviation hub in China and has the largest number of consular offices in the inland region; Chongqing is an important national center for advanced manufacturing, an important link between the "Belt and Road" and the Yangtze River Economic Belt and an inland open highland, and its location advantages have become more prominent. On the land corridor, Chengdu aims to build China's largest inland port, and Chongqing aims to do business as a national logistics hub and global partner. Chengdu and Chongqing aim to do business with global partners as a national logistics hub, while Chengdu and Chongqing aim to be the core of the China-Europe lane and add to it at both ends. Therefore, Chengdu and Chongqing need to build an economic, trade, cultural and tourism consumption center in South and Southeast Asia along the Belt and Road, based on high-quality development, and build an international gateway city with significant influence across Europe and Asia.

The Plan has just proposed to promote the construction of open platforms at a high level to create an inland opening gateway: building a demonstration

zone for the synergistic opening of the Sichuan-Chongqing Free Trade Pilot Zone; accelerating the construction of bilateral cooperation parks in China-Germany, China-France, China-Switzerland (Shi) and China-Italy; promoting the China-Singapore (Chongqing) Strategic Interconnection Demonstration Project; expanding the opening of financial, technological, medical, trade and digital economy sectors; and jointly building an international data port. There is still a great deal of work to be done to better leverage the twin-city economic circle in the Chengdu-Chongqing region and achieve synergistic economic development. In order to improve the capacity for collaborative innovation development in the region and promote the high-quality development of the Chengdu-Chongqing region, it is necessary to, firstly, identify the development pattern and transform the "siphon effect" into a "driving effect"; secondly, further optimize the environment for collaborative innovation development; thirdly, refine the division of labour in the industrial chain of the twin circles and The third is to refine the division of labour between the industrial chains of the two regions and break the homogeneous competition between the two regions [8].

Discussion

The Plan proposes to support the organization of important international conferences and events. Support the joint construction of "Belt and Road" science and technology innovation cooperation zones and international technology transfer Centre's, and co-organize "Belt and Road" science and technology exchange conferences. Organize large-scale international exhibitions such as the China International Smart Industry Fair, the Western China International Investment and Trade Fair, the Western China International Fair and the China (Mianyang) Science and Technology City International Science and Technology Fair to a high standard. Deepening international exchanges in the fields of culture, education, healthcare and sports, building national cultural export bases of high quality, and supporting the export of Chinese culture such as Sichuan opera and colored lanterns. Strengthen international friendship city exchanges. Support the establishment of a practice system for overseas professionals, relax restrictions on overseas personnel taking examinations for various professional qualifications (excluding medical and health personnel

qualifications), and support the provision of entry, exit and residency facilities for foreign high-level talents to invest and work in China [4].

*The "Belt and Road" External Communication Center
Should Play a Comprehensive and Innovative Function of Policy Coordination*

First of all, the Chengdu-Chongqing region is the strategic centre for the southward expansion of the "Belt and Road". Relying on the advantages of Sichuan and Chengdu-Chongqing's regional economic radiation function, it will drive the economic, trade and industrial linkages of the western provinces along the Belt and Road, such as promoting the China-Singapore (Chongqing) Strategic Connectivity Demonstration Project, supporting the opening up of the Chongqing and Sichuan Free Trade Pilot Zones; expanding the opening up of the financial, technological, medical, trade and digital economy sectors; and jointly building an international data port. On this basis, "the regional central cities should actively participate and integrate into the 'Belt and Road' construction, dovetail well with the Chongqing Pilot Free Trade Zone and Sichuan Pilot Free Trade Zone, introduce special policies and measures, seek opportunities for opening up to the outside world for development, accelerate the pace of development to the west and south, and raise the level of opening up to the outside world" [9]. Secondly, we should upgrade and build into a high-capacity business district with international influence in Chongqing, promote the transformation and upgrading of the economic structure, use innovation as the driving force, and vigorously develop advanced service industries featuring Bayu culture, Tianfu culture and park culture. Once again, the Chengdu-Chongqing region should be built as a cultural and tourism highland for inland opening, and a world-renowned Eastern Net Red Mountain City and a famous park culture city. In the 14th Five-Year Plan, Sichuan proposed to "build a cultural tourism corridor in Sichuan to create a world-important tourism destination"[10], and Chongqing also proposed to "promote the construction of a cultural tourism corridor in Sichuan to create a world-class leisure and tourism destination with international flair, Chinese flavor and the charm of Sichuan. Chongqing has also proposed to "promote the construction of the Ba Shu Cultural Tourism Corridor to create a world-class leisure and tourism destination with international flair, Chinese flavor and Ba Shu charm"[11]. Finally, we will make efforts to create an international business environment and lay a solid

foundation for Chengdu and Chongqing to become an international consumption center. The Chengdu-Chongqing region should deepen the reform of "management and service", focusing on policies on industry and commerce, taxation, foreign affairs, customs, finance, talents, transportation and public services, especially pilot demonstration policies, and establish a mechanism for mutual recognition and sharing of policies to create a high-level business environment [12]. Specifically, we will create a fair, open and transparent business environment, build a western logistics, trade, science and innovation, aviation and shipping and financial center, accelerate the development of modern service industries such as tourism, cultural and creative industries and professional knowledge consulting, and give full play to the innovative guidance role of coordinated industrial and competition policies.

*Create and Build a "One Belt, One Road" Foreign Exchange Centre,
an Industry, Science and Education Collaborative Innovation Center*

The establishment of a large data center, a center for scientific and technological innovation and transformation, a "Belt and Road" smart city, and the creation of a "Belt and Road" city alliance will greatly improve the interconnection of related cities in the exchange of information and people. Specifically, Chengdu and Chongqing will adhere to the innovation-driven strategy and, in the process of building the twin-city economic landscape, "take the government as the leader, the market as the basis and enterprises as the main body, optimize and improve the integrated layout of productivity in the twin-city economic circle of Chengdu and Chongqing, accelerate the construction of the whole industrial chain and supply chain in Chengdu and Chongqing, form a reasonable industrial division of labour system, promote the transformation of the manufacturing industry from high speed to high quality development, and jointly promote the transformation of the twin-city economic circle from high speed to high quality. It will jointly promote the information infrastructure of the twin cities to reach the world's advanced level, accelerate the construction of 5G networks, and realize the interconnection of satellite navigation and positioning benchmarking service systems; jointly build digital cities and smart cities; vigorously develop specialized services based on the Internet of Things, big data and artificial intelligence, and enhance the level of integrated development, information collaboration and refined management in various fields" [13]. In

addition, through the launch of the "Belt and Road" industry association, to help enterprises to go out in an orderly manner, to provide legal, economic and financial advice and financial support for enterprises. In addition, enterprises should set up research funds, strengthen cooperation with NGOs and important think tanks and public opinion media in Belt and Road-related countries, and upgrade the influence of the West Expo. "The influence of domestic and international fairs such as the Belt and Road Foreign Exchange Centre can be based on the original West Fair, making it a regular event, which can be divided into a science and technology pavilion, an economic and trade pavilion, and an education and cultural exchange pavilion.

*Promote International Humanities Cooperation and Innovation on all Fronts,
Explore the Establishment of a Mechanism for Humanities Dialogue,
and Exchange from High-Level to Civil Society on the Belt and Road*

Diplomatic Sanction is the key to transforming urban foreign affairs and urban diplomacy. It will serve the goal of building Chengdu as an international park city and achieving the goal of Chengdu and Chongqing as an international consumer center and innovative city, and accelerate the development of Chengdu and Chongqing as the "core first city" of China's "One Belt, One Road" cooperation and opening up to the trans-Himalayan countries (South Asia, Southeast Asia and Central Asia)".

With a long history and a rich cultural heritage, Chengdu and Chongqing have a unique urban character, and its urban characteristics remain distinctive in the advancement of modernization and internationalization, which shows its inclusive image to the international community. On the other hand, as an international hub city, it has close interaction with the country and the world, and has become an important node of interconnection, with a huge radiation effect, and in the information age city, the location of Chengdu and Chongqing in the global supply chain. The role of Chengdu and Chongqing in the global supply chain has become more and more prominent in international interactions. On this basis, "insist on open development, build an inland open highland, strengthen the cooperation between the Chengdu-Chongqing city cluster and other city clusters and regional segments, and speed up the pace of 'going out' by using the connecting channels such as Yuxin-Europe and Rong-Europe" [14]. The promotion in the field of humanities can break the cognitive barriers of

western ideologies, serve the communication of people's hearts, build a humanities exchange mechanism with the participation of the government and the people, such as organizing activities such as cultural years and art festivals and fairs, creating a humanities grand tour, encouraging rich and diverse folk cultural exchanges, actively promoting Chinese medicine and the culture of Ba Shu to "go out", and transforming cultural The cultural resources advantage will be transformed into cultural creation and cultural industry advantage.

Promote the Silk Road spirit of sharing, mutual learning, mutual learning and mutual benefit, and promote the building of think-tank alliances. Actively establish alliances that effectively promote interconnection, such as strategic alliances of universities, think tanks and industrial alliances along the Belt and Road. Create tourism associations and sports associations along the Belt and Road to promote people-to-people exchanges; build international conference centers such as the Universiade and international education exchange centers to promote exchanges and interaction between universities, experts and scholars, and highly skilled personnel. Promote educational and cultural linkages, such as Sichuan University, University of Electronic Science and Technology, Southwest Jiaotong University, Chai University, Tibetan, Yunnan and Guizhou universities, etc., to build an international high-end think tank for the Chengdu Trans-Himalayan Forum. The focus will be on creating four functional entities, namely the Trans-Himalayan XX Industry or Cultural Research Institute, to implement the international think tank strategy; the Trans-Himalayan XX Industry and Technology Expo, to implement the exhibition economy strategy; and the Trans Himalayan Culture, Art and Tourism Centre" to implement a culture, art and tourism exchange strategy, "Trans-Himalayan Consular District" to implement a consular strategy, "Trans-Himalayan National Civil Service Training and International Student Training Base " to implement the strategy of internationalization of education. to achieve people-to-people contact with cultural and economic exchanges.

Create a Cultural Exchange Centre for South and Southeast Asia, as a Landmark Project for Chengdu to Play the Role of a Bridge between the "Two ASIAs" (South and Southeast Asia) and the "Two Oceans" (Indian and Pacific Oceans)

The Centre will mobilize the enthusiasm of different actors such as the government, enterprises, higher education institutions, the media and literary

and artistic groups to carry out exchanges with South and Southeast Asian countries in the fields of culture and art, economy and technology, and social science; establish exchanges and cooperation with institutions, experts and scholars, and renowned personalities from various countries and regions; organize international conferences, performances and exhibitions, training and lectures, and book and audio-visual publications and distribution at home and abroad; and continue to expand exchanges and visits. In addition, we will continue to expand the scale and areas of exchange activities. Focus on the implementation of the "Southern Silk Road Institute", "South Asian and Southeast Asian countries cultural exhibition hall and art gallery", "Southeast Asian and South Asian cuisine street", "Southeast Asian and South Asian style park". "South-East Asian and South Asian Style Park", "International Conference Centre", "International Student Business Investment Incubation Park", "International School and Hospital "and a cultural theme park. To this end, the top-level design has been strengthened, and cultural exchange brands have been carefully created, with the Southern Silk Road Cultural Festival and Arts Festival jointly held with countries along the route, and a variety of cultural forums, exhibitions and performances have been organized. Around the theme of mutual appreciation of civilizations, we will jointly translate and publish relevant books, and film and broadcast relevant movies and videos. Using online platforms, new media and AR/VR artificial intelligence, we will enhance the influence of Chengdu's Ba Shu culture, Chengdu's "Sanxingdui Culture" and "Jinsha Ruins" culture through music, performances, animation, online games and other cultural products, and build a brand that will make Chengdu a pleasant place to live and work. The branding of Chengdu as an international metropolis that is liveable and workable.

Concluding Remarks

We have reasons to believe that the establishment of the "Belt and Road" foreign exchange Centre in the Chengdu-Chongqing region will accelerate the development of Chengdu-Chongqing into a "core city" of China's "Belt and Road" opening up to South Asia, Southeast Asia, Central Asia and even Europe. "It will serve the goal of building and realizing an international innovative city in Chengdu and Chongqing, and lay a solid foundation for Chengdu and

Chongqing to become an inland open city cluster with international influence and a center for trade and logistics, science and technology innovation, finance and cultural export base.

REFERENCES

1. Yi Miao. Exploring the Construction of the Twin-City Economic Circle in the Chengdu-Chongqing Region in the New Era: a Historical Review and a Realistic study'. *Western Forum*. 2021. Vol. 3. P. 72–81.
2. Yang Jirui, Zhou Li. Reconstructing the Benign Relationship Between the Twin-City Economic circle of Chengdu and Chongqing Based on the Competition Game of Cooperation. *Social Science Research*. 2021. Vol. 4. P. 100–109.
3. Shi Yulong, Pan Zhaoyu. Study on the Optimisation of the Spatial Pattern of the Twin-City Economic Circle in the Chengdu-Chongqing Region. *Regional Economic Review*. 2021. Vol. 4. P. 127–134.
4. Outline of the Construction Plan for the Twin-City Economic Circle in the Chengdu-Chongqing Region. *People's Daily Newspaper*. 21 October 2021. P. 01.
5. Yang Jirui and Luo Zhigao. Reflections and Countermeasures on the Strategic Synergy between the Construction of "One Belt and One Road" and the Yangtze River Economic Belt. *Economic Column*. 2017. Vol. 12, No. 12. P. 85–90.
6. Yang Vanadium. Promoting the accelerated integration of the twin-city economic circle in the Chengdu-Chongqing region into the new development pattern. *Macroeconomic Management*. 2021. Vol. 5. P.77–83.
7. Liao Yuanhe. The Construction of the Eurasian Continental Bridge in the Context of the "Belt and Road" Strategy. *Economic System Reform*. 2016. Vol. 5. P. 62–66.
8. Huang Huan. A Study on the Collaborative Innovation Development Capacity of the Twin-City Economic Circle in the Chengdu-Chongqing Region. *Technology Economics*. 2021. Vol. 6. P. 31–38.
9. Luo Zhigao. A Multi-Dimensional Orientation for the Construction of Regional Central Cities: An Analysis of the Chengdu-Chongqing Urban Agglomeration. *Reform*. 2018. Vol. 1. No. 1. P. 106–116.
10. Proposal of the CPC Sichuan Provincial Committee on the Formulation of the 14th Five-Year Plan for the National Economic and Social Development of Sichuan Province and the Visionary Goals for 2035. *Sichuan Daily Newspaper*. 10 December 2020. P. 01.
11. Proposal of the Chongqing Municipal Committee of the Communist Party of China on Formulating the Fourteenth Five-Year Plan for National Economic and Social Development of Chongqing and Visionary Goals for 2035. *Chongqing Daily Newspaper*. 3 December 2020. P. 01.
12. Liu Zhiyan, Deng Lanyan. Difficulties in the Construction of the Twin-City Economic Circle in the Chengdu-Chongqing Region and Strategies to Promote it'. *Urban and Environmental Studies*. 2021. Vol. 3. P. 24–35
13. He Yimin. Exploring the Construction of the Twin-City Economic Circle in the Chengdu-Chongqing Region in a Multi-Dimensional Perspective. *Journal of Sichuan Normal University (Social Science Edition)*. 2021. Vol. 3. P. 180–190.

14. Wang Jia-ning. Assessment of the Effectiveness of Government Transformation in the Chengdu-Chongqing Urban Agglomeration. *Reform*. 2016. Vol. 4. No. 4. P. 6–26.

Сведения об авторах / Information about authors

Ван Яньхун – младший научный сотрудник, Чэндуский институт мировых проблем.
E-mail: 472260820@qq.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Wang Yanhong – assistant researcher, Chengdu Institute of World Affairs.

E-mail: 472260820@qq.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023. Одобрена после рецензирования 02.02.2023. Принята 08.02.2023.
Received 01.02.2023. Approved after reviewing 02.02.2023. Accepted date 08.02.2023.*

СТРАНЫ, НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ STATES, NATIONS AND CULTURES

Научная статья
УДК: 902/904
DOI: 10.48612/RG/RGW.26.8

Actio in distans: южноамериканские исследования в отечественной археологии. Часть I

Соколовский Василий Андреевич ✉
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
✉ v.sokolovskii@g.nsu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2881-8133>

Ковалёва Ника Николаевна
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
n.kovaleva@g.nsu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1811-1502>

***Аннотация.** Научные интересы отечественных археологов никогда не ограничивались географически – в разные годы предпринимались успешные попытки реализации археологических проектов во многих странах мира: Ирак, Сирия, Египет, Венгрия, Болгария, Куба, Вьетнам, Норвегия, Афганистан и др. Исследования на южноамериканском континенте начались в первой половине XIX века с путешествий и экспедиций натуралистов и этнографов. Археологические исследования и изыскания на континенте с переменным успехом продолжаются и по сегодняшний день, но встречаются со множеством трудностей, обусловленными политическими и логистическими факторами. Целью серии статей является обзор характера изучения древних культур Южной Америки отечественными исследователями в исторической динамике. Будут рассмотрены основные публикационные сюжеты и подходы к исследованиям. Настоящий обзор посвящён истории отечественных археологических исследований Южной Америки в период с начала XIX века до 1990-х годов. За 150-летний период проявляется не только первое знакомство с археологией и древней историей континента, но и активная вовлечённость российских специалистов в решение актуальных научных проблем, а также их участие в первых экспедициях в Южной Америке. Показано, что, несмотря на малочисленность археологов-американистов, ими успешно решались задачи по изучению доколумбовой Южной Америки, в основном, по опубликованным материалам, без доступа непосредственно к самим источникам. Кроме того, существовали ограничения в издании публикаций на иностранных языках и трудности, препятствующие организации археологических проектов на континенте.*

Ключевые слова: история археологии; Южная Америка; отечественная американистика; русские археологи; советская археология

Для цитирования: Соколовский В.А., Ковалёва Н.Н. Actio in distans: южноамериканские исследования в отечественной археологии. Часть I // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 96–117. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.8.

© Соколовский В.А., Ковалёва Н.Н., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 902/904

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.8

Actio in Distans: South American Studies in Russian Archaeology. Part I

Vasily A. Sokolovsky ✉

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

✉ v.sokolovskii@g.nsu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2881-8133>

Nika N. Kovaleva

Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

n.kovaleva@g.nsu.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1811-1502>

Abstract. *Research interests of Russian archaeologists have never been limited geographically. In different years, there were successful efforts of archaeological projects in many countries: Iraq, Syria, Hungary, Bulgaria, Cuba, Vietnam, Norway, Afghanistan et al. Explorations in South America began in the beginning of XIXth century by expeditions of Russian naturalists and ethnographers. Archaeological investigations on the continent has continued with varying success to the present day, but has encountered many difficulties, not least due to political and logistic factors. The purpose of this and the next articles is to review the history of South American studies in Russia. The main publication subjects and research approaches will be reviewed. This article focuses on the history of Russian archaeological research in South America in the period from the beginning of the XIXth century to the 1990s. For almost 150 years, Russian specialists have not only gained knowledge about the archaeology and ancient history of South America, but also participated in the first expeditions to the continent and addressed the actual research problems of South American archaeology. In spite of the small number of archaeologists focused on Pre-Columbian South America, they effectively studied archaeology of the entire region, but mostly from the literature, with no access to artifacts. At the same time, there were limitations in publishing in foreign languages and difficulties in organizing archaeological projects on the continent.*

Keywords: History of archaeology; South America; American studies in Russia; Russian archaeologists; Soviet Archaeology

For citation: Sokolovsky, V.A. Kovaleva, N.N. Actio in distans: South American Studies in Russian Archaeology. Part I. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 96–117. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.8.

© Sokolovsky, V.A. Kovaleva, N.N., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Изучение Южной Америки профессиональными археологами началось в конце XIX – начале XX вв. Археологическое освоение и изучение различных регионов континента связано, в первую очередь, с географическим, климатическим и историко-динамическим факторами. Они отражают не только степень изученности различных регионов континента, но и разветвлённый парадигмальный характер южноамериканской археологии, что является следствием большого количества археологических проектов и миссий разных государств (США, Великобритании, Германии, Японии, Франции, Польши и др.). Наиболее изученным, с археологической точки зрения, является регион Анд, где в различные эпохи доколумбовой истории формировались высокие культуры, такие как чавин, уари, тиауанако, инки и пр. Наименее изученным стоит признать заповедный тропическими лесами и изрезанный многочисленными притоками самой длинной реки планеты обширный регион Амазонской низменности.

История археологического изучения Латинской Америки в целом (куда практически полностью, за исключением Суринама и Гайаны, входит Южная Америка) уже затрагивались в некоторых публикациях [1; 2, с. 104–114; 3; 4; 5; 6] и у нас есть все основания говорить об «определённой научной традиции изучения древних культур Южной Америки» [2, с. 105].

Под термином американистика мы подразумеваем обобщенное название научного направления, затрагивающего проблемы археологии, антропологии, этнографии и истории Нового Света, включающего в себя несколько культурно-географических регионов: Северную Америку, Мезоамерику, Центральную Америку, Южную Америку.

В этом исследовании будет рассмотрена только археологическая и этнолого-антропологическая составляющие американистики в контексте изучения российскими учёными Южной Америки. На передовых позициях в изучении проблем археологии и древней истории Нового Света находится майянистика. Отечественные учёные вышли на уровень осмысления работ предшественников – в первую очередь Юрия Валентиновича Кнорозова (1922–1999): изданы биография Ю.В. Кнорозова под авторством Г.Г. Ершовой [7], перевод книги М. Ко, выполненный Д.Д. Беляевым [8] и, ко всему прочему, произошло широкое освещение

судьбы отечественного дешифровщика письменности майя в различных СМИ. В 2022 г. Президент РФ В.В. Путин поручил увековечить память Кнорозова в связи с его столетним юбилеем [9].

Стоит отдельно рассмотреть вклад отечественных учёных в изучение истории доколумбовой Южной Америки. За последние десять лет отечественная американистика качественно изменилась в своей эпистемологической структуре. В частности, изменилась и та научная традиция изучения древних культур Южной Америки, про которую мы писали чуть выше. Помимо освещения новых проблем и появления новых научных трудов, возобновляется участие российских археологов в полевых исследованиях континента. Кроме того, недавно были опубликованы обзорные статьи, посвященные отечественным исследователям, которые занимались и занимаются современными социально-экономическими и политическими аспектами стран Нового Света [10; 11].

Материалы и их обсуждение

Первые научные изыскания отечественных учёных в Южной Америке относятся к началу – середине XIX века. В это время организуются научные экспедиции на континент. В 1822–1829 гг. проводилась экспедиция в Бразилию под руководством академика Петербургской Академии наук Григория Ивановича Лангсдорфа (1774–1852), который ходатайствовал перед Александром I о помощи с организацией, мотивируя тем, что крупное научное предприятие поспособствует укреплению международного авторитета России. В результате император взял экспедицию под свое покровительство и распорядился о ее финансировании за счет государства. Участники экспедиции за 8 лет путешествий по Бразилии преодолели более 15 тыс. км, что выглядит внушительным даже в наши дни. Этнографический материал экспедиции представляет собой как уникальные предметы, принадлежащие индейским племенам, многие из которых к нашему времени исчезли, так и полевые записи участников экспедиции об их жизни и быте, словари их языков и экспедиционные рисунки. Г.И. Лангсдорф черпал информацию из рассказов дорожных знакомых: местных фазендейру, священников, представителей администрации, из личных встреч с индейцами, делал копии и конспекты архивных документов. Можно сказать, что Г.И. Лангсдорф является одним из основоположников отечественной американистики [12].

Людвиг Ридель (1790–1861) – натуралист, участник экспедиции Г.И. Лангсдорфа привез в Санкт-Петербург в 1830 г. основную часть коллекции и представил императору Николаю I проект о продолжении экспедиции. Она состоялась в 1831–1836 гг. с непосредственным участием Л. Риделя [13, с. 127]. В 1854 г. состоялся визит Леопольда Ивановича Шренка (1826–1894) в Перу. Он пробыл там всего одиннадцать дней, но оставил большое количество заметок в своих дневниках. В том числе, он ознакомился с доколумбовыми древностями (керамика, оружие, мумии, скелеты «аборигенов Перу») в Национальном историческом музее (г. Лима) [2, с. 105; 13, с. 130–161]. Л.И. Шренк приобрёл коллекцию керамики и каменных орудий археологической культуры чиму (1300–1470 гг. н.э.) и сделанные из перьев украшения индейцев Перу более позднего времени [14].

В 1914–1915 гг. состоялась вторая русская экспедиция в Южную Америку. Участники экспедиции побывали в нескольких странах – Бразилии, Аргентине, Парагвае, Перу. Один из участников экспедиции – Фёдор Артурович Фиельструп (1889–1933) – провёл раскопки на Огненной Земле (Ушуая) и в Перу. На Огненной Земле он раскопал «кухонную кучу», где были найдены несколько костяных наконечников гарпунов. В Перу Ф.А. Фиельструп провёл раскопки в Пачакамаке и Кахамаркилье [15, с. 223]. Им были обнаружены керамические изделия, а также приобретены у местного крестьянина несколько орнаментированных фрагментов материи, которые также были найдены в погребениях. Все эти коллекции Ф.А. Фиельструп передал директору Этнографического музея Национального университета Буэнос-Айреса Х.Б. Амбросетти. В общей сложности участниками экспедиции было собрано более 750 предметов, принадлежащих коренным народам тех стран, в которых они побывали [13, с. 259–261]. Этнографические коллекции, добытые участниками экспедиций, хранятся в фондах МАЭ РАН (Кунсткамера)¹.

Для советского времени В.А. Башилов и В.И. Гуляев выделяют четыре периода в истории археологических исследований [1]: 1) 1917 – начало 1950-х; 2) начало 1950-х – начало 1960-х; 3) начало 1960-х – конец 1970-х; конец 1970-х – 1980-е. А.В. Табарев добавляет ещё один период, уже выходящий за пределы советской эпохи – 1991–2006 [3], рамки

¹ МАЭ – Музей антропологии и этнографии с 1992 г. С 1933 по 1992 г – Ленинградское отделение Института антропологии, археологии и этнографии (с 1937 г. – Института этнографии).

которого очерчены написанием его статьи. Мы с полной уверенностью можем говорить о предшествующем 1917 г. периоду – начало XIX в. – 1917 г. Он связан с этнографическими и географическими интересами отечественных учёных в Южной Америке. Археологический материал, полученный в ходе раскопок или приобретённый у местных *huaqueros*², рассматривался, в первую очередь, через призму этнографии.

Конечно, 1917 г. – условная граница, часто фигурирующая в периодизации отечественной археологии (например, в монографии Г.С. Лебедева [16]), но, следует отметить, что одним из самых катастрофических следствий Октябрьского переворота стало осознанное исключение дореволюционного наследия из культурного фонда [16, с. 5]. Качественные изменения в археологической мысли происходят немного позже – в 1920-е – 1930-е годы [17, с. 18]. Тогда отечественная археология находилась под давлением новой идеологии, при этом первых археологов советской эпохи нельзя с полной уверенностью назвать знатоками трудов классиков марксизма. Однако, некоторые принципы «московских социологизаторов» и «ленинградских стадиалистов» были выдвинуты в 1960-е годы «новыми археологами» [18, с. 22].

В этой среде сформировался первый профессиональный советский археолог-американист – Алексей Владимирович Мачинский (1910–1942). Его биографии посвящена обстоятельная статья Н.Ю. Смирнова [19]. Мы же кратко остановимся на латиноамериканских интересах А.В. Мачинского. В 1935 г. А.В. Мачинский начал работать в Отделе Центральной и Южной Америки ИААЭ АН СССР³. Будучи по образованию историком-востоковедом и археологом-кавказоведом (в 1931 г. окончил ЛИЛИ⁴ по специальности «История Древнего Востока», участвовал в Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК⁵ А.А. Миллера), интересно, что уже в

² *huaqueros* (уакерос, гуакерос) (от кечуа *wak'a* «святыня, священное место») – термин, обозначающий грабителей могил и погребений (преимущественно доколумбовых) в некоторых странах Латинской Америки; аналог т.н. «чёрных копателей». В некоторых сельских районах это явление (уакерия) приобрело характер религиозного ритуала [2, с. 45].

³ ИААЭ – Институт антропологии, археологии и этнографии с 1933 по 1937 г. С 1937 по 1990 г. – Институт этнографии (ИЭ АН СССР). С 1990 г. – Институт этнологии и антропологии (ИЭА РАН).

⁴ ЛИЛИ – Ленинградский государственный историко-лингвистический институт с 1930 по 1933 г. С 1933 г. – Ленинградский историко-философско-лингвистический институт (ЛИФЛИ). В 1937 г. был реорганизован в структуру Ленинградского государственного университета (ЛГУ).

⁵ ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры с 1926 по 1937 г. С 1937 по 1959 г. – Институт истории материальной культуры (ИИМК АН СССР). С 1959 по 1991 г. –

1936 г. А.В. Мачинский называет американистику своей специальностью. В Институте этнографии она занимался «подборкой материалов по номенклатуре родства в древней Мексике; составлением списка племён Мексики и Центральной Америки; составлением статьи для справочника по коллекциям ИАЭ» [19, с. 25]. В 1937 г. А.В. Мачинский восстановил экспозицию народов Мексики, сгоревшую после пожара [13, с. 319; 19, с. 26].

А.В. Мачинский активно публиковался: за семь лет им было подготовлено десять статей по американистской тематике, в которых он делал обзоры новейшей литературы, публиковал краткие сообщения о находках. Например, он первым познакомил советских археологов с находками культуры кловис, хотя и отрицал их «большую древность» [20]. Во многом мнение А.В. Мачинского по этому вопросу совпадало с позицией Алеша Хрдлички: «чем древнее находка, тем примитивнее её облик» [21, с. 16]. Интересно, что А. Хрдличка выступал в 1939 г. в Институте этнографии с докладом «Связь между Америкой и Азией с точки зрения антропологии и этнографии», с выводами которого советские учёные согласились [22].

А.В. Мачинского преимущественно интересовали Мексика и Центральная Америка. В публикациях по этим регионам видны основные интересы А.В. Мачинского – социальная организация общества: «...вследствие неудовлетворительности методики раскопок, добытый материал не позволяет нам составить отчётливое представление о социальной организации этого общества...» [23, с. 293]; «чтобы иметь представление о том, насколько неполно рассматривается социальная организация общества» [23, с. 300] и др. В целом, А.В. Мачинский отмечает, что западные археологи «далеки от тех вопросов, которые прежде всего интересуют нас, вопросов экономики и социального строя...» [24, с. 152].

В БСЭ он опубликовал статью, где дал общую характеристику «Древнему Перу»⁶ [25]. Для «Всемирной истории» А.В. Мачинский готовил раздел про Древнюю Америку, который должен был состоять из

Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ЛОИА). С 1991 г. – Институт истории материальной культуры (ИИМК РАН).

⁶ Стоит отметить и одноимённую публикацию М.О. Косвена, вышедшую годом позднее, в которой даётся общее описание древнего Перу и утверждается, что оно «представляло собой ранне-классовое рабовладельческое общество восточного типа» [26].

разделов «Древнейшие поселения...», «Древняя Мексика...», «Ирокезский род...», «Неолит Америки...»⁷ [19, с. 38].

А.В. Мачинский погиб на фронте в декабре 1942 г. Вопросы, которые он поставил первым, будут находить отражение в последующих работах отечественных археологов-американистов (В.А. Башилова, В.И. Гуляева, Ю.Е. Берёзкина и др.).

Относительно периода 1917 – нач. 1950-х гг. стоит отметить две академические экспедиции. Весной 1925 г. по случаю столетнего юбилея завершения экспедиции Г.И. Лангсдорфа, Владимир Германович Богораз (1865–1936), будучи на тот момент заведующим отделом Центральной и Южной Америки МАЭ обратился в Академию наук с просьбой о финансировании этнографической экспедиции в составе трех сотрудников МАЭ в Колумбию, Аргентину и Бразилию. В финансировании было отказано. Но все же в 1926 г. состоялась экспедиция в Колумбию, участие в которой приняли лишь биологи и зоологи, в том числе с целью сбора этнографических коллекций. Участники экспедиции передали МАЭ в дар коллекцию этнографических предметов культуры индейцев корегуахе [13, с. 284–285].

Важны изыскания академика Николая Ивановича Вавилова (1887–1943) в Новом Свете в первой половине 1930-х гг. Н.И. Вавилов выделял несколько центров происхождения земледелия в Новом Свете: южномексиканский и центральноамериканский (включая Антильские острова), южноамериканский (перувувиано-эквадоро-боливийский). К основному перуанскому очагу, Н.И. Вавилов добавил ещё два: чилоанский и бразильско-парагвайский [27, с. 382–393]. Анды он противопоставлял Мезоамерике, при этом указывая на самостоятельное возникновение обоих очагов [27, с. 290]. «Первенство за Перу, несомненно, только в отношении

⁷ Когда мы готовили эту статью, в Нижнем Новгороде 14–15 октября 2022 г. состоялся X Американистский симпозиум: «Российское видение Америк» (материалы конференции не опубликованы, с программой и видеозаписями докладов можно ознакомиться здесь – anthroamericas.ru/?p=1402). Доклад Д.Д. Беляева «А.В. Мачинский: забытая фигура советской древнеамериканистики» очень схож с нашим разделом о А.В. Мачинском, однако Д.Д. Беляев в докладе показал полное содержание части «Древняя Америка» для «Всемирной истории». А.В. Мачинский поставил для себя большую задачу по описанию американской преистории. В том числе, там должны были быть разделы по Южной Америке: «Неолит Южной Америки», «Первобытно-коммунистическое общество на территории Перу (до XIII в. н.э.)», главы по чибча (XIV–XV вв. н.э.), кечуа и аймара (XIII–XVI вв. н.э.), и культуре Древнего Перу. Д.Д. Беляев также показал наименования неопубликованных работ, хранящихся в архиве ИИМКа, в которых много внимания уделено южноамериканской проблематике.

домашних животных» [27, с. 273] – писал академик, подразумевая, горные Анды; земледелие тихоокеанского побережья Южной Америки, по его мнению, носило вторичный характер [27, с. 280, 291]. Н.И. Вавилов не являлся профессиональным археологом, однако его идеи о происхождении очагов земледелия стали популярны в мировой археологии и до сих пор часто цитируются в археологической литературе, посвященной проблемам происхождения земледелия, культивации растений и т.п.

Главный тезис Н.И. Вавилова о распространении культурных растений из одного региона в соседние в результате расселения древних племен, шел в разрез с догмами, утвердившимися в ГАИМК к началу 1930-х гг., где не хотели признавать большую роль миграций в истории человечества. Травля великого русского ботаника и генетика привела к его трагической гибели [28, с. 59, 218, 220–221].

Во время допросов НКВД в 1940 г., Н.И. Вавилов признался, что в октябре 1932 г. встречался в Перу с Е.Н. Яковлевым – «белоэмигрант, бывший белый офицер, замдиректора Археологического музея в Лиме (столица Перу)» [29, с. 331–335]. Русский перуанец Евгений Никандрович Яковлев (Эухенио Яковлефф) (1895–1934) – один из немногих представителей белоэмигрантов и их потомков в археологии Латинской Америки. Он использовал свои знания в области ботаники и зоологии в исследованиях иконографии доколумбовой перуанской керамики. Е.Н. Яковлеву принадлежит ряд интерпретаций мотивов и сюжетов на керамике культуры наска. Его публикации 1930-х годов остаются актуальными и в наши дни [2, с. 65].

Начало 1950-х – начало 1960-х гг. ознаменуется возросшим интересом к американистике. В 1952 г. в Институте этнографии был организован сектор народов Америки, Австралии и Океании (заведующий – С.А. Токарев), который в 1957 г. выделили в отдельный сектор народов Америки [30, с. 89]. В 1961 г. создан Институт Латинской Америки АН СССР, основной вектор работы которого современные проблемы региона, однако в нём существовали подразделения, сотрудники которых занимались изучением доколумбовой Америки. В 1962 г. основан сектор зарубежной археологии в Институте археологии (г. Москва), где работали и специалисты по доколумбовой Америке [1, р. 9]. В 1963 г. в МАЭ

(Кунсткамера) воссоздан сектор Америки (заведующий – Р.В. Кинжалов) [13, с. 387].

Э.Г. Александренков отмечает, что интерес к американистике в Советском Союзе возрос после победы сторонников «Движения 26-го июля» в Кубинской революции. В эти годы в ИЭ АН СССР начинается издание страноведческих сборников по Латинской Америке [30, с. 90].

Начинают активно публиковаться крупнейшие отечественные майянисты – Юрий Валентинович Кнорозов (1922–1999) и Ростислав Васильевич Кинжалов (1920–2006). Первый посвятил себя дешифровке письменности майя, второй – культуре и религии этого народа. Южноамериканской проблематике посвящены статья Р.В. Кинжалова о сосуде из Чанкая, хранящегося в Эрмитаже и обзор некоторых древних культур континента в книге «Искусство древней Америки» [31; 32]. Обобщённая информация об археологических культурах Южной Америки была представлена в главе «Всемирной истории» [33, с. 59–83] и в двухтомнике «Народы Америки» [34].

В последующих периодах (1960-е – 1970-е и 1970-е – 1980-е гг.) происходят качественные изменения во всей американистике и, как верно отмечает А.В. Табарев, «количество публикаций слишком велико, чтобы анализировать их в рамках одной статьи» [3, р. 7]. В этот период происходит формирование первых археологов-американистов в СССР, после практически двадцатилетнего перерыва: В.И. Гуляева (специалист по Мезоамерике), В.А. Башилова и Ю.Е. Берёзкина (специалисты по Южной Америке).

Владимир Александрович Башилов (1936–2005), как и Валерий Иванович Гуляев (1938–2022), первоначально планировал связать свою жизнь со скифо-сарматской археологией, однако некоторые требования, которые были поставлены для АН СССР номенклатурой, вынудили его и В.И. Гуляева поступить в аспирантуру Института археологии по направлению «Археология Латинской Америки» [35; 36]. В 1967 г. В.А. Башилов защитил кандидатскую диссертацию по теме «Древние цивилизации Центральных Анд», по которой в 1972 г. была опубликована монография [37].

С середины 1970-х В.А. Башилов начал интенсивно заниматься темой происхождения производящего хозяйства в Центральных Андах.

В списке научных работ В.А. Башилова [38] по данной теме представлено 16 публикаций, большинство из которых приходится на 1979-1990 гг. В 1998 г. В.А. Башилов защитил докторскую диссертацию «“Неолитическая революция” в Центральных Андах», по которой в 1999 г. он издал одноимённую монографию [39]. Несомненно, что концептуальной основой трудов В.А. Башилова выступала концепция «неолитической революции» В.Г. Чайлда. Отечественный учёный пришёл к выводу, что «неолитическая революция» в Центральных Андах протекала по двум сценариям: классическому (в перуанской сьерре – горные Анды) и атипичному (на перуанском побережье – косте), которые характеризуются «появлением продуктивного хозяйства без изменения его типа (т.е. рыболовецкого промысла), в рамках присваивающей экономики» [39, с. 153–160]. Свой интерес к проблемам неолита В.А. Башилов также развивал в рамках исследований Месопотамской археологической экспедиции в Ираке [35].

В целом, идеи В.Г. Чайлда были известны отечественным учёным ещё при жизни классика археологии [17, с. 104–117], однако проблемы «неолитической революции» стали наиболее сильно волновать советских археологов в 1960–1970-е гг. Во многом на это повлиял Вадим Михайлович Массон (1929–2010), который в 1971 г. представил три модели «неолитической революции» – ближневосточную, мезоамериканскую и перуанскую. Перуанская модель по В.М. Массону заключается в том, что рыболовство имело большую роль в зарождении земледелия, но постепенно отходило на второй план и «повсеместно утверждалась оседло-земледельческая экономика» [40, с. 133].

Показательна публикация 1969 г. Юрия Евгеньевича Берёзкина (1946 – н.в.), в то время студента ЛГУ [41], который указал на превалирующий характер морского промысла в хозяйстве прибрежной части Древнего Перу. Только через шесть лет, была опубликована книга Майкла Эдварда Мозли «Морские основания цивилизации Анд» [42], где была представлена одноименная гипотеза, основные положения которой практически вторят более ранним выводам советского исследователя.

В 1970–1980-е гг. Ю.Е. Берёзкин занимался культурами начального периода – среднего горизонта Перу, однако наибольший интерес уделял моче – культуре раннего промежуточного периода. Большое внимание в изучении этой культуры исследователь уделял иконографии, через

которую пытался реконструировать мифологию и социальный строй [43; 44; 45; 46].

Помимо культур Центральных Анд в отечественной научной сфере появляется литература по археологии Колумбии. Монография Светланы Алексеевны Созиной (1936–2016) «Муиски: еще одна цивилизация Южной Америки» представляет собой первую обобщающую работу о социально-экономических институтах муисков. В этой работе С.А. Созина придерживается формационного подхода и сравнивает социальный строй чибча-муисков с «раннеклассовой деспотической империей инков», «городами-государствами майя» и «государственным объединением астеков» [47, с. 173]. Советская исследовательница приходит к выводу, что общество муисков имело «первичные формы созревания государственности» [47, с. 92].

В 1980-е гг. начинаются полевые исследования советских археологов в Латинской Америке. В первую очередь, стоит отметить участие В.А. Башилова в раскопках ряда памятников культур йотоко и сонсо (середина IV – начало XVI вв. н.э.) в районе оз. Калима в Колумбии. Результаты работ были представлены в ряде статей на русском языке и обобщающей монографии на испанском [48; 49; 50; 51]. Большую роль в организации участия советского учёного в этой экспедиции сыграл колумбийский археолог Карлос Армандо Родригес, который в 1987 г. под руководством В.А. Башилова защитил кандидатскую диссертацию [52, с. 5].

Параллельно шли исследования археологов из Института истории, филологии и философии СО АН СССР на Кубе в 1978–1990-х гг., где изучались памятники древнейшей истории острова – заселения его человеком. Опубликованы результаты работ до 1986 г. в специальном сборнике [53] и некоторые последующие результаты в научно-популярной статье [54].

В 1960-е – 1980-е гг. также организуются выставки южноамериканских археологических находок [55], выходят переводные статьи южноамериканских археологов. Стоит отметить публикации по археологии Эквадора (Х.Г. Маркос), Венесуэлы (М. Санеха, И. Варгас), Колумбии (Д. Луке Гомес) в сборнике «Проблемы археологии и древней истории Латинской Америки» под редакцией В.А. Башилова [56] и статью Б. Меггерс по концепции «дзёмон-вальдивия» [57]. Важно появление

научно-популярной литературы о доколумбовой Южной Америке [58–60]. Крупным направлением в эти годы было исследование индейцев-кечуа и истории инков [61–65].

Заключение

Таким образом, за период с середины XIX в. до конца XX в. отечественные учёные внесли большой вклад в изучение доколумбовой Южной Америки. Первыми исследователями – путешественниками, этнографами, натуралистами – были заложены основы отечественной американистики: собраны обширные коллекции, оставлены уникальные рукописи по уже исчезнувшим народам, как, например, архив Г.И. Лангсдорфа, который, содержит более 4 тыс. страниц рукописей, сотни рисунков, карт и планов [12, с. 91]. Начало американистики в России было в значительной степени этнографическим. Э.Г. Александренков отмечает, что в 1960-х гг. в этнографической латиноамериканистике бытуют два основных направления: изучение коренного населения и этническая история; такие вопросы как заселение Америки и происхождение происходящего хозяйства переходят в область археологии [30, с. 90].

Знали ли западные археологи об исследованиях советских учёных? О работах Ю.В. Кнорозова, безусловно, знали. Он был лично знаком и вёл переписки с ведущими майянистами – М. Ко, Т.А. Проскуряковой, Д. Келли, Т. Бартелем, Ф. Бломом. В 1956 г. Ю.В. Кнорозов был включен в советскую делегацию на XXXII Международный конгресса американистов в Копенгагене. Помимо Ю.В. Кнорозова, в делегацию входили будущий академик А.П. Окладников и И.А. Золоторевская. В Копенгагене Ю.В. Кнорозов представил свои результаты по дешифровке письменности майя; его доклад был опубликован в *Journal de la Société des américanistes* (Журнал Общества американистов) [7].

Если говорить про археологов-южноамериканистов, нельзя с уверенностью утверждать, что их имена и работы были широко известны зарубежным коллегам. Стоит отметить сложность публикации в зарубежных изданиях для многих ученых. Например, у В.А. Башилова до 1990 г. (практически за 30 лет специализации в области археологии Южной Америки) было 5 публикаций на английском и испанском языках [38].

В то же время, на завершающем этапе дискуссии о «Морских основаниях цивилизации Анд» (MFAC) Майкл Эдвард Мозли признал, что становление концепции MFAC шло в американской и советской науке параллельно. В своей статье он кратко и сухо описал концепции «неолитической революции» В.М. Массона и В.А. Башилова – о них он знал из переписки [66, р. 8–10]. В свою очередь, перуанский археолог Дуччо Бонавиа отмечает, что М.Э. Мозли не принимает во внимание то, что «ни Башилов, ни Массон никогда не работали в Перу и что их теоретические интерпретации основаны на весьма ограниченной библиографии... Выдвигать такие гипотезы легко, трудно их поддерживать» [67].

Действительно, политико-идеологический контекст в советской науке, отсутствие финансирования, а зачастую и интереса со стороны Академии наук СССР не позволяли советским археологам полноценно участвовать в археологических экспедициях в странах Латинской Америки, затрудняли свободное общение с зарубежными учеными. Советские археологи, при масштабности решаемых вопросов, были вынуждены работать в условиях (как внешнеполитических, так и внутригосударственных), препятствующих формированию полноценного направления по археологическому изучению культур Южной Америки.

В последующей статье нами будет рассмотрено современное состояние изучения древних культур Южной Америки отечественными исследователями.

Благодарности

Серию статей по проблеме мы посвящаем д.ист.н., в.н.с., зав. сектором зарубежной археологии ИАЭТ СО РАН, доценту кафедры археологии и этнографии НГУ, Андрею Владимировичу Табареву – нашему Учителю, отмечающему в этом году своё 60-летие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bashilov V.A., Gulyaev V.I. A Bibliography of Soviet Studies of the Ancient Cultures of Latin America. // Latin American Antiquity. 1990. Vol. 1(1). P. 5–22.
2. Табарев А.В. Введение в археологию Южной Америки: Анды и тихоокеанское побережье: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во «Сибирская научная книга», 2006. 244 с.

3. Tabarev A.V. The South American Archaeology in the Russian Historiography // International Journal of South American Archaeology. 2007. Vol. 1. P. 6–12.
4. Табарев А.В. Академик А.П. Окладников и отечественная американистика // Окно в неведомый мир. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 87–90.
5. Табарев А.В. Некоторые итоги и перспективы развития американистики в Новосибирском научном центре // Евразийское культурное пространство. Актуальные проблемы археологии, этнологии, антропологии: материалы докладов ведущих ученых на V (L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых 4–9 апреля 2010 г. Иркутск. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2010. С. 119–129.
6. Кравцова А.С., Табарев А.В. Загадочный регион: археология Центральной Америки в российской историографии // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 2. С. 59–66.
7. Ершова Г.Г. Последний гений XX века. Юрий Кнорозов. Судьба ученого. М.: РГГУ, 2019. 798 с.
8. Ко М. Разгадка кода майя: как учёные расшифровали письменность древней цивилизации. М.: Эксмо, 2021. 416 с.
9. Указ Президента Российской Федерации от 01.07.2022 № 419 "Об увековечении памяти Ю.В.Кнорозова и праздновании 100-летия со дня его рождения".
10. Иванов И.И. Обзор отечественной американистики // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 6. С. 353–375.
11. Яковлев П.П., Яковлева Н.М. Отечественная латиноамериканистика: традиции и современность (к 60-летию ИЛА РАН) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 6. С. 329–352.
12. Комиссаров Б.Н. Этнографические исследования академика Г.И. Лангсдорфа // Советская Этнография. 1975. №3. С. 83–97.
13. Корсун С.А. Американистика в Кунсткамере (1714–2014). СПб.: МАЭ РАН, 2015. 504 с.
14. Яковлева Л.М. Керамика Чиму из коллекции Л.И. Шренка в собрании МАЭ // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. LVI. Этнография и археология коренного населения Америки. СПб.: Наука, 2010. С. 176–186.
15. Соболева Е.С. Этнографические маршруты Ф.А. Фиельструпа (по письмам из Латинской Америки начала XX в.) // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 217–228.
16. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.
17. Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: Издательство «Фарн», 1993. 128 с.
18. Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011. 624 с.
19. Смирнов Н.Ю. Археолог Алексей Владимирович Мачинский // Ладога и проблемы древней и средневековой истории северной Евразии. Сборник статей. По материалам XIX и XX чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских (Старая Ладога, 20–21 декабря 2014 г.; Старая Ладога, 26–27 декабря 2015 г.). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 6–43.
20. Мачинский А.В. Две новые псевдопалеолитические находки в Америке // Советская археология. 1940. Т. 5. С. 305.

21. Гнесь А.А. Первые американцы: диалоги Старого и Нового Света. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. 124 с.
22. Доклад американского антрополога д-ра А. Грдлички в Институте этнографии Академии наук СССР // Советская этнография. 1940. № 3. С. 256–258.
23. Мачинский А.В. Несколько новых книг по археологии и истории Центральной Америки // Советская археология. 1936. Т. 1. С. 291–302.
24. Мачинский А.В. Новая литература по этнографии Центральной Америки // Советская этнография. 1936. № 6. С. 145–152.
25. Мачинский А.В. Древнее Перу // Большая советская энциклопедия. 1940. Т. 45. С. 212–215.
26. Косвен М.О. Древнее Перу // Исторический журнал. 1941. №3. С. 3–25.
27. Вавилов Н.И. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1. Л.: Наука, 1967. 424 с.
28. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак, 2004. 320 с.
29. Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. Биографический очерк. Документы. М.: Academia, 1999. 552 с.
30. Александренков Э.Г. Что интересовало российских этнографов в Латинской Америке? // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 85–101.
31. Кинжалов Р.В. Древнеперуанский керамический сосуд из Чанкая // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1957. Вып. 12. С. 89–94.
32. Кинжалов Р.В. Искусство древней Америки. М.: Наука, 1962. 240 с.
33. Всемирная история. Т. IV. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958. 823 с.
34. Народы Америки. В 2 т. М.: Издательство Академии наук СССР, 1959.
35. Мошкова М.Г., Бадер Н.О., Мунчаев Р.М. Памяти Владимира Александровича Башилова // Российская археология. 2006. № 4. С. 188–189.
36. Мунчаев Р.М. В междуречье Тигра и Ефрата: воспоминания о работе В.А. Башилова в Месопотамии // Проблемы современной археологии: (сб. памяти Владимира Александровича Башилова). М.: ТАУС, 2008. С. 12–23.
37. Башилов В.А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М.: Наука, 1972. 210 с.
38. Список научных работ ведущего научного сотрудника Института Археологии РАН, доктора исторических наук Башилова Владимира Александровича // Проблемы современной археологии: (сб. памяти Владимира Александровича Башилова). М.: ТАУС, 2008. С. 7–11.
39. Башилов В.А. «Неолитическая революция» в Центральном Андах: Две модели палеоэкономического процесса. М.: ТОО «Старый сад», 1999. 206 с.
40. Массон В.М. Поселение Джейтун (проблемы становления производящей экономики). Л.: Наука, 1971. 208 с.
41. Берёзкин Ю.Е. Начало земледелия на перуанском побережье // Советская археология. 1969. № 1. С. 3–12.
42. Moseley M.E. The Maritime Foundations of Andean Civilization. Menlo Park: Cummings Publishing Company, 1975. 131 p.
43. Берёзкин Ю.Е. Из истории древнего Перу: социальная структура мочика сквозь призму мифологии // Вестник древней истории. 1978. № 3. С. 38–59.
44. Берёзкин Ю.Е. Морские плавания в мифах мочика (Перу) // Страны и народы Востока. Вып. XX. Страны и народы бассейна Тихого океана. Книга 4. М.: Наука, 1979. С. 162–171.

45. Берёзкин Ю.Е. Мочика: Цивилизация индейцев Северного побережья Перу в I–VII вв. Л.: Наука, 1983. 165 с.
46. Berezkin Y.E. An Identification of Anthropomorphic Mythological Personages in Moche Representations // *Ñawpa Pacha*. 1980. Vol. 18(1). P. 1–26.
47. Созина С.А. Муиски: еще одна цивилизация Южной Америки. М.: ИЛА РАН, 1969. 200 с.
48. Башилов В.А. Советско-колумбийские археологические исследования в долине р. Калима // Археологические открытия 1983 г. М.: Наука, 1985. С. 581–583.
49. Башилов В.А., Родригес К.А. Доиспанское жилище в юго-западной Колумбии // Советская этнография. 1987. № 5. С. 118–125.
50. Башилов В.А., Родригес К.А., Сальгадо Лопес Э. Исследования доиспанского поселения Кабо-де-ла-Вела в юго-западной Колумбии // Советская археология. 1990. № 1. С.85–102.
51. Salgado López H., Rodríguez C.A., Bashilov V.A. La vivienda prehispánica Calima. Cali, Colombia: Instituto Vallengano de Investigaciones científicas, 1993. 176 p.
52. Табарев А.В. Каука: таинственная река (древние культуры юго-запада Колумбии). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 100 с.
53. Археология Кубы. Новосибирск: Наука, 1986. 176 с.
54. Васильевский Р.С., Гладышев С.А., Комиссаров С.А. Каменный век на Кубе // Природа. 1990. № 5. С. 44–46.
55. Золото доколумбовой Америки. Каталог выставки. М.: Советский художник, 1976. 192 с.
56. Проблемы археологии и древней истории Латинской Америки. М.: Наука, 1990. 282 с.
57. Меггерс Б. Кто принес искусство керамики в Эквадор 5 000 лет назад? Японские рыбаки? // Курьер ЮНЕСКО. 1967. № 12. С. 12–13.
58. Кузьмищев В.А. Царство сынов солнца. М.: Молодая гвардия, 1982. 255 с.
59. Стингл М. Поклоняющиеся звездам: По следам исчезнувших перуанских государств. М.: Прогресс, 1983. 184 с.
60. Стингл М. Государство инков: Слава и смерть сыновей Солнца. М.: Прогресс, 1986. 270 с.
61. Самаркина И.К. Община в Перу. Очерк социально-экономического развития. М.: Наука, 1974. 249 с.
62. Башилов В.А., Серов С.Я. Новые книги по истории культуры инков // Советская этнография. 1975. № 4. С. 184–187.
63. Зубрицкий Ю.А. Инки-кечуа: Основные этапы истории народа. М.: Наука, 1975. 191 с.
64. Кузьмищев В.А. У истоков общественной мысли Перу: Гарсиласо и его история инков. М.: Наука, 1979. 382 с.
65. Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. Л.: Наука, 1974. 747 с.
66. Moseley M.E. Maritime Foundations and Multilinear Evolution: Retrospect and Prospect // *Andean Past*. 1992. Vol. 3. P. 5–42.
67. Bonavia D. ¿Bases Marítimas o Desarrollo Agrícola? // *Arqueología y Vida: Duccio Bonavia*. Trujillo: Institut français d'études andines, Museo de Arqueología Antropología e Historia, 2015. P. 119–137.

REFERENCES

1. Bashilov V.A., Gulyaev V.I. A Bibliography of Soviet Studies of the Ancient Cultures of Latin America. *Latin American Antiquity*. 1990. Vol. 1(1). P. 5–22.
2. Tabarev A.V. Vvedeniye v arkheologiyu Yuzhnoy Ameriki: Andy i tikhookeanskoye poberezhye [Introduction to Archaeology of South America: Andes and Pacific Coast]. Novosibirsk: Izdatelstvo «Sibirskaya nauchnaya kniga», 2006. 244 s. (In Russ.).
3. Tabarev A.V. The South American Archaeology in the Russian Historiography. *International Journal of South American Archaeology*. 2007. Vol. 1. P. 6–12.
4. Tabarev A.V. Akademik A.P. Okladnikov i otechestvennaya amerikanistika [A.P. Okladnikov and American Studies in Russia]. *Okno v nevedomyy mir*. Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN, 2008. S. 87–90. (In Russ.).
5. Tabarev A.V. Nekotoryye itogi i perspektivy razvitiya amerikanistiki v Novosibirskom nauchnom tsentre [Some Results and Prospects for the Development of American Studies at the Novosibirsk Scientific Center]. *Yevraziyskoye kulturnoye prostranstvo*. Aktualnyye problemy arkheologii, etnologii, antropologii: materialy dokladov vedushchikh uchenykh na V (L) Rossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh 4–9 aprelya 2010 g. Irkutsk. Irkutsk: Izdatelstvo «Ottisk», 2010. S. 119–129. (In Russ.).
6. Kravtsova A.S., Tabarev A.V. Zagadochnyy region: arkheologiya Tsentralnoy Ameriki v rossiyskoy istoriografii [Mysterious Region: Archaeology of Central America in Russian Historiography]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri*. 2012. № 2. S. 59–66. (In Russ.).
7. Ershova G.G. Posledniy geniy XX veka. Yuriy Knorozov. Sudba uchenogo [The Last Genius of the 20th Century. Yuri Knorozov. The Fate of the Scientist]. Moscow: RSUH, 2019. 798 s. (In Russ.).
8. Coe M. Razgadka koda maya: kak uchenyye rasshifrovali pismennost drevney tsivilizatsii [Breaking the Maya Code: How Scientists Deciphered the Writing of Ancient Civilization]. Moscow: Eksmo, 2021. 416 s. (In Russ.).
9. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 01.07.2022 № 419 "Ob uvekovechenii pamyati Yu.V.Knorozova i prazdnovanii 100-letiya so dnya yego rozhdeniya" [Decree of the President of the Russian Federation of July 1, 2022 No. 419 "On perpetuating the memory of Yu.V. Knorozov and celebrating the 100th anniversary of his birth"]. (In Russ.).
10. Ivanov I.I. Obzor otechestvennoy amerikanistiki [American Studies in Russia]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 2021. T. 14. № 6. S. 353–375. (In Russ.).
11. Yakovlev P.P., Yakovleva N.M. Otechestvennaya latinoamerikanistika: traditsii i sovremennost (k 60-letiyu ILA RAN) [Latin American Studies in Russia: Themes, Achievements and Problems (To the 60th anniversary of the ILA RAS)]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*. 2021. T. 14. № 6. S. 329–352. (In Russ.).
12. Komissarov B.N. Etnograficheskiye issledovaniya akademika G.I. Langsdorfa [Ethnographic Research by Academician G.I. Langsdorf]. *Sovetskaya Etnografiya*. 1975. № 3. S. 83–97. (In Russ.).
13. Korsun S.A. Amerikanistika v Kunstkamere (1714–2014) [American Studies in the Kunstkamera (1714–2014)]. Saint Petersburg: MAE RAN, 2015. 504 s. (In Russ.).
14. Yakovleva L.M. Keramika Chimu iz kolleksii L.I. Shrenka v sobranii MAE [Chimu Ceramics from the L.I. Schrenk Collection in the MAE Depository]. *Sbornik Muzeya*

- antropologii i etnografii*. T. LVI. Etnografiya i arkheologiya korennoy naseleniya Ameriki. Saint Petersburg: Nauka, 2010. S. 176–186. (In Russ.).
15. Soboleva Y.S. Etnograficheskiye marshruty F.A. Fielstrup (po pismam iz Latinskoy Ameriki nachala XX v.) [Theodor A. Fielstrup's Ethnographic Routes (based on his letters from Latin America, early 20th century)]. *Kunstkamera*. 2018. № 1. S. 217–228. (In Russ.).
16. Lebedev G.S. Istoriya otechestvennoy arkheologii. 1700–1917 gg. [History of Russian Archaeology. 1700–1917]. Saint Petersburg: Izdatelstvovo Sankt Peterburgskogo univesiteta, 1992. 464 s. (In Russ.).
17. Klejn L.S. Fenomen sovetskoy arkheologii [Phenomenon of Soviet Archaeology]. Saint Petersburg: Izdatelstvo «Farn», 1993. 128 s. (In Russ.).
18. Klejn L.S. Istoriya arkheologicheskoy mysli. V 2 t. T. 2 [History of Archaeological Thought. In two volumes. Vol. 2]. Saint Petersburg: Izdatelstvovo Sankt Peterburgskogo univesiteta, 2011. 624 s. (In Russ.).
19. Smirnov N.Yu. Arkheolog Aleksey Vladimirovich Machinskiy [Archaeologist Alexei Vladimirovich Machinsky]. *Ladoga i problemy drevney i srednevekovoy istorii severnoy Yevrazii*. Sbornik statey. Po materialam XIX i XX chteniy pamyati Anny i Dmitriya Alekseyevicha Machinskikh (Staraya Ladoga, 20–21 dekabrya 2014 g.; Staraya Ladoga, 26–27 dekabrya 2015 g.). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. S. 6–43. (In Russ.).
20. Machinsky A.V. Dve novyye psevdopaleoliticheskiye nakhodki v Amerike [Two New Pseudo-Paleolithic Finds in the America]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1940. T. 5. S. 305. (In Russ.).
21. Gnes A.A. Pervyye amerikantsy: dialogi Starogo i Novogo Sveta [First Americans: Dialogs of Old and New Worlds]. Novosibirsk: Izdatelstvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, 2014. 124 s. (In Russ.).
22. Doklad amerikanskogo antropologa d-ra A. Grdlichki v Institute etnografii Akademii nauk SSSR [Report of the American anthropologist Dr. A. Hrdlička at the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences]. *Sovetskaya etnografiya*. 1940. № 3. S. 256–258. (In Russ.).
23. Machinsky A.V. Neskolko novykh knig po arkheologii i istorii Tsentralnoy Ameriki [Several New Books on the Archeology and History of Central America]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1936. T. 1. S. 291–302. (In Russ.).
24. Machinsky A.V. Novaya literatura po etnografii Tsentralnoy Ameriki [New Literature on Ethnography of Central America]. *Sovetskaya etnografiya*. 1936. № 6. S. 145–152. (In Russ.).
25. Machinsky A.V. Drevneye Peru [Ancient Peru]. *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya*. 1940. T. 45. S. 212–215. (In Russ.).
26. Kosven M.O. Drevneye Peru [Ancient Peru]. *Istoricheskiy zhurnal*. 1941. № 3. S. 3–25. (In Russ.).
27. Vavilov N.I. Izbrannyye proizvedeniya: v 2-kh t. T. 1 [Selected Works: in two volumes. Vol. 1]. Leningrad: Nauka, 1967. 424 s. (In Russ.).
28. Formozov A.A. Russkiye arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskiye ocherki [Russian Archeologists in Totalitarian Period. Historiographical Essays]. Moscow: Znak, 2004. 320 s. (In Russ.).
29. Sud palacha. Nikolai Vavilov v zastenkakh NKVD. Biograficheskiy ocherk. Dokumenty [Executioner's Court. Nikolai Vavilov in the dungeons of the NKVD. Biographical essay. The documents]. Moscow: Academia, 1999. 552 s. (In Russ.).

30. Aleksandrenkov E.G. Chto interesovalo rossiyskikh etnografov v Latinskoy Amerike? [What Interested Russian Ethnographers in Latin America?]. *Etnograficheskoye obozreniye*. 2009. № 4. S. 85–101. (In Russ.).
31. Kinzhalov R.V. Drevneperuanskiy keramicheskiy sosud iz Chankaya [Ancient Peruvian Vessel from Chancay]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1957. Vyp. 12. S. 89–94. (In Russ.).
32. Kinzhalov R.V. Iskusstvo drevney Ameriki [Art of Ancient America]. Moscow: Nauka, 1962. 240 s. (In Russ.).
33. Vsemirnaya istoriya. T. IV [World History. Volume IV]. Moscow: Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury, 1958. 823 s. (In Russ.).
34. Narody Ameriki. V 2 t. [Peoples of America. In 2 Volumes]. Moscow: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR, 1959. (In Russ.).
35. Moshkova M.G., Bader N.O., Munchaev R.M. Pamyati Vladimira Aleksandrovicha Bashilova [In Memory of Vladimir Aleksandrovich Bashilov]. *Rossiyskaya arkheologiya*. 2006. № 4. S. 188–189. (In Russ.).
36. Munchaev R.M. V mezhdurechye Tigra i Yefrata: vospominaniya o rabote V.A. Bashilova v Mesopotamii [In the Interfluvium of the Tigris and Euphrates: Memories of the Work of V.A. Bashilov in Mesopotamia]. *Problemy sovremennoy arkheologii: (sb. pamyati Vladimira Aleksandrovicha Bashilova)*. Moscow: TAUS, 2008. С. 12–23. (In Russ.).
37. Bashilov V.A. Drevniye tsivilizatsii Peru i Bolivii [Ancient Civilizations of Peru and Bolivia]. Moscow: Nauka, 1972. 210 s. (In Russ.).
38. Spisok nauchnykh rabot vedushchego nauchnogo sotrudnika Instituta Arkheologii RAN, doktora istoricheskikh nauk Bashilova Vladimira Aleksandrovicha [List of Scientific Papers of the Leading Researcher of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences Bashilov Vladimir Aleksandrovich]. *Problemy sovremennoy arkheologii: (sb. pamyati Vladimira Aleksandrovicha Bashilova)*. Moscow: TAUS, 2008. S. 7–11. (In Russ.).
39. Bashilov V.A. «Neoliticheskaya revolyutsiya» v Tsentralnykh Andakh: Dve modeli paleoekonomicheskogo protsessa [“Neolithic Revolution” in Central Andes: Two Models of Paleoeconomical Process]. Moscow: TOO «Staryy sad», 1999. 206 s. (In Russ.).
40. Masson V.M. Poseleniye Dzheyton (problemy stanovleniya proizvodnyashchey ekonomiki) [Djeitun Settlement (Emergence of a Producing Economy)]. Leningrad: Nauka, 1971. 208 s. (In Russ.).
41. Berezkin Y.E. Nachalo zemledeliya na peruanskom poberezhye [The Beginning of Agriculture on the Peruvian Coast]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1969. № 1. S. 3–12. (In Russ.).
42. Moseley M.E. The Maritime Foundations of Andean Civilization. Menlo Park: Cummings Publishing Company, 1975. 131 p.
43. Berezkin Y.E. Iz istorii drevnego Peru: sotsialnaya struktura mochika skvoz prizmu mifologii [From the History of Ancient Peru: Social Structure Through Mythology]. *Vestnik drevney istorii*. 1978. № 3. S. 38–59. (In Russ.).
44. Berezkin Y.E. Morskiye plavaniya v mifakh mochika (Peru) [Sea Voyages in Mochica Myths (Peru)]. *Strany i narody Vostoka*. Vyp. XX. Strany i narody basseyna Tikhogo okeana. Kniga 4. Moscow: Nauka, 1979. S. 162–171. (In Russ.).
45. Berezkin Y.E. Mochika: Tsivilizatsiya indeytsev Severnogo poberezhya Peru v I–VII vv. [Mochica: An Indian Civilization of the Northern Peruvian Coast Between the First and Seventh Centuries]. Leningrad: Nauka, 1983. 165 s. (In Russ.).

46. Berezkin Y.E. An Identification of Anthropomorphic Mythological Personages in Moche Representations. *Ñawpa Pacha*. 1980. Vol. 18(1). P. 1–26.
47. Sozina S.A. Muiski: yeshche odna tsivilizatsiya Yuzhnoy Ameriki [The Muisca: One More Ancient American Civilization]. Moscow: ILA RAN, 1969. 200 s. (In Russ.).
48. Bashilov V.A. Sovetsko-kolumbiyskiye arkheologicheskiye issledovaniya v doline r. Kalima [Soviet-Colombian Archaeological Researches in the Calima River Valley]. *Arkheologicheskiye otkrytiya 1983 g.* Moscow: Nauka, 1985. S. 581–583. (In Russ.).
49. Bashilov V.A., Rodríguez C.A. Doispanskoye zhilishche v yugo-zapadnoy Kolumbii [Pre-Hispanic Dwellings in South-West Colombia]. *Sovetskaya etnografiya*. 1987. № 5. S. 118–125. (In Russ.).
50. Bashilov V.A., Rodríguez C.A., Salgado López H. Issledovaniya doispanskogo poseleniya Kabo-de-la-Vela v yugo-zapadnoy Kolumbii [Studies of Cabo De La Vela, a Pre-Columbian Settlement in South-Western Colombia]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1990. № 1. C. 85–102. (In Russ.).
51. Salgado López H., Rodríguez C.A., Bashilov V.A. La vivienda prehispánica Calima [The pre-Hispanic house Calima]. Cali, Colombia: Instituto Vallengano de Investigaciones científicas, 1993. 176 p. (In Span.).
52. Tabarev A.V. Kauka: tainstvennaya reka (drevniye kultury yugo-zapada Kolumbii) [Cauca: Mysterious River (Ancient Cultures of South-Western Colombia)]. Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN, 2015. 100 s. (In Russ.).
53. Arkheologiya Kuby [Archaeology of Cuba]. Novosibirsk: Nauka, 1986. 176 s. (In Russ.).
54. Vasilyevsky R.S., Gladyshev S.A., Komissarov S.A. Kamennyy vek na Kube [The Stone Age in Cuba]. *Priroda*. 1990. № 5. S. 44–46. (In Russ.).
55. Zoloto dokolumbovoy Ameriki. Katalog vystavki [Gold of Pre-Columbian America. Exhibition Catalogue]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik, 1976. 192 s. (In Russ.).
56. Problemy arkheologii i drevney istorii Latinskoy Ameriki [Problems of Archaeology and Ancient History of Latin America]. Moscow: Nauka, 1990. 282 s. (In Russ.).
57. Meggers B. Kto prines iskusstvo keramiki v Ekvador 5 000 let nazad? Yaponskiye rybaki? [Did Japanese Fishermen Bring the Art of Pottery Making to Ecuador 5,000 Years Ago?]. *Kuryer YuNESKO*. 1967. № 12. S. 12–13. (In Russ.).
58. Kuzmishchev V.A. Tsarstvo synov solntsa [The Kingdom of Sons of Sun]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1982. 255 s. (In Russ.).
59. Stingl M. Poklonyayushchiesya zvezdam: Po sledam ischeznuvshikh peruanskih gosudarstv [Star Worshipers: In the Footsteps of the Lost Peruvian States]. Moscow: Progress, 1983. 184 s. (In Russ.).
60. Stingl M. Gosudarstvo inkov: Slava i smert synovey Solntsa [Inca State: Glory and Death of the Sons of the Sun]. Moscow: Progress, 1986. 270 s. (In Russ.).
61. Samarkina I.K. Obshchina v Peru. Ocherk sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya [The Community in Peru. Social-Economic Progress]. Moscow: Nauka, 1974. 249 s. (In Russ.).
62. Bashilov V.A., Serov S.Y. Novyye knigi po istorii kultury inkov [New Books on the History of the Inca Culture]. *Sovetskaya etnografiya*. 1975. № 4. S. 184–187. (In Russ.).
63. Zubritsky Yu.A. Inki-kechua: Osnovnyye etapy istorii naroda [The Quechua Inca: Main Stages of History]. Moscow: Nauka, 1975. 191 s. (In Russ.).
64. Kuzmishchev V.A. U istokov obshchestvennoy mysli Peru: Garsilaso i yego istoriya inkov [The Sources of Peruvian Social Thought: Garcilaso and His History of the Inca]. Moscow: Nauka, 1979. 382 s. (In Russ.).

65. Inca Garcilaso de la Vega. *Istoriya gosudarstva inkov* [History of the Inca State]. Leningrad: Nauka, 1974. 747 s. (In Russ.).
66. Moseley M.E. Maritime Foundations and Multilinear Evolution: Retrospect and Prospect. *Andean Past*. 1992. Vol. 3. P. 5–42.
67. Bonavia D. ¿Bases Marítimas o Desarrollo Agrícola? [Maritime Bases or Agricultural Development?] *Arqueología y Vida: Duccio Bonavia*. Trujillo: Institut français d'études andines, Museo de Arqueología Antropología e Historia, 2015. P. 119–137. (In Span.).

Сведения об авторах / Information about authors

Соколовский Василий Андреевич – магистрант кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет.

E-mail: v.sokolovskii@g.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-2881-8133

Ковалёва Ника Николаевна – магистрант кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института, Новосибирский государственный университет.

E-mail: n.kovaleva@g.nsu.ru; ORCID: 0000-0003-1811-1502

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Sokolovsky Vasily A. – master student, department of archaeology and ethnography, Institute of Humanities, Novosibirsk State University.

E-mail: v.sokolovskii@g.nsu.ru; ORCID: 0000-0002-2881-8133

Kovaleva Nika N. – master student, department of archaeology and ethnography, Institute of Humanities, Novosibirsk State University.

E-mail: n.kovaleva@g.nsu.ru; ORCID: 0000-0003-1811-1502

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.01.2023. Одобрена после рецензирования 16.01.2023. Принята 18.01.2023.
Received 11.01.2023. Approved after reviewing 16.01.2023. Accepted 18.01.2023.*

научная статья
УДК: 93/904
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.9

Дачный район побережья Финского залива как пространство кросс-культурного взаимоотношения (1899–1914 гг.)

Дуганов Глеб Сергеевич ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ gleb.doogie@gmail.com

Аннотация. Кросс-культурные исследования обеспечивают важный компонент достоверных обобщений о человеческих обществах, они опираются на постоянное переосмысление и реинтеграцию с другими направлениями антропологии и сравнительных социальных наук. Закономерно, что наиболее яркие примеры кросс-культурных взаимодействий происходили на пограничных территориях, населённых гражданами соседствующих государств. В этом контексте территория побережья Финского залива, которая начала застраиваться дачами во второй половине XIX века и стала популярной среди жителей Санкт-Петербурга, крайне примечательна. Тесное взаимодействие финского и русского населения пришлось на период политической нестабильности: ограничение автономии Финляндии, Революция и Гражданская война вносили коррективы в характер взаимоотношений на территории на фоне становления финского национального самосознания. Несмотря на определённые трудности и конфликты, Финляндия стала важным местом для жителей столицы Российской Империи, которые начали рассматривать соседнюю страну и её культуру не только как курорт, но и как предмет изучения и популяризации, что отразилось на источниках личного происхождения, периодике и путеводителях описываемого периода на русском и финском языках. В статье предпринята попытка реконструировать кросс-культурные связи в дачном районе на основе оригинальных источников и определить характер взаимоотношений исследуемого региона. Практическая значимость работы обусловлена актуальностью дальнейшего изучения дачной культуры как части культуры повседневности; культурного наследия различных этносов на пограничных территориях, а также введением в научный оборот материала на финском языке из периодики, которая является важным источником для исследования кросс-культурного влияния.

Ключевые слова: дачные поселения; Финляндия; кросс-культурные исследования; Санкт-Петербург; Карельский перешеек; взаимодействие культур

Для цитирования: Дуганов Г.С. Дачный район побережья Финского залива как пространство кросс-культурного взаимоотношения (1899–1914 гг.) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 118–135. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.9.

© Дуганов Г.С., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article
UDC: 93/904
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.9

Dacha Area of the Coast of the Gulf of Finland as a Space of Cross-Cultural Relationship (1899–1914)

Gleb S. Duganov ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ gleb.doogie@gmail.com

Abstract. *Cross-cultural studies provide an important component of valid generalizations about human societies and rely on constant rethinking and reintegration with other branches of anthropology and the comparative social sciences. It is natural that the most striking examples of cross-cultural interactions took place in the border areas inhabited by citizens of neighboring states. In this context, the territory of the coast of the Gulf of Finland, which began to be built up with dachas in the second half of the 19th century and became popular among the inhabitants of St. Petersburg, is exceedingly remarkable. The close interaction of the Finnish and Russian populations fell on a period of political instability: the limitation of Finland's autonomy, the Revolution and the Civil War adjusted the nature of relations on the territory against the background of the formation of Finnish national identity. Despite certain difficulties and conflicts, Finland became an important place for the inhabitants of the capital of the Russian Empire, who began to consider the neighboring country and its culture not only as a resort, but also as a subject of study and popularization, which could not but affect the sources of personal origin, periodicals and guidebooks of the described period in Russian and Finnish. The article attempts to reconstruct cross-cultural ties in the dacha area on the basis of original sources and to determine the nature of the relationship of the region under study. The practical significance of the work is determined by the relevance of further study of dacha culture as part of the culture of everyday life; cultural heritage of various ethnic groups in the border areas, as well as the introduction into scientific circulation of Finnish-language material from periodicals, which is an important source for the study of cross-cultural influence.*

Keywords: dacha settlements; Finland; cross-cultural studies; St. Petersburg; Karelian Isthmus; interaction of cultures

For citation: Duganov, G.S. Dacha Area of the Coast of the Gulf of Finland as a Space of Cross-Cultural Relationship (1899–1914). *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 118–135. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.9.

© Duganov, G.S., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Современный методологический корпус кросс-культурных исследований был заложен Д.П. Мёрдоком во второй половине XX века. В своей работе «Standart Cross-Cultural Sample» (1969) он выдвигает

основной тезис, подчёркивающий систематизацию исследований, заключающийся в том, что элементы любой культуры имеют тенденцию со временем функционально интегрироваться или взаимно приспособливаться друг к другу [1, p. 329]. Мёрдок утверждает, что кросс-культурные исследования составляют важный компонент достоверных обобщений о человеческих обществах, а также что великое достижение антропологии заключается в совокупном корпусе интенсивных этнографических наблюдений.

Из этих особенностей базиса кросс-культурных исследований впоследствии образовался подход, называемый «Comparative cultural studies». Венгерский учёный С. Тётёсу де Зепетнек утверждает, что дисциплина, имеющая богатую историю как в отношении теории, так и практики, предоставляет исследователям новые теоретические подходы для культурологических исследований и модернизации методологии [2, p. 2], показывая при этом актуальность и незаменимость во многих дисциплинах. В обзоре книги Джорджа М. Фредерикса «The Comparative Imagination: On the History of Racism, Nationalism, and Social Movements» (1997) утверждается, что сравнительная перспектива «дает нам хорошую возможность оценить, насколько сравнительная история может внести свой вклад в современное знание. В «Сравнительном воображении» Фредрикс приветствует растущую тенденцию историков Соединенных Штатов писать со «сравнительной точки зрения... используя иностранные примеры для объяснения того, что является отличительным в американском обществе» [2, p. 2].

Таким образом, именно сравнительный метод культурного взаимодействия способен сполна раскрыть не только характерную специфику населяющей конкретный регион нации, но и проследить, как соприкосновение различных культур сказывалось на его развитии. Это особенно заметно на примере Финляндии, которая, будучи частью Российской империи на протяжении более ста лет, не только оставила значительный след в истории и культуре страны, но и переняла ее многие характерные черты. Особенно этот синтез прослеживался на территории Ингерманландии и Карельского перешейка.

Дача как явление начала изучаться сравнительно недавно. Своё развитие проблематика исследования дачного региона, в частности,

побережья Финского залива, получила в постсоветское время, начиная с 1990-х годов, когда интерес к нему возрос не только в связи с подпольной работой деятелей Октябрьской революции, но и с его дореволюционным наследием: публикуются многие монографии и книги, устраиваются памятные акции (как, например, мероприятие, посвящённое памяти М.Я. Герценштейна в 2006 г. спустя 100 лет со дня его убийства), а в начале 2000-х годов был создан сайт terijoki.ru, посвящённый истории Карельского перешейка и собиранию архивных документов. Несмотря на это, обозрение изменений фонов взаимодействий финского и русского населения на этой территории остаётся до сих пор не удостоенной внимания темой, что делает исследование в этой области актуальным и перспективным.

Фокусом статьи является анализ характера межкультурных связей, что предполагает выявление особенностей того, как меняющиеся политическая, экономическая и социокультурная действительности отражались на различных аспектах повседневной жизни населения региона. В силу уникальности пограничных городов с точки зрения этнографического состава, исследование способно дополнить и актуализировать изучение взаимоотношений Финляндии и России на социокультурном уровне и влияние этих взаимосвязей на дальнейшее развитие территорий побережья Финского залива и Санкт-Петербурга.

Материалы исследования и подходы

В качестве предмета исследования был выбран регион дачного пространства побережья Финского залива – такие дачные города, как Терийоки (Зеленогорск), Келломяки (Комарово), Куоккала (Репино), Сиестарйоки (Сестрорецк), Тюрисевя (Ушково), Валкеасаари (Белоостров). Обусловлено это тем, что пограничные территории по своей сути являются ярким примером взаимодействия культур и именно через них наиболее отчётливо можно проследить характер видоизменяющихся кросс-культурных взаимодействий. Здесь пересекались сразу три существенно отличавшихся группы населения: финское крестьянство, русские сельские обыватели и столичные дачники, часть которых принадлежала к весьма состоятельному кругу [3, с. 50]. Также представляется возможным отнести сюда немногочисленную прослойку шведской и финской интеллигенции:

аптекари, работники железнодорожной службы, купцы и пр. Временной промежуток выбран из соображений попытки реконструировать становление взаимодействия финской и русской культур от фактического зарождения дачных посёлков и возникновения политической нестабильности между Финляндией и Россией вплоть до начала Первой Мировой войны, которая обозначила новую веху в социокультурном становлении общества Европы.

Причины и последствия популярности дачных районов и, как результат, более тесных культурных связей были проанализированы О.Ю. Малиновой-Тзиафета в книге «Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга» (2013). Ссылаясь на классический труд социологов Уильяма Томаса и Флориана Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке», Малинова-Тзиафета утверждает, что перемены были частью сложной и меняющейся городской культуры, и её социальных конфликтов [4, с. 16]. Исследовательница отмечает, что в конце XIX в. под давлением урбанизации многие городские жители начали искать уединение и покой. Несмотря на обилие железнодорожных станций в южном направлении, направление на север и Карельский перешеек стало крайне популярным. Как следствие, за условной границей в Белоострове вывески на лавках «говорили» на двух языках – финском и русском, нравы русских дачников отличались непривычной для них чистотой и вежливостью, хотя финны далеко не всегда хорошо понимали русскую речь [4, с. 208]. Проблема взаимоотношений различных социальных групп в обозначенный период изучалась, к примеру, М. Лахтеенмяки [5] и Китти Винг Он Лам [6]. Они приходят в своих исследованиях к выводу, что в силу российской политики русификации и неопределённости юридического положения Финляндии по отношению к столице, отношение финского населения побережья залива характеризуется стремлением не только отстаивать своё право на защиту национальной идентичности, но и получить возможность осуществления торговой и культурной деятельности на территории своей страны. Это выражается, прежде всего, в различного рода конфликтах, возникающих на территории, а также в изменениях политической жизни как финского, так и русского населения. Впрочем, несмотря на ярко выраженную напряжённость в межкультурных контактах, многие русскоязычные

источники демонстрируют стремление к мирному сожительству с финнами и популяризации культуры страны.

В целях более подробного анализа характера этого взаимодействия автором были отобраны источники, отражающие кросс-культурное взаимодействие финнов и русских. Это, прежде всего, воспоминания и мемуары жителей района данного периода: К.И. Чуковского, И.Е. Репина, В.В. Вейдле, О.Э. Мандельштама, М. Уотинена и др., а также периодика исследуемого периода на финском, шведском и русском языках: газеты “Териокский дневник”, “Дачная жизнь”, “Hufvudstadsbladet”, “Karjala” и др. Отдельное внимание уделено путеводителям, которые становятся особенно популярными в обозреваемый период по причине развивающейся отрасли туризма.

Результаты исследования

Территория юго-восточной Финляндии, включая побережье Финского залива, отошло к Российской империи по окончании войны со Швецией в 1721 г. по Ништадтскому мирному договору, став частью Выборгской Губернии. Загородные резиденции, состоящие из аристократических дач, начали появляться близ Петербурга ещё во времена Петра I, однако главным образом они строились вдоль Петергофской дороги, пролежавшей по берегам реки Фонтанки, через Стрельну и далее до Петергофа вплоть до резиденции самого Петра [7, с. 9]. У Финского залива дачный ареал начал формироваться во второй половине XIX века [8, с. 43]. Связано это, прежде всего, с социальными переменами общественной жизни страны и процессами урбанизации.

Политическая обстановка между Великим Княжеством Финляндским и Россией перед началом революции 1905 г. и во время неё была весьма напряжённой и неоднозначной. С одной стороны, развивалось экономическое сотрудничество – туризм во времена становления капиталистических отношений сделал Финляндию популярным местом для отдыха и оздоровительных поездок [4, с. 127–132], осваивалось дачное пространство Карельского перешейка, где, к примеру, проживал И. Репин, который, будучи редактором журнала «Мир искусства», представлял на его страницах финскую живопись [9, с. 67]. С другой стороны – явное недовольство проводимой политикой побуждало к радикальным мерам противников

реформ, что укрепляло противоречия сожительства русских и финнов на финской территории. Так, в 1906 г. произошло убийство М.Я. Герценштейна, члена партии кадетов и депутата Первой Государственной Думы, которое сразу же начали связывать с политическими мотивами правых партий, о чём писали финские газеты [10, s. 3]. Это убийство стало краеугольным камнем в перемене взаимоотношений русского и финского населения в дачном регионе. Расследовавший убийство ленсман А. Хююрюляйнен, собирая объёмный материал для поиска преступников, оказывался в конфликтных ситуациях с русским населением посёлка. Так, в газете «Hufvudstadsbladet» есть сюжет о том, как ленсманом был проведён ряд обысков домов русских граждан, а также распространяющего литературу революционного характера книжного магазина А. Тойвола, из которого она была конфискована и передана следователям в Выборг и Петербург [11, s. 7]. Тем не менее, дачная местность побережья Финского залива, будучи важной частью жизни меняющегося общества рубежа XIX и XX веков, продолжала осваиваться и укрепляться в мировоззрении людей и как новая модель дачной культуры, и как образ финских земель как таковых.

Стоит также упомянуть, что образ побережья Финского залива как идеального места для летнего отдыха не всегда соотносился с действительностью. Так, в путеводителе по Финляндии, составленном К.Б. Кренхагеном, упоминается, что Терийоки «не имеют ничего притягательного для дачника, за исключением близости к Петербургу», а сами финны скорее «покидают пыльные города ... и ищут приволье в своих шхерах или на берегах своих живописных озёр» [12, с. 25]. Тем не менее, популярность региона среди петербуржцев была довольно большой. Культуролог и писатель В.В. Вейдле, семья которого имела дачу в Райволе, в своих воспоминаниях пишет: «Ничего не было банальней для петербуржца, чем снимать дачу в Финляндии, или ездить в Финляндию к себе на дачу» [13, с. 14]. Он отмечает и вышеупомянутую прослойку финской интеллигенции, отмечая, что «помимо дачников, сама деревня была русской. Финским было Верхнее Райвола, ... аптекарь наш был финн, начальник станции, почтальон» [13, с. 15].

Исходя из этого, учитывая русский анклав в районе, густонаселенном финскими фермерами и крестьянами, было бы заманчиво предположить, что дачники, прибывшие сюда в конце XIX века, органично

смешались с русскими рабочими [14]. Тем не менее, подробный анализ срез населения в регионе в целом лишь подтверждает неоднородность его состава, что становится одной из причин неоднозначности распределения дачных посёлков. Это подтверждают газеты: так, к примеру, в отношении города Терийоки упомянуто, что он был настолько близок к Санкт-Петербургу, что фактически являлся частью сферы столицы, но в то же время был отделен другим языком, культурой и религией, а также таможенными пошлинами [15, с. 3]. Несмотря на то, что дачники были в большей степени связаны со столицей, где находились, к примеру, их дом и место работы, многие приезжали в Терийоки в течение нескольких лет подряд, что свидетельствует о восприятии пограничных поселений не как места заграничных поездок, но второго дома. Редакция поощряла дачников создавать свои собственные ассоциации для обсуждения своих потребностей с местными властями [16, с. 3]. Также часто можно было найти письма редактору, в которых выражалось знакомство дачников с финской средой. Автор одного письма утверждал, что приезжие часто знали живописные места лучше, чем местные жители [17, с. 3]. Популярный журнал «Дачная жизнь» сообщал, что многие местные жители в дачных городках на самом деле были бывшими петербуржцами, переселившимися в Терийоки и начинающими превращать это место в свой настоящий дом [6, с. 63].

Таким образом, сочетание неоднозначных представлений о том, каким образом наличие дачных поселков на финской территории транслировалось в русскую читающую публику, свидетельствует о непоследовательности использования этнических и национальных категорий. Преобладание термина «местные» свидетельствует о том, что российские наблюдатели, писавшие о финском дачном пространстве, представляли себе Финляндию как место, которое способно быть как чужим, так и знакомым, в зависимости от ситуации. Когда в Финляндии в начале 1900-х годов вспыхнули протесты против русских планов присоединения дачных городков к Санкт-Петербургской губернии, газеты, ориентированные на дачников, призывали читателей не поддаваться духу националистической полемики, господствовавшей в правых кругах. Так, к примеру, в газете «Териокский дневник» в заметке, обращённой к распространению конфликтности между финским и русским населением,

автор убеждённо говорит о том, что «...туман искусственной розни, создаваемой между финским и русским населением, скоро рассеется, и тогда все увидят, что каковы бы ни были взаимные политические и экономические отношения, русская и финская культуры не могут быть противоположаемы, как враждующие стороны» [17, с. 2]. В отличие от более консервативных газет, таких как «Новое время», которые часто указывали на отчужденность русских в Финляндии, эти газеты объясняли административные изменения необходимыми логистическими мерами для обеспечения упорядоченного местного управления в дачных зонах, а не площадкой для начала военных действий против финских соседей [6, р. 65]. В этих комментариях признавались различия между местными финскими жителями дачных городков и сезонными приезжими из России, но отношения между этими людьми не изображались как отношения, в которых одна группа доминирует над другой. Смешанные сообщения в популярных описаниях Финляндии и Карельского перешейка как знакомых и чужих вызывают недопонимания, если сопоставить их с официальным дискурсом о политическом статусе Финляндии в составе Российской империи. С 1880-х годов образованные консерваторы, тесно связанные с правительством, все чаще сетовали на отделение Финляндии от Российской империи и на отсутствие единообразия в российских и финских правовых положениях по защите имперских подданных.

Неоднозначная ситуация разделения сфер влияния внутри региона накладывала свой отпечаток и на отношение финского населения к русскому. Финский лингвист и этнограф К. Доннер, побывав в Терийоках в 1910-х годах, удивлялся в своих мемуарах тому, что он будто бы оказался на русской земле, причём он пишет «*ryssien maahan*» вместо привычного «*venäjän*», что несёт в себе крайне отрицательную коннотацию по отношению к русскому населению [5, s. 9]. Он с возмущением пишет о том, что все вывески магазинов на улицах были на русском языке, многие предметы быта поставлялись из России. Это объясняется, прежде всего, тем, что само население региона финансово и культурно зависело от Санкт-Петербурга. Более того, в сознании иностранцев Терийоки воспринимался чересчур обрусевшим или, по крайней мере, нефинским, следовательно, иностранным и ненадёжным местом [5, s. 21–22].

Стоит также упомянуть, что после прошедших в 1907 году первых парламентских выборов, на которых победили социал-демократы, начало усиливаться рабочее движение, что вызывало большие опасения у правых партий. С активизацией рабочего движения в Финляндии начали появляться и рабочие союзы, шесть из них – в Терийоках в 1906–1909 годах [5, s. 48]. Политизированность обстановки выражалась, например, в обильной критике российской дачной и земельной собственности и последствиях русификации. Так, в памфлете газеты «Karjala», посвящённому недовольству политики в отношении образования в связи с увеличением уроков русского языка, истории и географии России на Карельском полуострове, в том числе и в Терийоках, автор называет русских «ушкуйниками», которые совершают набеги на Финляндию, забирая деньги ради чуждых ей преобразований [18, s. 3]. Другим примером стал фестиваль песен, игр и спорта летом 1910 года в Терийоках, организованный после усиления слухов о возможности нового этапа русификации, который впоследствии превратился в декларированный политический праздник, где выступали политик и историк К.В. Войонмаа, спикер парламента П.Э. Свинхувуд, адвокат Х. Ренвалл, а также композитор О. Мерианто и другие многочисленные актёры и музыканты [19, s. 11–22].

Важным для концепции фестиваля стало произведение М. Уотинена “Kannaksen koteihin”, которым писатель призывал жителей пограничных регионов приложить все усилия, чтобы сохранить свою идентичность: «Будь финном, будь собственным умом, языком, мыслями... Будь защитником границы! Защищайте свои права, свои законы, уважайте их, боритесь за них, помните, что вы представляете здесь народ Финляндии!» [20, s. 3]. Риторика Уотинена выстраивалась на стремлении этнически различать типы людей «пограничья», временами откровенно расистскими методами, а популярность поэта и его книг подчёркивает сложность взаимодействий финнов и русских в предвоенный период.

Впрочем, на бытовом уровне русское население сохраняло и язык, и традиции, а финские лавочники с успехом торговали в русских частях селения [3, с. 54], несмотря на то, что, как упоминает автор путеводителя, для русских представляет неудобство «незнание и непонимание финляндцами, за небольшим исключением, русского языка, и вы

испытываете это в Финляндии чуть ли не на каждом шагу, если только не знаете или шведского, или финского языков» [21, с. 7]. Петербургские дачники активно сотрудничали с финскими предпринимателями и даже поддерживали местные приходы и школы: так, в заметке газеты «Церковный вестник», посвящённой юбилею священника Г. Розанова, упоминается о том, что «...в квартире же ожидало его множество собравшихся посетителей, в числе которых были и представители финляндской интеллигенции, считавшие долгом выразить свое уважение русскому священнику» [22].

Однако вышеупомянутые проблемы во взаимоотношениях всё же приводили и к прямым конфликтам: так, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, проживавший в Райволе в 1908–1910 годах, упоминает в своих мемуарах, как «на мосту, по старинному обыкновению, происходили пьяные столкновения финнов и русских из-за женщин, кончавшиеся порой поножовщиной. Однажды поздно вечером такой пьяный финн, изрыгая финские ругательства и не находя своего дома, забрёл по ошибке на нашу дачу, долго стучался и наконец ушёл» [23, с. 56]. При этом в местных газетах отмечался законопослушный характер и честность финнов: так, в газетной статье, посвящённой воровству, отмечается, что «...едва ли ещё найдётся другая страна, народ которой отличается такою честностью, как народ Финляндии. Финны честный народ во всех отношениях, это известно всякому» [16, с. 3].

Стоит отдельно отметить, что побережье Финского залива не только привлекало дачников в период развивающихся капиталистических отношений и дачной культуры в целом, но и становилось постоянным местом жительства: так, многие представители творческих профессий жили здесь постоянно и приезжали в Петербург только по делам, к примеру, И.Е. Репин, К.И. Чуковский, Л.Н. Андреев.

В Куоккале писатель К.И. Чуковский завёл альманах, который он назвал «Чукоккала» – в нём гости Пенатов могли оставлять свои впечатления, отзывы и рисунки. За время пребывания Чуковского в посёлке в книге оставили записи М. Горький, В. Маяковский, Ф. Шляпин, А. Блок, А. Кони, Л. Андреев, А. Толстой, В. Брюсов, А. Куприн, И. Бунин, А. Глазунов, Б. Пастернак, А. Ахматова, М. Пришвин, О. Мандельштам, М. Зощенко и др. [24, с. 149–150].

Дореволюционный Петербург, по словам О. Мандельштама, который жил на даче в Терийоках в 1898–1899 годах, «дышал Финляндией» [25, с. 41]. Он с теплотой отзывается о том, какое предназначение несёт это место для жителей столицы: «... и близкий сердцу петербуржца, домашний иностранец, холодный финн, любитель Ивановых огней и медвежьей польки на лужайке Народного дома, небритый и зеленоглазый, как его называл Блок» [25, с. 41]. Писатель отмечает, что он всегда чувствовал особое значение Финляндии для петербуржца, поскольку «сюда ездили додумать то, чего нельзя было додумать в Петербурге...» [25, с. 41]. В фельетоне местной газеты автор отмечает: «...в Териокском дачном посёлке, говорят, летом население достигает свыше 30.000; на протяжении посёлка «от Репина до Леонида Андреева» живут люди разных профессий – писатели, художники, адвокаты, инженеры...» [25, с. 3].

Привлекал столичную интеллигенцию и тот факт, что театральная жизнь в Терийоках была развита хорошо: на театральной сцене Каргазуа ежегодно обновлялся репертуар, ставили пьесы Л. Андреева, Дж.К. Джерома, Еврипида и др. [26, с. 54–56]. Яркие воспоминания о театральной жизни в Терийоках оставил поэт В.А. Пяст. Важной личностью для многих деятелей культуры начала XX века был шведский драматург А. Стринберг. Последующее после его кончины в 1912 году лето Пяст называет «летом о Стринберге» [27, с. 158], а центром его становится театр Терийок: «Так всё совпало: желание Л.Д. Блок играть; материальные возможности ...; любовь к Териокам у многих естественных участников «импровизировавшейся труппы»... А Финляндия – почти «филиал» Швеции: в этом мы вскоре лично и убедились» [27, с. 158]. Среди прочего, Пяст упоминает и о том, что представление было подставлено «под знак независимости Финляндии» [27, с. 160], т.е. в принципиальном нарушении российских законов, поскольку многие поставленные пьесы, как, например, «Поклонение кресту» Кальдерона, не имели возможности пройти цензуру в России.

Местный предприниматель В.И. Йонкер знал некоторых членов труппы Терийок и сдал им в аренду за часть прибыли от продажи билетов своё казино [26, с. 54]. Он сделал это несмотря на то, что труппа предупредила его, что театр задуман только как эксперимент и не принесет значительных доходов от спектаклей, устраиваемых для дачной публики.

Тем не менее, у труппы сложилось хорошее впечатление о Йонкере, и они установили с ним дружеские рабочие отношения в усилиях по созданию своего театра [26, с. 54]. Этот пример художественной деятельности демонстрирует важность межкультурных контактов. Почти месяц после того, как были составлены первоначальные планы этого летнего театра, участники труппы планировали и репетировали выступления в Санкт-Петербурге, хотя многие режиссеры и исполнители жили на дачах в Финляндии.

Подчеркивала прочность дружеских отношений между финнами и русскими в сфере высокой культуры Темира Пахмусс в своей работе о русских писателях в Финляндии «A River of Moving Tears: Russia's Experience in Finland». Русское дворянство часто обменивалось визитами с видными представителями финско-шведской аристократии, а высокопоставленные русские офицеры часто посещали финские баллы [6, р. 125]. Тем не менее, исследовательница также отмечает напряженность между финнами и русскими: чем больше финны пренебрегали русской жизнью и культурой, тем больше русскоязычные обижались на финнов и видели в них мятежный народ, неблагодарный за значительный вклад русских в развитие финской культуры [6, р. 126]. Оживленные дачные поселки на Карельском перешейке свидетельствовали о том, что не все русские художники и писатели в Финляндии всегда испытывали одинаковое чувство изоляции. Многие представители русской художественной интеллигенции в Финляндии непосредственно способствовали развитию театра и художественной культуры в стране. Эта культура была доступна не только художественной элите, но и широкой публике. Летний сезон в Терийоках и других финских городах, где было много дачников, был насыщен публичными выступлениями, такими как спектакли, оперы и концерты.

Некоторые русские писатели и наблюдатели были хорошо осведомлены о событиях в финской культурной жизни и писали о них в русских журналах и газетах. В одной газетной статье в издании, предназначенном для дачных общин, говорилось о значении народной поэзии в развитии финской культуры [15, с. 1]. Обозреватель рассказывал о переводе лингвистом Элиасом Лённротом «Калевалы» – серии народных сказок Карельского региона, которые стали известны как значимая часть «золотого века» финской народной культуры. Он утверждал, что любовь

финнов к музыке и народной поэзии не ослабла за последние годы, а также привёл первый праздник песни в Ювяскюля, городе на востоке Финляндии, в 1886 г. как пример культурной жизни крестьян в Финляндии: «Таким образом, эти праздники возвышают Финский народ в интеллектуальном и нравственном отношении», заключает он [15, с. 1]. Редактор журнала призвал больше специалистов-лингвистов изучать финские рукописи, чтобы ученые могли исследовать специфические связи между финской и русской лексикой. В некоторых публикациях также рецензировались финские литературные произведения и комментировались отношения между этими произведениями и финской жизнью. В одном из таких обзоров обсуждались художественные произведения финских писателей о финском крестьянстве [28, с. 2–3].

Заключение

В исследовании отражены результаты, полученные на основе проведённого анализа финских, шведских и русских источников. Они подтверждают теорию о том, что политическая напряжённость определяла характер взаимоотношений между финским и русским населением: подпольная деятельность революционеров, юридические сложности в координации полиции становятся следствием заметок с негативной коннотацией в финской периодике. Тем не менее, во многих воспоминаниях и газетных заметках, несмотря на внутригосударственные трудности, подчёркивается важность и необходимость культурного взаимодействия финского и русского населения, развитие которого продолжалась вплоть до революции. Особенно это заметно на примере воспоминаний столичной интеллигенции, для которой Финляндия стала незаменимым местом для творческих целей. Писатели, музыканты и художники стали мифотворцами образа предвоенной страны посредством упоминаний о ней в мемуарах и литературных произведениях, переводов финских стихотворений или переезда на дачу, создавая русский анклав среди финских жителей. Таким образом, с помощью сравнительной культурной перспективы была достигнута цель определить особенности межкультурных связей на территории и дать им оценку в контексте истории взаимоотношений Финляндии и России.

Подводя итоги исследования, следует сказать о том, что уникальность кросс-культурных отношений на территории побережья Финского залива, несмотря на то, что этот регион сейчас находится на территории России, подчёркивается тем, что отголоски финского наследия прослеживаются вплоть до настоящего времени: старые финские дачи, кладбища, памятные места и пр. Дачные посёлки, которые формировались и популяризировались во времена бурного развития и распространения различных сфер культуры, становления финской национальной идентичности, напряжённости в политическом климате между странами, стали эпицентром уникально развивающихся межкультурных связей. Это позволяет проводить культурологические параллели между основными лейтмотивами повседневной жизни рассматриваемого периода и тем, как это отражается в творчестве деятелей культуры и общественных деятелей, что демонстрирует перспективу для дальнейшего изучения региона в рамках связей России и Финляндии как перед, так и после Революции 1917 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Murdock, G.P., White, D.R. Standard Cross-Cultural Sample // *Ethnology*. 1969. Vol. 8. No. 4. P. 329–369. <https://doi.org/10.2307/3772907>.
2. Tötösy de Zepetnek S. From Comparative Literature Today Toward Comparative Cultural Studies // *CLCWeb: Comparative Literature and Culture*. 1999. Vol. 1. No. 3. P. 15. <https://doi.org/10.7771/1481-4374.1041>.
3. Лапин И.С. Райвола – Роцино. СПб.: ООО «ИЦ «ОСТРОВ»», 2018. 120 с.
4. Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1814). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 336 с.
5. Lahteenmaki, M. Maailmojen rajalla. Kannaksen Rajamaa ja Poliittiset Murtumat 1911–1944. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2009. S. 469.
6. Kitty Wing On Lam. Shared Space, Varied Lives: Finnish-Russian Interactions in Dacha Country, 1880s – 1920s. A dissertation submitted to Michigan State University in partial fulfillment on the requirements for the degree of History – Doctor of Philosophy. 2013. Available at: <https://d.lib.msu.edu/etd/940/datastream/OBJ/View/> (accessed: 22.12.2022).
7. Горбаненко С.Б. Петергофская дорога: Ораниенбаумский историко-ландшафтный комплекс. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 444 с.
8. Мусаев В.И. Русские дачи на Карельском перешейке в конце XIX – начале XX века // *История Петербурга*. 2005. № 4 (26). С. 43–47.
9. Клинге М. На чужбине и дома. СПб.: Изд. дом "Коло", 2005. 304 с.
10. Keski-Pohjalainen, 04.08.1906. No. 53.
11. Hufvudstadsbladet, 06.12.1907. No. 333.
12. Мысько А., Станковский В. Путешествие в Выборг и его окрестности с путеводителем К.Б. Грэнхагена, или Финляндский вояж господ из С.-Петербурга В.

Станьковскогo и А. Мыськовскогo летом 1914 гoда. СПб.: Издательский дом «Инкери», 2020. 112 с.

13. Вейдле В.В. Зимнее солнце. Берлин: Директ-Медиа, 2016. 208 с.

14. Путеводитель по Финляндии под редакцией Карелина. СПб., 1913 г. [эл. доступ]. URL: https://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=karelin_04&lang=ru (дата обращения: 22.04.2022).

15. Газета "Териокский Дневник", №1 от 9/22 июня 1913 г., стр. 1. [эл. доступ]. URL: https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=Terioksky_dnevnik_1913-06-09-22_01&sc=3 (дата обращения: 23.12.2022).

16. Газета "Териокский Дневник", №3 от 23 июня/6 июля 1913 г., стр. 3 [эл. доступ]. URL: https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=Terioksky_dnevnik_1913-06-23-07-06_03&sc=3 (дата обращения: 20.12.2022).

17. Газета "Териокский Дневник", №2 от 16/29 июня 1913 г., стр. 3 [эл. доступ]. URL: https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=Terioksky_dnevnik_1913-06-16-29_03&sc=3 (дата обращения: 23.12.2022).

18. Karjala, 05.07.1910, No. 151.

19. Juhlaopas. Laulu-, soitto- ja urheilu- juhlassa Terijoella. 23–26 p: nä kesäkuutta 1910. S. 83.

20. Mikko, U. Kannaksen Koteihin. Viipuri, 1910. S. 205.

21. Федотов Н.П. Дачные местности по финляндским железным дорогам от С.-Петербурга до Гельсингфорса включительно: [Путеводитель]: С подробными планами Выборга, Вильманстранда и Гельсингфорса. СПб.: Н. Федотов, 1888. 153 с.

22. Церковный вестник, 31 августа 1895 года, №35. [эл. доступ]. URL: <http://ristikivi.spb.ru/docs/raivola-church-1895.html> (дата обращения: 23.12.2022).

23. Семенов-Тян-Шанский В.П. То, что прошло. 2007. 168 с. [эл. доступ]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/stsh/semenov-tjan-shanskij.pdf> (дата обращения: 19.12.2022).

24. Чуковский К.И. Илья Репин. СПб.: Азбука, 2019. 224 с.

25. Мандельштам О. Э. Шум времени. Москва: Вагриус, 2002. 304 с.

26. Браво А., Травина Е. Зеленогорск. Терийоки. Дачная жизнь сто лет назад. СПб.: Центр сохранения культурного наследия, 2019. 320 с.

27. Пяст В.А. Встречи. Москва: Новое литературное обозрение, 1997. 416 с.

28. Финляндская газета. 16.07.1910. № 9. С. 4.

REFERENCES

1. Murdock, G.P., White, D.R. Standard cross-cultural sample. *Ethnology*. 1969. Vol. 8. No. 4. P. 329–369. <https://doi.org/10.2307/3772907>.

2. Tötösy de Zepetnek S. From Comparative Literature Today Toward Comparative Cultural Studies. CLCWeb: *Comparative Literature and Culture*. 1999. Vol. 1. No. 3. P. 15. <https://doi.org/10.7771/1481-4374.1041>.

3. Lapin I.S. Rayvola – Roshchino [Raivola – Roshchino]. SPb.: ООО «ITs «OSTROV», 2018. 120 s. (In Russ.).

4. Malinova-Tziafeta O.Yu. Iz goroda na dachu: sotsiokulturnyye faktory osvoyeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1814) [From the City to the Dacha: Socio-Cultural Factors in the Development of Dacha Space Around St. Petersburg (1860–1814)]. SPb.: *Izdatelstvo Yevropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge*, 2013. 336 s. (in Russ.).

5. Lahteenmaki, M. Maaailmojen Rajalla. Kannaksen Rajamaa ja Poliittiset Murtumat 1911–1944 [On the Edge of Worlds. The Borderland of the Isthmus and Political Fractures 1911–1944]. Helsinki: *Suomalaisen Kirjallisuuden Seura*, 2009. S. 469. (In Finn.).
6. Kitty Wing On Lam. Shared Space, Varied Lives: Finnish-Russian Interactions in Dacha Country, 1880s – 1920s. A dissertation submitted to Michigan State University in partial fulfillment on the requirements for the degree of History – Doctor of Philosophy. 2013. Available at: <https://d.lib.msu.edu/etd/940/datastream/OBJ/View/> (accessed: 22.12.2022).
7. Gorbanenko S.B. Peterhofskaya doroga: Oranienbaumskiy istoriko-landshaftnyy kompleks [Peterhof Road: Oranienbaum Historical and Landscape Complex]. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2001. 444 c. (In Russ.).
8. Musayev V.I. Russkiye dachi na Karelskom peresheyke v kontse XIX – nachale XX veka [Russian Dachas on the Karelian Isthmus in the Late 19th – Early 20th Century]. *Istorija Peterburga*. 2005. №4 (26). S. 43–47. (In Russ.).
9. Klinge M. Na chuzhbine i doma [In a Foreign Land and at Home]. SPb.: Izd. dom "Kolo", 2005. 304 s. (In Russ.).
10. Keski-Pohjalainen [Central Ostrobothnia], 04.08.1906, No. 53. (In Finn.).
11. Hufvudstadsbladet [Journal of the Capital], 06.12.1907, No. 333. (In Swed.).
12. Mysko A., Stankovskiy V. Puteshestviye v Vyborg i yego okrestnosti s putevoditelem K.B. Grenkhagena, ili Finlyandskiy voyazh gospod iz S.-Peterburga V. Stankovskogo i A. Myskovskogo letom 1914 goda [Journey to Vyborg and its Environs with the Guide of K.B. Grenhagen, or the Finnish Voyage of Gentlemen from St. Petersburg V. Stankovsky and A. Myskovsky in the Summer of 1914]. SPb.: Izdatelskiy dom «Inkeri», 2020. 112 s. (In Russ.).
13. Veydle V.V. Zimneye solntse [Winter Sun]. Berlin: Direkt-Media, 2016. 208 s. (In Russ.).
14. Putevoditel po Finlyandii pod redaktsiyey Karelina [Guide to Finland Edited by Karelin]. SPb., 1913. Available at https://terijoki.spb.ru/history/templ.php?page=karelin_04&lang=ru (accessed: 22.04.2022). (In Russ.).
15. Gazeta "Teriokskij Dnevnik" ["Terijoki diary"], №1 ot 9/22 iyunja 1913 g., str. 1. Available at: https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=Terioksky_dnevnik_1913-06-09-22_01&sc=3 (accessed: 23.12.2022). (In Russ.).
16. Gazeta "Teriokskij Dnevnik" ["Terijoki diary"], №3 ot 23 iyunja/6 ijulja 1913 g., str. 3. Available at https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=Terioksky_dnevnik_1913-06-23-07-06_03&sc=3 (accessed: 20.12.2022). (In Russ.).
17. Gazeta "Teriokskij Dnevnik" ["Terijoki diary"], №2 ot 16/29 iyunja 1913 g., str. 3. Available at https://terijoki.spb.ru/trk_viewer.php?mfx=Terioksky_dnevnik_1913-06-16-29_03&sc=3 (accessed: 23.12.2022). (In Russ.).
18. Karjala [Karelia], 05.07.1910, nro 151. (In Finn.).
19. Juhlaopas. Laulu-, soitto- ja urheil- juhlassa Terijoella. 23–26 p: nä kesäkuutta 1910 [Guide at a Singing, Playing and Sports Festival in Terijoki. 23–26 of June, 1910]. S. 83. (In Finn.).
20. Mikko, U. Kannaksen Koteihin [To the Homes of the Isthmus]. Viipuri, 1910. S. 205. (In Finn.).
21. Fedotov N.P. Dachnye mestnosti po finljandskim zheleznym dorogam ot S.-Peterburga do Gel'singforsa vkljuchitel'no: [Putevoditel']: S podrobnymi planami Vyborga, Vil'manstranda i Gel'singforsa [Dacha Areas Along the Finnish Railways from St. Petersburg to Helsingfors Inclusive, with Detailed Plans for Vyborg, Vilmanstrand and Helsingfors]. SPb.: N. Fedotov, 1888. 153 c. (In Russ.).

22. Cerkovnyj vestnik [Church Herald], 31 avgusta 1895 goda, №35. Available at <http://ristikivi.spb.ru/docs/raivola-church-1895.html> (accessed: 23.12.2022). (In Russ.).
23. Semenov-Tyan-Shanskiy V.P. To, chto proshlo [That which is Past]. 2007. 168 s. Available at <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/stsh/semenov-tjan-shanskij.pdf> (accessed: 19.12.2022). (In Russ.).
24. Chukovskiy K. I. Ilya Repin [Ilya Repin]. SPb.: Azbuka, 2019. 224 s. (In Russ.).
25. Mandelshtam O. E. Shum vremeni [Noise of Time]. Moskva: Vagrius, 2002. 304 s. (In Russ.).
26. Bravo A., Travina Ye. Zelenogorsk. Teriyoki. Dachnaya zhizn sto let nazad [Zelenogorsk / Terijoki. Country Life a Hundred Years Ago]. SPb.: Tsentr sokhraneniya kulturnogo naslediya, 2019. 320 s. (In Russ.).
27. Pyast V.A. Vstrechi [Meetings]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 1997. 416 s. (In Russ.).
28. Finlyandskaya gazeta [Finnish Newspaper]. 16.07.1910. № 9. S. 4. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Дуганов Глеб Сергеевич – студент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: gleb.doogie@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Duganov Gleb S. – Student of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: gleb.doogie@gmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.01.2023. Одобрена после рецензирования 27.01.2023. Принята 29.01.2023.
Received 15.01.2023. Approved after reviewing 27.01.2023. Accepted 29.01.2023.*

research article

DOI: 10.48612/rg/RGW.26.10

The Individual and History in Novels about Turning Eras (G. Sand, I. Turgenev, R.N. Güntekin)

Shelale Ramazanova ✉

Ardahan University, Ardahan, Turkey

✉ shramazan18@gmail.com@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3252-6504>

Abstract. *The article aims to interpret symbolic romantic texts of French, Russian, and Turkish authors in a socio-cultural and historical-political context. The novels "Constable," "The Eve of the Revolution," and "The Little Prince-Singing Bird" are considered by the author as literary markers of historical crises, transitions, and cataclysms. The study focuses on the problems of the relationship between the individual and history in critical moments, the psychology of the heroine, her emotions and feelings. The article examines three peak novels about historical shifts, pivotal eras, societal crises, and their impact on the psychology and inner world of the characters. The problem of exceptional personality in the romantic interpretation of George Sand deserves special attention in terms of synthesizing traditions, using images and motifs of enlightenment literature. Special attention is paid to romantic poetics, the system of oppositions, the concept of the ideal, the opposition of the exceptional individual and the crowd. At the same time, the special realism of the image of Consuelo is noted, its connection with the natural origins of existence. The connection of George Sand's creativity with the traditions of Rousseau, Diderot, and Voltaire is traced. The development of ideas of emasculation and free impulses in Turgenev's novel "On the Eve" determines the search for typological parallels. The philosophical richness of the plot, the synthesis of social, contemporary and metaphysical beginnings is noted. In the image of Elena, visuality, perfection, excessive schematization, and ideologism are highlighted. An important component of the genre structure of the novel is the tragic nature that changes the direction of the plot, the priorities of the heroine, and leads to her self-sacrifice. At the beginning of the 20th century, a similar artistic solution to the ideological conflict was proposed by the Turkish writer Reshat Nuri Güntekin in the novel "The Singing Sparrow King." Attention is also focused on the emasculation of the heroine, who is in opposition to the conservative Muslim society, strictly following religious canons and life traditions. The fate of the heroine is analyzed in close connection with historical events, life tragedies, and crises. The comparison of the three novels allows for the detection of comparative-typological parallels, archetypal images and models, and socio-cultural context.*

Keywords: historical crisis; reception of tradition; novelistic collision; romantic poetics; emancipation

For citation: Ramazanova, S. The Individual and History in Novels about Turning Eras (G. Sand, I. Turgenev, R.N. Güntekin). *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 136–146. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.10.

© Ramazanova, S., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья
УДК: 82
DOI: 10.48612/RG/RGW.26.10

Личность и история в романах о переломных эпохах (Ж. Санд, И. Тургенев, Р.Н. Гюнтекин)

Рамазанова Шелале ✉

Ардаханский университет, Ардахан, Турция

✉ shramazan18@gmail.com@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3252-6504>

Аннотация. В статье предлагается интерпретация символических романтических текстов французских, русских и турецких авторов в социокультурном и историко-политическом контексте. Тексты романов «Консуэло», «Накануне», «Королёк-птичка певчая» рассматриваются автором как литературные маркеры исторических кризисов, переходов и катаклизмов. В центре внимания исследования находятся проблемы взаимоотношений личности и истории в критические моменты, психология героини, ее эмоции и чувства. В статье рассмотрены три вершинных романа об исторических сдвигах, переломных эпохах, общественных кризисах и их влиянии на психологию и внутренний мир героев. Проблема исключительной личности в романтической интерпретации Жорж Санд заслуживает особого внимания в плане синтеза традиций, использования образов и мотивов просветительской литературы. Акцентируется внимание на романтической поэтике, системе оппозиций, понятии идеала, противопоставлении исключительной личности и толпы. Вместе с тем отмечена особая жизненность образа Консуэло, ее связь с естественными истоками бытия. Прослежена связь творчества Жорж Санд с традициями Руссо, Дидро, Вольтера. Развитие идей эмансипации, свободолюбивых порывов в романе И. Тургенева «Накануне» обуславливает поиск типологических параллелей. Отмечается философская насыщенность сюжета, синтез социального, злободневного и метафизического начал. В образе Елены выделены умозрительность, идеальность, чрезмерный схематизм, идеологичность. Важной составляющей жанровой структуры романа является трагедийность, меняющаяся направление сюжета, приоритеты героини, обуславливающая ее самопожертвование. В начале XX века сходное художественное решение идеологического конфликта было предложено турецким писателем Решатом Нури Гюнтекином в романе «Королёк-птичка певчая». Акцентируется внимание также на эмансипации героини, находящейся в оппозиции по отношению к консервативному мусульманскому обществу, строго следующему религиозным канонам и жизненной традиции. Судьба героини анализируется в тесной связи с историческим контекстом, жизненными трагедиями и кризисами. Сопоставление трех романов позволяет обнаружить в них сравнительно-типологические параллели, архетипические образы и модели, социокультурный контекст.

Ключевые слова: исторический кризис; рецепция традиции; романная коллизия; романтическая поэтика; эмансипация

Для цитирования: Рамазанова Ш. Личность и история в романах о переломных эпохах (Ж. Санд, И. Тургенев, Р.Н. Гюнтекин) // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 136–146. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.10.

© Рамазанова Ш., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

Problem statement. The possibility of studying social and personal psychology is actualized on a profound historical and literary material. This aspect is in close connection with the movement of genres in literature, the formation of genre structures and their modifications, genre markers of the coming-of-age novel. The importance of studying the genre of novel in terms of historical upheavals, leading to radical changes, and even restructuring of the personality sphere, values, and attitudes is emphasized.

Analysis of recent research and publications. Among the most significant studies for our scientific problem are the following: Y. Lotman's article "Text in Text", M. Bakhtin's works on the development of the novel and stylistics of the novelistic language, N. Litvinenko's article on poetics of Georges Sand's works, and others. In these studies, texts of novels are interpreted in a broad sociological, historical and cultural context.

Goal setting. Interpretation of the selected novels is expedient in the genre-typological aspect; therefore, it is necessary to identify genre dominants, epic genre structures, which contribute to the synthesis and conjugation of various layers of life within a single unit. An important task is to correlate the life material, ideology with the dynamics of the novel genre itself, its national specificity.

Materials, Results and Discussion

George Sand creates a historical dilogy, a part of which is the "Consuelo" novel [1]. The specificity of the historical genre, here is a special presentation of reality, in its aesthetic refraction, romanticization. History is shown as if from the inside, in terms of its spiritual perception by a person. The reader gets acquainted with the world of Venice, with the art of the time, primarily music. It should be noted that the musical atmosphere directly correlates with different social strata and classes, their inherent types of reception, perception of the sublime. Certainly, the focus of the whole novel, its ideological and artistic center is Consuelo.

The image is built on the principles and techniques of the romantic poetics. These are primarily binary oppositions, a system of contrasts between the individual and the world, between the poetry and the prose of life, between the particular and the general. Undoubtedly, important elements of the coming-of-age novel, the period of "years of learning" appears indirectly, it is camouflaged, intentionally simplified, and mimics a different genre scheme. This refers to the adventure component of the novel, which allows a more vivid demonstration of

the spiritual and moral path of the heroine. It is noteworthy that throughout the plot Consuelo is static, does not change, follows her inherent moral qualities, while the environment opposed to her, the crowd, the world is shown in dynamics, in motion. Each time the society becomes more aggressive, it is not ready and unable to accept Consuelo's inner world and behavioral model.

The conflict recreated by G. Sand goes back to the Age of Enlightenment, to the works and philosophical doctrines of Rousseau, Voltaire, and Diderot. But unlike her predecessors, the 19th-century French writer deepens the social element and emphasizes the historical prerequisites for the development of the image in certain spatial and temporal circumstances. The conflict in sentimental novels of the 18th century, usually ending either with a tragic or melodramatic denouement, is replaced in the George Sand's novel by a social solution to the problem. In any case, Consuelo, as a romantic image, occupies a peculiar position of out sidedness; she is above the society depicted in the specific historical circumstances.

According to the laws of the romantic poetics, two ideological centers can be distinguished in the text – the hero and the environment. "And the position of the narrator in a historical novel includes a variety of semantics of understanding, exactly understanding, not acceptance, – and at the same time – denial of feudally, absolutistically regulated social relations. The indisputable and unmistakable criterion of evaluatively always remains the bearers of ideal and just, social and utopian notions – Consuelo and Count Albert" [2, p. 98]. In such an ideological structure, the tradition of the 18th century could also be echoed, primarily the similarity with the concepts of the Rousseau-novelist. In addition, typological parallels with other romanticists of the same era (L. Tieck, Hölderlin, Novalis, G. de Staël) can be traced. G. Sand creates a romantic model of a gifted person, an artist who is fundamentally distant from the highest aristocratic circles and is close to everyday life and ordinary people. One should also mention a special synthesis of the creative and spiritual, moral, which distinguishes the artistic solution to the problem of genius in the works of G. Sand.

The heroine's biography introduced in the text helps to understand the specific nature of the image. And it is built according to a typically romantic canon. The emphasis is placed on the confusion, uncertainty about Consuelo's origins, ethnic contours are only slightly marked, outlined. The author turns towards universalization, the symbolization of the image, gives it archetypical

features. However, it is necessary to separate the savage, naive, enlightening halo of the natural man from the cultural component in the structure of the image. Above all, she is a representative of the world of culture, art, the sphere of the sublime and the beautiful. At the same time, Consuelo is characterized by the maximum closeness to life, the naturalness of her character. And here it is important to emphasize the connection of the heroine with music as an opportunity to reveal this living human origin in the structure of the image.

I. Turgenev's novel "On the Eve" continues the tradition established in European literature, particularly in French literature [3]. The structure of the image and the plot scheme are typologically similar. Significant differences in the interpretation of the image are caused by national specificity. At the center of the novel, there is a young girl who is in search of the sublime, an ideal norm of the existence, a certain standard. The tragedy of the individual is that the heroine, having embarked on the path of struggle for freedom, social equality, justice, is forced to immediately change the purpose of her service, to set other tasks for herself. In this sense, her participation in the struggle for the liberation of Bulgaria acquires a certain existential meaning for her. Characteristically, Insarov's death also evokes in her mind contemplation of the existential order, an attempt to evaluate historical events in a philosophical way. In her opinion, this is punishment for her own guilt. Therefore, a complex of sacrifice appears, fundamental in the liberation struggle, a participant of which Elena becomes. Turgenev's novel is not limited to social problems and acquires some sublime meanings, the accents of the cosmic scale. Y. Lotman in his article "On the space of topics in the Russian novel of the XIX century" notes that "the Russian novel, starting with Gogol, poses the problem not of changing the character's situation, but of transforming their inner essence, or of remaking the life around them, or, ultimately, of both" [4, p. 719].

It is important to stress, however, that the social context of the work does not disappear, but to a large extent its function changes, it becomes connected by invisible threads with life-purpose and philosophical issues. Thus, the plot and image system of the novel are characterized by complexity, heterogeneity, synthetics. This quality of the narrative affects the change in the relationship between the step outline, the external plot, and psychologist the inner space of the work. On the one hand, Elena appears as a person who consistently goes the whole way, she embodies the aspirations of all Russian society and in this

respect is opposed to Shubin and Bersenev, who are ready to stop, to make a deal with their own conscience. On the other hand, the dialectic of the narrative is much more complex, more flexible, it cannot be reduced to a plot scheme, a simplified artistic solution. The logic of the novel's progression shows that Elena embodies the traits of a maximalist personality, she is selective about the world and is able to give preference to what is worthy of her. However, real life is different, there is almost nothing in it that can conform to this speculative ideal. By the way, this quality cardinally distinguishes Turgenev's Elena from Consuelo, extremely close to the vivifying origins of the existence. Elena perceives everything as if through the prism of an ideal, a proper norm. For example, her attitude towards the destitute Katya is far from love in the usual sense of the word. In the foreground here is a "secret respect" for someone who, by nature, can be a completely free person. Hence the speculative, ideologically mediated attitude toward phenomena of the spiritual and ethical order.

In this philosophy, one can detect a certain enlightening orientation toward uncompromising behavior, the "ideality" of one's life stance, an attempt to get rid of contradictions. Hence its tragedy, which is the total denial of the world's imperfection, a rejection of its rules and norms. This also explains the metaphysical motif of a breakthrough beyond reality to other dimensions of the existence, the search for the meaning of life. Elena's tragedy is that she is no stranger to love, which cannot find a way out and remains in the space of dreams and illusions. A motif of mystery emerges, which permeates the narrative and gives it a philosophical aspect. This motif is supplemented by the symbolic images of the thunderstorm and the winged bird, which take the narration in a different direction, a lyrical and meditative one. Along with this, the psychological aspect of the work, its inner plot, is strengthened. "... It occurred to her that she desires something that no one else desires, that no one else thinks of in all of Russia" [3, p. 35]. This irrational, metaphysical element asserts itself fully in the final chapters, in which Elena, alone and prone to self-sacrifice, makes a difficult decision. The departure for Bulgaria in this context is symbolic, acting as a milestone of the struggle for freedom, an act of fusion with an alien space.

In the finale of the novel, this tendency is sharply intensified. Proceeding from the logic of the fiction's narrative, the happiness of an individual, their existential right gets compromised. Everything is subordinated to some kind of an absolute mind, an abstract idea, an objective history, which absorb the

individual human self. This explains the special tonality of the narrative, a certain solemnity and lyrical-philosophical pathos. In this case, the tragedy of the existence, its universality and cosmic character can only be comprehended by the author, and the heroine is far from realizing her own error.

Obviously, the image of Elena was modeled in accordance with the poetics of "Georgesandism" which is quite firmly embedded in Russia. The main point of the influence of the French author on the image of Elena was the concept of family, society, the place of a woman in it. L.V. Pumpyansky explicitly linked Turgenev's heroine with images of George Sand, saying that Elena was a Georgesandesque type of woman and that the novel, especially the fragments connected with Elena, was written by Turgenev in the manner of George Sand [5, p. 391]. E. Tolstaya notes: "Turgenev embroidered on the canvas of Georges Sand a tragically convincing *image*" [6, p. 54]. The genetic connection between Elena Stakhova and the heroine of the novel "Consuelo" is directly traceable in Turgenev's pessimism, his mysticism as the influence of German romanticism, the impulses of which were also manifested in Georges Sand. In addition, Elena is just as radiant and capable of struggle and spiritual quest as Consuelo. All this confirms the organic proximity of the images of French romanticism for the Russian novelist of the second half of the 19th century.

Reşat Nuri Güntekin's novel "The Wren" also develops the theme of emancipation of the human person in a patriarchal world [7]. What is striking is the undeniable dramaturgical nature of the text, which was remade from the play "The Daughter of Istanbul" into the novel "The Wren". As in Turgenev's work, in the foreground there is a story of a young girl, teacher Feride, which is written according to the canons of the biographical narrative. Her individual fate is shown against the background of great history, geopolitical collisions, and social tragedies, covering the period from the collapse of the Ottoman Empire to the formation of the Republic of Turkey. It should be noted that the idea and plot of the novel were influenced by the personal biography of the writer, who together with his military father observed different aspects of life in numerous places in Turkey. While traveling around the country, the future writer formed his own vision of the Turkish nation, its mentality, the fundamentals of development. He perceives Turkish life not indirectly, through already established literary images and cultural patterns, but with his own eyes, developing an individual perspective, an angle of view that is unique to him.

The creative manner of the writer was formed in the framework of historical changes, large-scale geopolitical shifts. It was an era of continuous changes, a truly cultural explosion caused by the fall of the four largest empires: the Russian, German, Austro-Hungarian, Ottoman. As for the events in Turkey, we can state its transition to the Eurocentric model of development, to the Western cultural paradigm. The initiator of this change in the vector was Mustafa Kemal Atatürk. He conducted a number of fundamental reforms, first of all in the cultural, social, and political fields, introduced secular education and European law. All this led to a radical shift in public psychology, contradictory trends, and even a split in the popular environment. The novel "The Wren" reflects the spirit and specificity of Atatürk's reforms, so the story of a particular fate is read against the background of national changes and cataclysms, and the heroine Feride becomes a symbol of these changes. In this regard, it is appropriate to refer to the theory of the novel M. Bakhtin, who considered the dynamics of this genre in the closest connection with the historical process. The scientist distinguished the following reference points in the genre structure of the novel: "Two solid starting points. Man, and history. The image of a man and the image of the historical process... The degree of depth of understanding and penetration into the man and into the historical process is inextricably linked and inseparable" [8, p. 228].

Indeed, the plot of Reşat Nuri Güntekin's novel confirms this position. Portraying the heroine against the background of the First World War shows the close connection between the general and the specific, the personal and the historical in the artistic system of the writer. Moreover, the description reveals such details that are not directly related to history, but in the subtext reveal their symbolic role. As a child, Feride was mischievous, freedom-loving, for which she was nicknamed the little wren. Having lost her parents at an early age, the heroine is on her way to self-education, spiritual and moral growth. She was sheltered by her aunt Besime, at whose house Feride lived during the vacations after studying at the French Lycée in Istanbul. The storyline then follows the classic canons of a love story. A boarding school pupil in her aunt's house meets her cousin Kamran, who immediately arouses the girl's sympathy. True, her first expressions are not serious and are of the nature of mockery, quips, and jokes. However, soon, with the help of Mujgan, the secret becomes clear, the cousin learns about the King's feelings, and proposes to her.

Special attention should be paid to the romantization in the description of the lovers' relationship, especially in the episodes of anticipation and preparation for the wedding. However, romantic pathos is combined with tragic pathos. After all, on the eve of the wedding celebration, the heroine learns of her lover's adultery in Europe. The direction of the plot changes radically, taking on a historiosophic direction. The heroine goes to the provincial Anatolia to teach the village children. However, the tragedy is that her rich inner world is misunderstood in the conservative patriarchal environment, which strongly opposes European innovations. Moreover, the religious component plays an important role. One should remember that we are facing as a traditional Muslim society based on taboos, bans, and a clear division between the permissible and the impermissible. A typical closed community is portrayed, whose life is based on prejudice, superstition, gossip, and ignorance. The explicit and hidden conflicts of Feride with the locals lead to a series of plot twists and turns, an encounter with the girl Munisa, who is later adopted by the heroine. After the little girl dies of diphtheria, the heroine again encounters the conservative psychology of the hostile locals. Her fictitious marriage to an elderly man, the military doctor Hayrullah Bey, made its impact. Before his death, he bequeaths Feride to return to his homeland and pass an envelope from him to Kamran. The envelope reveals the heroine's diary, from which her cousin learns of all the ordeals and suffering she has endured. We can talk about a special technique used by the author deliberately. It is a kind of text within a text, which helps to reveal the heroine's psychology and her emotional behavior more deeply and boldly. Lotman in his article "Text in Text" notes a special function of this method of doubling, mirroring, duplication of worlds. "A typical case of the invasion of an alien text is "text-in-text": a fragment of a text, torn from its natural connections, is mechanically introduced into another semantic space. Here it can perform a number of functions: play the role of a semantic catalyst, change the nature of the main meaning, go unnoticed, etc." [9, p. 66].

The plan of the historical narrative is deliberately emphasized by its cultural geography and cartographic features. It is the text that goes beyond the spatial limits of Istanbul and recreates the countryside (Anatolia) during the First World War and the Liberation Movement. However, there is no specificity here, there are no details of the socio-political life, a lot becomes clear in the context of the reader's reflections, guesses, and associations. It is noteworthy that the cities

are practically not described, but only named. They serve as the historical and geographical background of the narrative. Moreover, they become part of the inner space, as they are transferred to the plane of the heroine's reflections, her diary entries, and impressions. Therefore, the external is secondary to the internal, some names and titles are highly generalized. All this serves to symbolize the destiny of Feride, the image of a Turkish emancipated girl, a national version of Jane Eyre, who finds the strength to overcome the stereotypes of public psychology and the extremely canonized Muslim world. In contrast to Consuelo and Elena Stakhova, Feride is characterized by a more pronounced local and ethnographic coloring, an attachment to a particular place, and the type of personal identification associated with it. In addition, a complex and ambiguous blood relationship to the patriarchal world, its morals, customs, and prejudices is emphasized. In contrast to the romantic Consuelo and the approaching existential depths Elena, Feride nevertheless remains within a specific historical framework, trying to overcome the inertia of the canons of the Eastern world.

Conclusion

Thus, in the novels of George Sand, I. Turgenev, and Reşat Nuri Güntekin, there are common trends in the construction of women's images, similar ideological concepts, approaches to the interpretation of history, its crises and cataclysms. The problems of women's emancipation, the national liberation movement, the fate of an exceptional person against the background of history unite the texts written in different historical periods on different materials. We can talk about a variably presented synthesis of the general and individual, chamber, intimate world of a human and the universe, existence as such. The French, Russian and Turkish interpretations of the emancipated female personality allow us to accentuate the ethnic mentality, socio-historical, geographical, and political differences in the construction of artistic images.

REFERENCES

1. Sand Zh. *Sobranie sochinenij v 10 tomah* [Collected Works in 10 Volumes]. T. 5. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1972. 880 s. (In Russ.).
2. Litvinenko N.A. *Dilogija Zhorzh Sand «Konsujelo» i «Grafinja Rudol'shtadt»: osobennosti pojetiki* [The Dialogue of George Sand "Consuelo" and "Countess of Rudolstadt": Features of Poetics]. *Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu Al'freda Nobelja. Filologichni nauki*. 2016. № 1 (11). S. 97–105. (In Russ.).
3. Turgenev I.S. *Sobranie sochinenij v 30 tomah* [Collected Works in 30 Volumes]. T. 6. M.: Nauka, 1978. 395 s. (In Russ.).

4. Lotman Ju.M. O russkoj literature [On Russian Literature]. SPb: Iskusstvo – SPB, 1997. 848 s. (In Russ.).
5. Pumpjanskij L.V. Klassicheskaia tradicija: sobranie trudov po istorii russkoj literatury [The Classical Tradition: a Collection of Works on the History of Russian Literature]. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. 864 s. (In Russ.).
6. Tolstaja E. Igra v klassiki. Russkaja proza XIX–XX vekov [The Game of Classics. Russian Prose of the 19th – 20th Centuries]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 504 s. (In Russ.).
7. Gjuntekin R.N. Korolek – ptichka pevchaja [The Kinglet – A Singing Bird]. M.: Zolak, 2021. 448 s. (In Russ.).
8. Bahtin M. Sobranie sochinenij v 7 tomah [Collected Works in 7 Volumes]. T. 3. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012. 880 s. (In Russ.).
9. Lotman Ju.M. Semiosfera [Semiotics]. SPb: Iskusstvo – SPB, 2000. 704 s. (In Russ.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Санд Ж. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 5. М.: Художественная литература, 1972. 880 с.
2. Литвиненко Н.А. Диалогия Жорж Санд «Консуэло» и «Графиня Рудольштадт»: особенности поэтики. // Вісник Дніпропетровського університету Альфреда Нобеля. Філологічні науки. 2016. № 1 (11). С. 97–105.
3. Тургенев И.С. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 6. М.: Наука, 1978. 395 с.
4. Лотман Ю.М. О русской литературе. СПб: Искусство – СПб, 1997. 848 с.
5. Пумпянский Л.В. Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 864 с.
6. Толстая Е. Игра в классики. Русская проза XIX – XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 504 с.
7. Гюнтекин Р.Н. Королек – птичка певчая. М.: Золак, 2021. 448 с.
8. Бахтин М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 3. М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
9. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб: Искусство – СПб, 2000. 704 с.

Сведения об авторах / Information about authors

Рамазанова Шелале – доктор филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и литературы, факультета Гуманитарных наук, Ардаханский университет.

E-mail: shramazan18@gmail.com@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3252-6504

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ramazanova Shelale – Doctor of Philology, Department of Russian Language and Literature, Faculty of Humanities, Ardahan University.

E-mail: shramazan18@gmail.com@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3252-6504

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.01.2023. Одобрена после рецензирования 04.02.2023. Принята 04.02.2023.
Received 17.01.2023. Approved after reviewing 04.02.2023. Accepted 04.02.2023.*

научная статья
УДК: 001.891.5
DOI: 10.48612/rg/RGW.26.11

Метод айтрекинга в исследовании распознавания исторических личностей различными возрастными группами

Розова Наталья Константиновна ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ nrozova@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7403-7912>

Абабкова Марианна Юрьевна
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
Санкт-Петербург, Россия
miuababakova@etu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6589-8523>

Аннотация. Качественно новая информация в результате исследования методом айтрекинга является более достоверной и детализированной в отличие от опросных методов или метода наблюдения. Айтрекинг как инновационный метод исследования применяется не только в маркетинговых и коммуникационных исследованиях, но и в образовании, истории, психологии и политике. Распознавание лиц имеет решающее значение для повседневной жизни. В статье представлены результаты исследования особенностей распознавания исторических личностей респондентами разных возрастных групп. В качестве стимулов были подобраны портреты российских и европейских императоров. Результаты исследования были дополнены блитч опросом. В качестве основных данных использовались карты движения взгляда респондента, продолжительность каждой фиксации, общее время фиксаций взгляда на изображении, количество фиксаций на отдельных элементах изображения. Гипотеза исследования об объективных различиях в количестве и длительности фиксаций, числе возвратов при восприятии изображений знакомых исторических персон для респондентов из разных возрастных групп подтвердилась. При изучении изображений знакомых исторических персоналий респонденты совершали менее длительные фиксации и более быстрые переходы с одного участка изображения на другое. Петр I стал самой узнаваемой исторической личностью как среди старших, так и среди младших респондентов. С помощью данных айтрекинга были выявлены паттерны восприятия знакомых и незнакомых исторических личностей. Основными областями интереса респондентов старшей возрастной группы были внутренние черты лица, в то время как респонденты младшей возрастной группы изучали и внутренние, и внешние черты лица исторической личности.

Ключевые слова: инновационный метод исследования; российские и европейские исторические личности; распознавание лица; карта движения взгляда; паттерн восприятия

Для цитирования: Розова Н.К., Абабкова М.Ю. Метод айтрекинга в исследовании распознавания исторических личностей различными возрастными группами // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 147–158. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.11.

© Розова Н.К., Абабкова М.Ю., 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

research article

UDC: 001.891.5

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.11

Eye Tracking as a Tool to Investigate Recognition of Historical Personalities by Different Age Groups

Natalia K. Rozova ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

✉ nrozova@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7403-7912>

Marianna Yu. Ababkova

Saint-Petersburg Electrotechnical University “LETI”

miuababakova@etu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6589-8523>

Abstract. *Eye tracking is a new technique which adds a new dimension not only to marketing and communication research, but also to education, history, psychology and politics. Its qualitatively new information is more reliable and detailed in contrast to the traditional research techniques. Facial recognition is crucial for everyday life. The article presents the results of a study related to the recognition of historical personalities by respondents of different age groups. Portraits of Russian and European emperors were selected as stimuli. The results of the eye tracking study were supplemented by a short survey. The gaze plots, the fixation duration, the total time of gaze fixation on the stimulus, the number of fixations were analyzed. The hypothesis about objective differences in the number of gaze fixation and the duration of fixations, the number of ant saccades during perception of the images of familiar historical personalities for the respondents from the different age groups was confirmed. During the process of recognition of familiar historical personalities respondents made shorter gaze fixations and faster gaze transitions from one part of the image to another. Peter the Great became the most recognizable historical figure among both older and younger respondents. The patterns of perception of familiar and unfamiliar historical figures were revealed. The main areas of interest of the respondents from the older age group were internal facial features, while the respondents of the younger age group studied both internal and external facial features of a historical figure.*

Keywords: innovative research method; Russian and European historical figures; face recognition; gaze movement map; perception pattern

For citation: Rozova, N.K., Ababkova, M.Y. Eye Tracking as a Tool to Investigate Recognition of Historical Personalities by Different Age Groups. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 147–158. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.11.

© Rozova, N.K., Ababkova, M.Y., 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Визуальное и когнитивное внимание привлекает внимание исследователей в различных контекстах, например, при изучении процесса чтения, распределении внимания при чтении и обработке текстовой информации [1]; анализе потребительских предпочтений в маркетинге и рекламе [2], обработке эмоций при изучении выражения лица [3]; социальном взаимодействии [4]; а также в государственном управлении и политическом маркетинге [5] и т.д. Зарубежными авторами изучались условия, при которых изображения в цифровых новостных СМИ стимулируют политическое онлайн-участие и какую роль в этом отношении играют конкретные особенности изображения. Выяснилось, что люди охотнее участвуют в политической жизни онлайн, если они воспринимают изображения определенного качества в новостных СМИ [6; 7].

Метод исследования

Айтрекинг позволяет изучать процессы восприятия, преобразования и использования зрительной информации посредством определения направленности взора, областей интереса, когнитивных стратегий изучения текста, изображений, оценки сложности объекта восприятия и др. [8]. Главным достоинством использования технологии айтрекинга является объективность результатов анализа, так как зрачок глаза совершает рефлекторные движения, которыми человек не может управлять, что исключает влияние испытуемого на итоги исследования. Наибольший эффект айтрекинг дает в совокупности с традиционными методами исследования, включенными опросами и интервью.

Направленность взора человека при восприятии фотографий или изображений лиц отражает локализацию его внимания при изучении и распознавании лиц [9; 10]. Например, в исследовании визуального внимания при личном общении [11] были выявлены области наибольшего интереса и фиксации взгляда на лице. При изучении лица фиксация взора человека чаще всего осуществляется на глазах, бровях, носе, рте и др., как наиболее информативных элементах лица при общении. При изучении знакомых и незнакомых лиц паттерны движений глаз различны [12; 13].

Исследователями был сделан вывод, что для распознавания лица требуется всего лишь две зрительные фиксации [9; 12; 14], однако

локализация фиксации взора зависит от индивидуальных особенностей испытуемых и задания, поставленного перед ними [15]. В исследовании [10] выдвигается гипотеза о целостном восприятии внешних и внутренних черт лица при его распознавании. К внутренним чертам лица исследователи относят глаза, нос, рот, щеки, лоб, брови, к внешним – прическу, уши, форму лица. При сравнении лиц респонденты изучают внутренние черты лица знакомых лиц на протяжении более длительного промежутка времени, при восприятии незнакомых лиц более длительные фиксации локализованы на внешних чертах лица. При выполнении задания на опознавание лица респонденты уделяют большое внимание внутренним чертам лица у знакомых и незнакомых лиц [16]. Авторы исследования предполагают, что внутренние черты лица более важны для узнавания лица, чем его внешние черты [9; 16]. Исследователями показано, что, изучая знакомые лица, респонденты чаще локализуют свое внимание на области глаз, а при изучении незнакомых лиц концентрируют свое внимание на большем количестве областей лица [13]. Паттерны движений глаз при восприятии знакомых лиц более разнообразны, чем при восприятии незнакомых лиц.

Исследователями в Центре социологических исследований и цифровых коммуникаций Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого был использован метод айтрекинга по изучению особенностей процесса узнавания исторических личностей (российских и европейских императоров). Целью исследования было изучение особенностей узнавания лиц исторических личностей методом айтрекинга. Гипотезой исследования служило предположение, что количество и длительность фиксаций, число возвратов взгляда при восприятии изображений знакомых исторических персон будет различаться для респондентов из разных возрастных групп.

Исследование состояло из изучения восприятия лиц российских и европейских императоров методом айтрекера и блиц-опроса, состоявшего из вопроса «Кто этот человек?». Респондентам, не являющимся специалистами по истории, предъявлялись изображения российских и европейских монархов. Выборка состояла из 16 респондентов – 8 человек в возрасте 35 лет и более и 8 респондентов в возрасте 20 лет и более, что является репрезентативной выборкой для айтрекинга [17; 18].

Изображения исторических персон предъявлялись на мониторе с диагональю 19 дюймов, разрешением 1920X1080 пикселей, который располагался на расстоянии 75 см от наблюдателя [19]. Респондентам сначала предъявлялась серия фотографий, состоящая из изображений российских монархов, далее респондент переходил к изучению изображений европейских монархов. После предъявления каждого изображения интервьюером задавался вопрос: «Кто этот человек?»

Эксперимент проходил для каждого участника отдельно в тихой комнате, с рассеянным светом 200 Люкс [18]. Регистрация глазодвигательной активности проводилось с помощью инфракрасного видеоустройства слежения за глазами (Gazepoint айтрекер GP3 (60 Гц), Канада). С помощью программного обеспечения «Нейробюро» (Санкт-Петербург, Россия) была получена информация о движении взгляда респондентов, продолжительности каждой фиксации и общем времени фиксаций на различных участках изображения, а также о количестве фиксаций на отдельных элементах изображения.

Результаты исследования

Основными показателями для анализа были выбраны среднее суммарное время рассматривания (в мс) и среднее число фиксаций, согласно опыту других исследований [9; 11; 12], табл. 1.

Таблица 1

Средние значения исследуемых характеристик фиксации взгляда респондентов

Стимул	Среднее суммарное время рассматривания (мс)		Среднее число фиксаций	
	Респонденты 35 и более лет	Респонденты 20 и более лет	Респонденты 35 и более лет	Респонденты 20 и более лет
Изображение Петра I среди европейских императоров	32,4±1,1	3200±64,3	8,4±2,1	66,3±8,2
Изображения Петра I среди российских императоров	20±3,1	1350±8,2	4±2,2	45,8±2,3
Изображения российских императоров	302,1±7,5	1400±10,7	14,3±3,4	65,2±6,1
Изображения европейских императоров	1400,8±16,3	3024±32,7	35,3±9,5	66,4 ±7,7

Респонденты старшей возрастной группы тратили меньшее время на рассмотрение и последующее узнавание исторической личности, чем младшими респондентами (в среднем, на узнавание Петра I ими затрачивалось от 4 до 8,4 мс, и 1350 – 3200 мс младшими респондентами).

Анализ карт движения взгляда показал, что люди старшего возраста делали меньшее количество фиксаций перед узнаванием исторической личности, чем представители младшей возрастной группы (рис. 1).

Полученные данные коррелируют с выводами других исследователей о том, что менее длительные фиксации и более быстрые саккады (переход взгляда с одного участка изображения на другое) характерны при изучении знакомого лица [20].

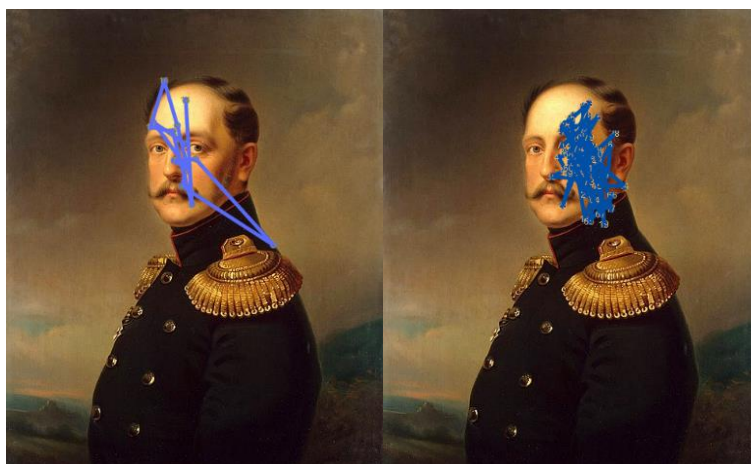

Рис. 1. Карты движения взгляда при восприятии изображения российского императора Николая I респондентами старшей (слева) и младшей возрастной группы (справа)

На основе карт движения взгляда можно также выявить паттерн движения взгляда при узнавании исторической личности (рис. 2).

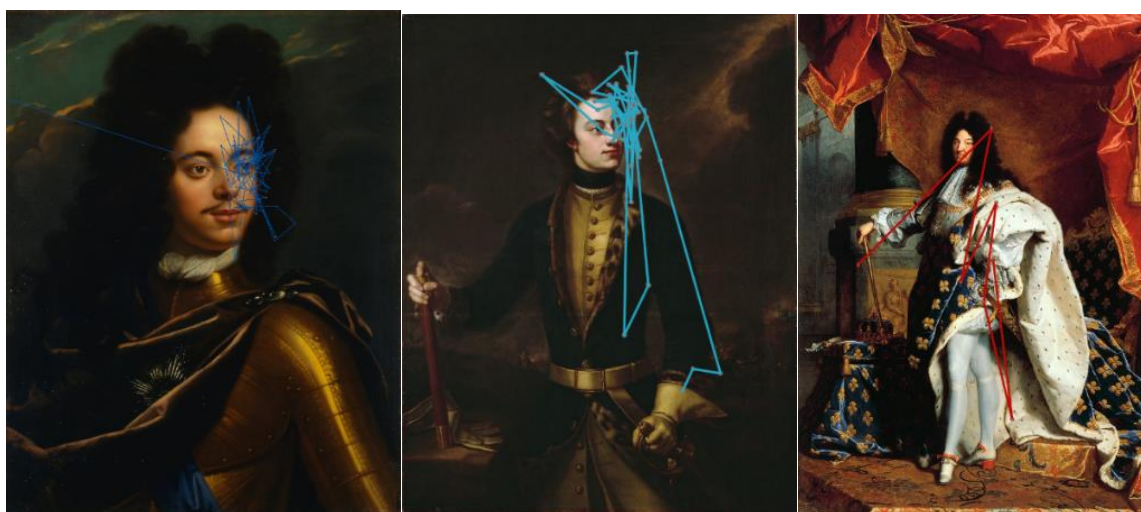

Рис. 2. Паттерны движения взгляда при изучении изображений европейских монархов

Люди старшего возраста чаще определяли по лицу и прическе. Для младшей группы респондентов к данному паттерну изучения исторической личности добавлялись плечи, одежда и регалии (внешние черты лица). Особенно этот паттерн изучения исторической персоны характерен был при рассматривании незнакомых лиц (как впоследствии показал опрос).

В результате последующего опроса было выявлено, что Петр I был узнан большинством респондентов как среди российских, так и среди европейских монархов (рис. 3).

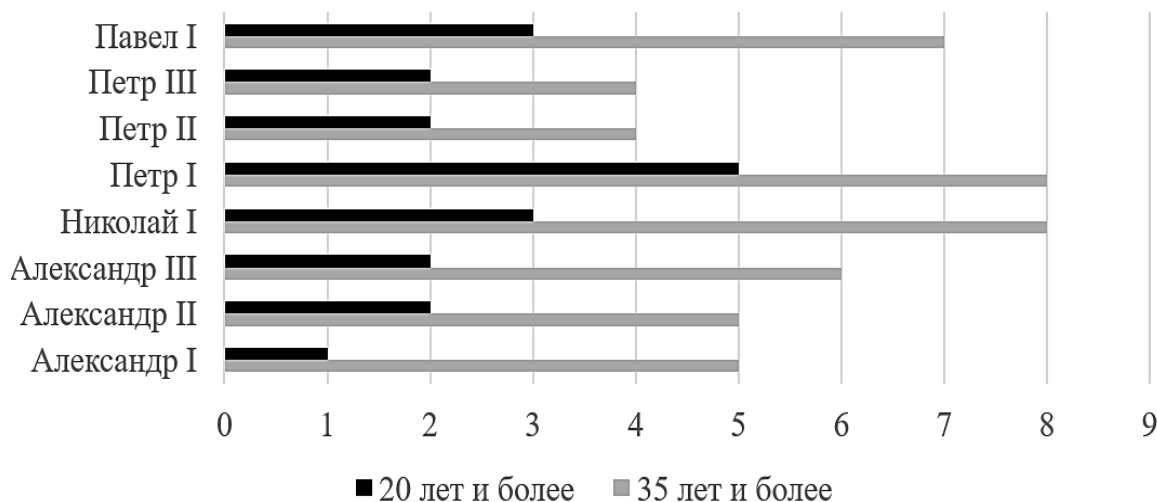

Рис. 3. Количество респондентов, узнавших российских императоров

Наиболее узнаваемым российским императором оказался Петр I (все респонденты из старшей и 5 респондентов из младшей группы узнали его). За ним следует Николай I (3 респондента из младшей группы и все респонденты старшей группы узнали его), затем – Павел I (7 респондентов из старшей группы и 3 респондента из младшей группы опознали его) и Александр III (6 респондентов из старшей группы и 2 респондента из младшей группы узнали его). Наименее узнаваемым среди респондентов младшей группы оказался Александр I – его узнал только 1 человек, из старшей группы его узнали 5 человек.

Среди европейских монархов Петр I также оказался наиболее узнаваемым, хотя уже меньшее количество респондентов узнали его (все респонденты из старшей возрастной группы и 3 респондента из младшей возрастной группы). Отметим, что использовалось то же изображение, что в первой части эксперимента, что позволяет сделать предположение, что на узнавание лица влияет контекст и окружение. Далее по степени

узнаваемости идет Карл XII (5 респондентов старшей возрастной группы и 1 респондент младшей группы узнали его); Людовик XIV (3 и 1 респондент соответственно); Педро II (2 респондента старшей группы); Карл II (3 респондента старшей группы); Август Сильный (3 респондента старшей группы); Леопольда I и Вильгельма III не узнал никто.

Заключение

В результате исследования была подтверждена гипотеза о том, что при изучении знакомого лица испытуемые делают менее длительные фиксации и быстрее переходят с одного участка изображения на другое. Лицо (правая часть для зрителя) и прическа исторической персоналии были основными областями интереса респондентов старшего возраста. Респонденты младшей группы дополняли паттерн изучения внешними чертами лица, очевидно, пытаясь по одежде и регалиям «классифицировать» объект изучения, найти подсказку к историческому периоду. Подобный паттерн изучения «лицо (правая часть, глаза, нос, лоб, рот) – прическа – плечи – одежда – регалии» был характерен для изучения незнакомых исторических персоналий.

Распознавание лиц стало одной из самых интересных и важных областей исследований за последние два десятилетия. Данное исследование было сосредоточено на изучении особенностей распознавания исторических личностей. Результаты исследования, с одной стороны, демонстрируют популярность и известность Петра I, что является естественным благодаря присутствию его портретов в учебниках и книгах по истории, значимостью царя как реформатора российской истории. Среди изображений российских императоров Петр I узнавался чаще, чем при демонстрации в обрамлении изображений европейских монархов. С другой стороны, узнаваемость других российских императоров, в особенности, респондентами младшей возрастной группы оставляет желать лучшего. В процессе исследования подтвердились предположения о том, что выполнение задания на узнавание зависит от типа задачи, стоящей перед респондентом, и от контекста.

Исследования методом айтрекинга могут использоваться при разработке образовательного контента (создании презентаций,

электронных курсов, учебников, раздаточного материала), для изучения паттернов восприятия изображений и когнитивных стратегий в обучении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hurskykari, A. Utilizing Eye Movements: Overcoming Inaccuracy While Tracking the Focus of Attention During Reading. *Computers in Human Behavior*. 2006. Vol. 22. Iss. 4. P. 657–671. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2005.12.013>.
2. Reutskaja, E., Nagel, R., Camerer, C.F., Rangel, A. Search Dynamics in Consumer Choice Under Time Pressure: An Eye-Tracking Study. *American Economic Review*. 2011. Vol. 101. No. 2. P. 900–926. <https://doi.org/10.1257/aer.101.2.900>.
3. Bindemann, M., Burton, A.M., Langton, S.R.H. How do Eye Gaze and Facial Expression Interact? *Visual Cognition*. 2008. 16 (6). P. 708–733. <https://doi.org/10.1080/13506280701269318>.
4. Rogers, S.L., Speelman, C.P., Guidetti, O., Longmuir, M. Using Dual Eye Tracking to Uncover Personal Gaze Patterns During Social Interaction. *Scientific Reports*. 2018. Vol. 8. Iss. 1. 4271. <https://doi.org/10.1038/s41598-018-22726-7>.
5. Игнатовский Я.Р., Иванов В.Г. Айттрекинг: потенциал для применения в государственном управлении, политическом брендинге и планировании избирательных кампаний // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2020. № 7(2). С. 155–160. DOI: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-155–160.
6. Geise, S., Heck, A., Panke, D. The Effects of Digital Media Images on Political Participation Online: Results of an Eye-Tracking Experiment Integrating Individual Perceptions of “Photo News Factors”. *Policy & Internet*. 2021. Vol. 13. Iss. 1. P. 54–85. <https://doi.org/10.1002/poi3.235>.
7. Martini, S., Olmastroni, F. From the Lab to the Poll: The Use of Survey Experiments in Political Research. *Italian Political Science Review/Rivista Italiana Di Scienza Politica*. 2021. Vol. 51. Iss. 2. P. 231–249. <https://doi.org/10.1017/ipo.2021.20>.
8. Барабанщиков В.А. Окуломоторная активность человека как предмет и метод психологического исследования // Айттрекинг в психологической науке и практике / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. М.: Когито-Центр, 2015. 410 с.
9. Демидов А.А., Ананьева К.И. Окуломоторная активность при восприятии лиц: основные направления исследований // Айттрекинг в психологической науке и практике / Отв. ред. В. А. Барабанщиков. – М.: Когито-Центр, 2015. 410 с.
10. Chan, J., Ryan, J.D. Holistic Representations of Internal and External Face Features are Used to Support Recognition. *Frontiers in Psychology*. 2012. Vol. 3. 87. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00087>.
11. Vehlen, A., Spenthof, I., Tönsing, D., Heinrichs, M., Domes, G. Evaluation of an Eye Tracking Setup for Studying Visual Attention in Face-to-Face Conversations. *Scientific Reports*. 2021. Vol. 11. 2661. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-81987-x>.
12. Hsiao, J., Cottrell, G. The Influence of Number of Eye Fixations on Face Recognition. *Journal of Vision*. 2007. Vol. 7. Iss. 9. 494. <https://doi.org/10.1167/7.9.494>.
13. Althoff, R.R., Cohen, N.J. Eye-Movement-Based Memory Effect: a Reprocessing Effect in Face Perception. *Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition*. 1999. Vol. 25. Iss. 4. P. 997–1010. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.25.4.997>.

14. Schurgin, M.W., Nelson, J., Iida, S., Ohira, H., Chiao, J.Y., Franconeri, S.L. Eye Movements During Emotion Recognition in Faces. *Journal of Vision*. 2014. Vol. 14. Iss. 13. P. 1–16. <https://doi.org/10.1167/14.13.14>.
15. Malcolm, G.L., Lanyon, L.J., Fugard, A.J.B., Barton, J.J.S. Scan Patterns During the Processing of Facial Expression Versus Identity: An Exploration of Task Driven and Stimulus-Driven Effects. *Journal of Vision*. 2008. Vol. 8. Iss. 8. P. 1–9. <https://doi.org/10.1167/8.8.2>.
16. Stacey, P.C., Walker, S., Underwood, J.D.M. Face Processing and Familiarity: Evidence from Eye-Movement Data. *British Journal of Psychology*. 2005. Vol. 96. Iss.4. P. 407–422. <https://doi.org/10.1348/000712605X47422>.
17. Wedel, M., Pieters, R. Eye Tracking for Visual Marketing. *Foundations and Trends® in Marketintg*. 2008. Vol. 1. No. 4. P. 231–320. <http://dx.doi.org/10.1561/17000000011>.
18. Muñoz-Leiva, F., Hernández-Méndez, J., Gómez-Carmona, D. Measuring Advertising Effectiveness in Travel 2.0 Websites Through Eye-Tracking Technology. *Physiology & Behavior*. 2019. Vol. 200. P. 83–95, <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2018.03.002>.
19. Абабкова М.Ю., Розова Н.К. К вопросу о месте технологии айтрекинга в российской высшей школе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 3(146). С. 44–48.
20. Розова Н.К., Танова А.Г., Абабкова М.Ю. Методика айтрекинга при оценке восприятия главной страницы сайта вуза // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 3. С. 174–179. <https://doi.org/10.17513/snt.39094>.

REFERENCES

1. Hyrskykari, A. Utilizing Eye Movements: Overcoming Inaccuracy While Tracking the Focus of Attention During Reading. *Computers in Human Behavior*. 2006. Vol. 22. Iss. 4. P. 657–671. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2005.12.013>.
2. Reutskaja, E., Nagel, R., Camerer, C.F., Rangel, A. Search Dynamics in Consumer Choice Under Time Pressure: An Eye-Tracking Study. *American Economic Review*. 2011. Vol. 101. No. 2. P. 900–926. <https://doi.org/10.1257/aer.101.2.900>.
3. Bindemann, M., Burton, A.M., Langton, S.R.H. How do Eye Gaze and Facial Expression Interact? *Visual Cognition*. 2008. 16 (6). P. 708–733. <https://doi.org/10.1080/13506280701269318>.
4. Rogers, S.L., Speelman, C.P., Guidetti, O., Longmuir, M. Using Dual Eye Tracking to Uncover Personal Gaze Patterns During Social Interaction. *Scientific Reports*. 2018. Vol. 8. Iss. 1. 4271. <https://doi.org/10.1038/s41598-018-22726-7>.
5. Ignatovskiy Ya.R., Ivanov V.G. Aytреking: potentsial dlya primeneniya v gosudarstvennom upravlenii, politicheskom brendinge i planirovanii izbiratelnykh kampaniy [Eyetracking: Potential for Use in Public Administration, Political Branding and Election Campaign Planning]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoye i munitsipalnoye upravleniye*. 2020. № 7(2). S. 155–160. doi: 10.22363/2312-8313-2020-7-2-155-160. (In Russ.).
6. Geise, S., Heck, A., Panke, D. The Effects of Digital Media Images on Political Participation Online: Results of an Eye-Tracking Experiment Integrating Individual Perceptions of “Photo News Factors”. *Policy & Internet*. 2021. Vol. 13. Iss. 1. P. 54–85. <https://doi.org/10.1002/poi3.235>.

7. Martini, S., Olmastroni, F. From the Lab to the Poll: The Use of Survey Experiments in Political Research. *Italian Political Science Review/Rivista Italiana Di Scienza Politica*. 2021. Vol. 51. Iss. 2. P. 231–249. <https://doi.org/10.1017/ipo.2021.20>.
8. Barabanshchikov V.A. Okulomotornaya aktivnost cheloveka kak predmet i metod psikhologicheskogo issledovaniya [Oculomotor Activity of a Person as a Subject and Method of Psychological Research]. *Aytreking v psikhologicheskoy nauke i praktike*. Otv. red. V. A. Barabanshchikov. M.: Kogito-Tsentr, 2015. 410 s. (In Russ.).
9. Demidov A.A., Ananyeva K.I. Okulomotornaya aktivnost pri vospriyatii lits: osnovnyye napravleniya issledovaniy [Oculomotor Activity in the Perception of Faces: the Main Directions of Research]. *Aytreking v psikhologicheskoy nauke i praktike*. Otv. red. V. A. Barabanshchikov. M.: Kogito-Tsentr, 2015. 410 s. (In Russ.).
10. Chan, J., Ryan, J.D. Holistic Representations of Internal and External Face Features are Used to Support Recognition. *Frontiers in Psychology*. 2012. Vol. 3. 87. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2012.00087>.
11. Vehlen, A., Spenthof, I., Tönsing, D., Heinrichs, M., Domes, G. Evaluation of an Eye Tracking Setup for Studying Visual Attention in Face-to-Face Conversations. *Scientific Reports*. 2021. Vol. 11. 2661. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-81987-x>.
12. Hsiao, J., Cottrell, G. The Influence of Number of Eye Fixations on Face Recognition. *Journal of Vision*. 2007. Vol. 7. Iss. 9. 494. <https://doi.org/10.1167/7.9.494>.
13. Althoff, R.R., Cohen, N.J. Eye-Movement-Based Memory Effect: a Reprocessing Effect in Face Perception. *Journal of Experimental Psychology. Learning, Memory, and Cognition*. 1999. Vol. 25. Iss. 4. P. 997–1010. <https://doi.org/10.1037/0278-7393.25.4.997>.
14. Schurgin, M.W., Nelson, J., Iida, S., Ohira, H., Chiao, J.Y., Franconeri, S.L. Eye Movements During Emotion Recognition in Faces. *Journal of Vision*. 2014. Vol. 14. Iss. 13. P. 1–16. <https://doi.org/10.1167/14.13.14>.
15. Malcolm, G.L., Lanyon, L.J., Fugard, A.J.B., Barton, J.J.S. Scan Patterns During the Processing of Facial Expression Versus Identity: An Exploration of Task Driven and Stimulus-Driven Effects. *Journal of Vision*. 2008. Vol. 8. Iss. 8. P. 1–9. <https://doi.org/10.1167/8.8.2>.
16. Stacey, P.C., Walker, S., Underwood, J.D.M. Face Processing and Familiarity: Evidence from Eye-Movement Data. *British Journal of Psychology*. 2005. Vol. 96. Iss.4. P. 407–422. <https://doi.org/10.1348/000712605X47422>.
17. Wedel, M., Pieters, R. Eye Tracking for Visual Marketing. *Foundations and Trends® in Marketintg*. 2008. Vol. 1. No. 4. P. 231–320. <http://dx.doi.org/10.1561/17000000011>.
18. Muñoz-Leiva, F., Hernández-Méndez, J., Gómez-Carmona, D. Measuring Advertising Effectiveness in Travel 2.0 Websites Through Eye-Tracking Technology. *Physiology & Behavior*. 2019. Vol. 200. P. 83–95, <https://doi.org/10.1016/j.physbeh.2018.03.002>.
19. Ababkova M.Yu., Rozova N.K. K voprosu o meste tekhnologii aytrekinga v rossiyskoy vysshey shkole [On the Question of the Place of Eyetracking Technology in Russian Higher Education]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2020. № 3(146). S. 44–48. (In Russ.).
20. Rozova N.K., Tanova A.G., Ababkova M.Yu. Metodika aytrekinga pri otsenke vospriyatiya glavnoy stranitsy sayta vuza [The Methodology of Eyetracking in Assessing the Perception of the Main Page of the University's Website]. *Sovremennyye naukoymkiye tekhnologii*. 2022. № 3. S. 174–179. <https://doi.org/10.17513/snt.39094>. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about authors

Розова Наталья Константиновна – кандидат экономических наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: nrozova@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-7403-7912

Абабкова Марианна Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры связей с общественностью Гуманитарного института, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ».

E-mail: miuababakova@etu.ru; ORCID: 0000-0002-6589-8523

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Rozova Natalia K. – PhD in Economics, Associate Professor, Higher School of Media Communications and Public Relations, Institute of Humanities, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: nrozova@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-7403-7912

Ababkova Marianna Yu. – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Public Relations, Institute of Humanities, Saint-Petersburg Electrotechnical University “LETI”.

E-mail: miuababakova@etu.ru; ORCID: 0000-0002-6589-8523

The authors declare no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.01.2023. Одобрена после рецензирования 28.01.2023. Принята 30.01.2023.
Received 25.01.2023. Approved after reviewing 28.01.2023. Accepted 30.01.2023.*

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ EURASIAN INTEGRATION

research article

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.12

Opportunities and Challenges in Malaysia's Economic and Trade Field in the Context of the Modern Eastern European Conflict

Wu Zihao ✉

Shenzhen University, Shenzhen, China

✉ wuzh915@foxmail.com

Abstract. *Malaysia is a resource exporting country and one of the Southeast Asian countries with the best economic recovery after the COVID-19 epidemic. The conflict between Russia and Ukraine (from February, 2022) to the global supply chain system has brought a huge impact, countries have encountered varying degrees of impact. The focus of this article is the process of economic recovery in Malaysia under the impact of the Russian-Ukrainian conflict, defining the opportunities and challenge. This paper argues that the conflict between Russia and Ukraine has brought Malaysia considerable gains in the foreign trade sector and opportunities for the latter to seek a higher market position in the global industrial chain, it also offers the prospect of greater cooperation among Malaysia's major powers. But Malaysia also faces the challenges of internal economic governance, internal political turmoil and fierce great power competition. How to deal with the challenges will be an important topic for the future development of Malaysia's economy and trade.*

Keywords: economic recovery; international market; internal governance; big country competition; Malaysia

For citation: Wu Zihao. Opportunities and Challenges in Malaysia's Economic and Trade Field in the Context of the Eastern European Conflict. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 1. P. 159–167. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.12.

© Wu Zihao, 2023. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

научная статья

УДК: 332.1

DOI: 10.48612/RG/RGW.26.12

Возможности и проблемы в торгово-экономической сфере Малайзии в контексте современного восточноевропейского конфликта

У Цзыхао ✉

Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь, Китай
✉ wuzh915@foxmail.com

Аннотация. Малайзия является страной-экспортером ресурсов и одной из стран Юго-Восточной Азии с лучшими показателями восстановления экономики после эпидемии COVID-19. Конфликт между Россией и Украиной (с февраля 2022 г.) оказал огромное влияние на глобальную систему цепочек поставок. В статье отмечается, что страны столкнулись с разной степенью воздействия кризисной ситуации. В процессе экономического оздоровления Малайзии под влиянием российско-украинского конфликта в центре внимания предлагается рассмотреть возможности и проблемы этого процесса. Автор утверждает, что конфликт между Россией и Украиной принес Малайзии значительные выгоды в секторе внешней торговли и возможности для последней занять более высокое положение на рынке в глобальной производственной цепочке. Последнее обстоятельство открывает перспективы более тесного сотрудничества между Малайзией и крупными державами. Страна сталкивается с проблемами внутреннего экономического управления, внутренними политическими беспорядками и жесткой конкуренцией. Как Малайзия справится с новыми вызовами будет являться важным условием для будущего развития экономики и торговли в регионе.

Ключевые слова: восстановление экономики; международный рынок; внутреннее управление; конкуренция; Малайзия

Для цитирования: У Цзыхао. Возможности и проблемы в торгово-экономической сфере Малайзии в контексте современного восточноевропейского конфликта // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 1. С. 159–167. DOI: 10.48612/rg/RGW.26.12.

© У Цзыхао, 2023. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

This paper studies the problems in Malaysia's economic and trade field in the context of the Russian Ukrainian conflict, and attempts to analyze the opportunities and challenges faced by Malaysia's economic and trade field in the context of the impact of the Russian Ukrainian conflict on the world economy and politics. Through the analysis of relevant documents, international trade practices and international politics, this paper points out that Malaysia will welcome the benefits of the foreign trade sector and wider and deeper international cooperation, and will also face the fierce competition of major

countries in Southeast Asia, as well as the challenges of Malaysia's internal economic and political governance.

Materials

The literature cited in this study shows Malaysia's political and economic situation, international strategy, trade practice after the Russian-Ukrainian conflict, as well as Russia's international strategy, the impact of the Russian-Ukrainian conflict on the world economy, etc. Through these literature materials, this paper attempts to analyze the impact of the Russian-Ukrainian conflict on Malaysia's economic and trade field.

Results

The outbreak of the Russian-Ukrainian conflict in early 2022 cast a shadow over the world economy, which is gradually recovering from the impact of the epidemic. The outbreak of the Russian-Ukrainian conflict has caused a global supply chain crisis at a time when the world is becoming increasingly interconnected. The shortage of important materials and the general rise in prices have brought many negative effects on the economic growth of all countries in the world. This has dealt a huge blow to the world economy, which has barely recovered from the covid-19 pandemic this year.

The conflict between Russia and Ukraine, the world's most important energy and food exporters, has triggered a global food and energy crisis. Blockades on land and sea transport prevent food from reaching its destination in time, and sanctions imposed on Russia by the United States and its allies prevent the flow of energy. Countries that depend on food and energy imports face higher production costs and lower yields, which have an impact on global supply chain systems and ultimately lead to price increases on a global scale.

Southeast Asia is one of the areas affected. In south-east Asia, most countries rely on exports of resources for economic growth. The Russia-Ukraine conflict has made the external economic and trade environment unstable, which has forced some Southeast Asian countries to lower their economic growth forecasts for 2022. Malaysia's central bank cut its growth forecast by just 0.2% to 5.3-6.3% from an earlier forecast of 5.5-6.5%. But in fact, the impact of the Russia-Ukraine conflict on Malaysia is more complicated than it seems [1].

1. The State of Malaysia's Economic Recovery

At the beginning of this year, economies in Southeast Asia began a steady recovery, according to the World Bank. Indonesian and Vietnamese output has already surpassed pre-pandemic levels, with Cambodia, Malaysia, Mongolia, the Philippines and Thailand expected to surpass pre-pandemic levels in 2022 [2] the Malaysian economy is forecast to grow at 5.8 per cent, making it one of the best-performing countries in south-east Asia to recover momentum [3].

In 2020, Covid-19 put Malaysia's economic growth at -5.6%, the steepest decline since the Asian financial crisis in 1998. Despite high vaccination 2021, the lifting of containment measures and the reopening of international borders and targeted policy measures, economic growth did not return to pre-pandemic levels. In 2022, the impact of the epidemic weakened, economic growth has a higher expectation, but there is also greater downward pressure [4].

The main sources of downward pressure on the economy are the Russian-Ukrainian conflict and dollar inflation. The conflict between Russia and Ukraine has hit the global supply chain and triggered a general rise in prices. The continuing inflation of the US dollar and the corresponding monetary policy have led to a further devaluation of the Malaysian currency. This has led to an unstable external economic and trade environment in Malaysia. In addition to external factors, Malaysia's internal political turmoil also poses challenges for economic growth. Since the 2018 Political changes, the Malaysian government has gone through three cycles, and the approaching elections in 2022 have led to more frequent and intense factional divisions and ethnic strife [5]. All these factors suggest that Malaysia's economic recovery is not as rosy as it seems.

2. Opportunities in the Area of Economy and Trade in Malaysia

The conflict between Russia and Ukraine has impacted the global supply chain, and the inflation caused by it has distorted the normal operation of the world economy and trade. In the short term, as a resource-exporting country, Malaysia has certain opportunities in the economic and trade fields. In the long run, there are also opportunities for cooperation between Malaysia and the major powers.

2.1. The Good News of the Foreign Trade Sector

In the short term, the Russo-Ukrainian conflict has brought some benefits to Malaysia's foreign trade sector. The conflict between Russia and Ukraine has

caused a spike in the price of crude oil, which has led to a surge in the price of palm oil, which is used to make biodiesel. At the same time, the conflict between Russia and Ukraine also indirectly led to the world's number one exporter of palm oil Indonesia banned its export of palm oil. This has pushed up international palm oil prices by 25-30% and kept them high until the third quarter of this year. As a palm oil exporter, this situation has led to a significant increase in the income of Malaysia's foreign trade sector. According to official statistics, palm oil exports in May Rose 38.85 percent from the previous month, and the trend continues [6]. Malaysia is also a net oil exporter, with the oil and gas sector contributing nearly 6.2 per cent of GDP. On the government's revenue side, every \$1 increase in the international price of crude oil generates an additional RM300M in tax revenue. Rising prices for palm oil and oil have helped fuel Malaysia's economic growth. At the same time, due to the impact of the war on the global industrial chain, Malaysia can also actively layout, fill the gap in the international market. Due to the rising prices caused by the war and the withdrawal of Indonesian palm oil from the international market, Malaysia needs to rapidly expand the production of palm oil and other related products and introduce a series of safeguard measures, to maximize global demand to achieve a higher market position. To win more space for future economic and trade development.

2.2. Wider and Deeper International Co-operation

In the long run, the Russian-Ukrainian conflict has also brought Malaysia more opportunities for cooperation at the national strategic level. From the perspective of Russia, as early as 1998 after the Asian financial crisis, Russia discovered the economic development potential of Southeast Asia. It has launched its Asia-Pacific strategy to compensate for Far Eastern Federal District economic imbalances and expand its influence among the region's major powers. After the Crimean crisis of 2014, the pace of Russia's "Pivot to the east" accelerated markedly [7]. At present, Russia's strategic cooperation in Southeast Asia is mostly in the field of arms trade and security, while cooperation in the economic field is minimal. After the Russia-Ukraine conflict, Russia will reduce its economic dependence on the west to a greater extent, and will pay more attention to the economic and trade cooperation in the Asia-Pacific region. The cooperation between Malaysia and Russia on arms sales and security is very

deep. Under the guidance of the balanced strategy of major powers, Malaysia is also keen to have more co-operation with Russia in other areas to hedge the Chinese Belt and Road strategy against the US Indo-Pacific strategy, in order to ensure its own survival and security and seek more room for development [8] in addition to cooperation with Russia, cooperation with China, the United States, Japan, Australia and other major powers will also be expanded and deepened in an increasingly competitive environment. It can be expected that after the Russia-Ukraine conflict, Malaysia and the major powers will have a broader and deeper space for cooperation.

Discussion

Against the background of Russia-Ukraine conflict, Malaysia's economic and trade development will also encounter no small challenges. Malaysia's internal political and economic governance problems, its external power fierce competition also caused trouble.

Internal Economic Governance

Malaysia's economic governance is particularly important in the face of widespread global inflation. Russia-Ukraine conflict and covid-19, under the influence of global prices generally rose. This year, the dollar's persistent inflation has triggered turmoil in the financial sector around the world. Malaysia has used loose monetary policy to stimulate the market in order to promote economic recovery, while the US Federal Reserve's tight monetary policy has led to a strengthening of the US dollar in the currency markets. Under the dual influence, the Malaysian ringgit continued to depreciate [9]. This will not only strengthen domestic inflationary pressures, but may also eliminate the benefits accumulated in the area of foreign trade during this period. Therefore, how to balance the use of monetary policy and economic revitalization measures is the key to economic governance in Malaysia.

In the face of huge global market demand, Malaysia's measures to expand production is not easy. In the production of palm oil, the biggest problem restricting its expansion is the shortage of labor force. Even before the Russo-Ukrainian conflict, Malaysia faced a labor shortage. As a result of the epidemic, government controls and border closures have prevented domestic and foreign workers from working, and the policy of bringing in foreign workers has not been effectively implemented. These problems make it very difficult to expand

production [6] in the face of the global demand, it is very important to solve the problems of the foreign workers and the problems caused by them, such as the problems of finance and the protection of the rights and interests of the foreign workers.

Internal Political Turmoil

Domestic political turmoil is also affecting Malaysia's economic and trade development. The political turmoil mainly came from ethnic strife and the split of political factions. In Malaysia, the different political demands of Malays, Chinese and Indians have intensified the competition between different political parties. At the same time, the division of political parties in Malaysia has made the whole political situation in Malaysia a fragmented pattern. [5] Before the 2022 general election, the political struggle in Malaysia will be more intense and fuller of uncertainty.

The Asia-Pacific region has always been one of the regions to which great powers attach great importance. In the great power competition in the region, ASEAN's balanced diplomatic strategy has obtained many benefits for it. But after the Russia-Ukraine conflict, it can be expected that great power competition in the region will become more intense. At a time when great power competition is low, ASEAN may be able to calmly pursue a great power balance strategy. But ASEAN may not be able to co-ordinate when great power competition is fierce. In the South China Sea, for example, this balance of powers is not working [10] there are potentially significant risks for Malaysia to continue to pursue its great power balancing strategy in the future.

Summary

The conflict between Russia and Ukraine has cast a shadow on the world economic development, and it has brought about the global supply chain crisis, which has brought about a great impact on the economies of all countries. Events such as the Russia-Ukraine conflict have taken a toll on Malaysia's economic recovery. As a developing country in Southeast Asia, the Russia-Ukraine conflict has brought Malaysia a lot of benefits in the foreign trade sector, and also brought the latter a chance to seek a higher market position in the global industrial chain, it also offers the prospect of greater cooperation among Malaysia's major powers. But Malaysia also faces the challenges of internal economic governance, internal political turmoil and fierce great power

competition. How to deal with the challenges will be an important topic for the future development of Malaysia's economy and trade.

REFERENCES

1. Lee, C. Uncertainties in Malaysia's Economic Recovery. *ISEAS – Yusof Ishak Institute*. 2022. No. 53. Available at <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2022-53-uncertainties-in-malysias-economic-recovery-cassey-lee/> (accessed: 22.01.2023).
2. Braving the Storms: Global Launch of the East Asia and Pacific Economic Update, April 2022. *World Bank Publications*. Available at <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/37097/9781464818585.pdf> (accessed: 20.01.2023).
3. Zainal Abidin R.D.N. Malaysia's Economy Continues to Soar. *China Investment*. 2022 (Z5), P. 38–45.
4. Liu Xinwei. RCEP is a Key Driver of Malaysia's Economic Recovery. *China's Foreign Trade*. 2022. Vol. 07. P. 68–69.
5. Fu Congcong. Malaysia: Review of 2021 and Prospect for 2022. *Crossroads: Southeast Asian Studies*. 2022. Vol. 02. P. 43–52.
6. Qian Xiaoyan. Malaysia Bucked the Trend by Increasing Palm Oil Exports to Grab Market Share. *Di Yi Cai Jing daily*, 2022-05-12, p. A05.
7. Østevik, M., & Kuhrt, N. The Russian Far East and Russian Security Policy in the Asia-Pacific Region. *Russia's Turn to the East: Domestic Policymaking and Regional Cooperation*. 2018. P. 75–94.
8. Su Yingying. Malaysia's Prudent Perception of and Proactive Response to China–US Strategic. *Southeast Asian Affairs*. 2022. Vol. 03. P. 96–111.
9. Visco, I. Monetary Policy and Inflation: Recent Developments. 30 september 2022. *Bank for International Settlements*. Available at <https://www.bis.org/review/r221003j.pdf> (accessed: 25.01.2023).
10. Koldunova, E. Which “ASEAN Way” Forward? Southeast Asian Perspectives on Peace and Institutions. *Palgrave Handbook of Global Approaches to Peace*. 2019. P. 517–548. Available at https://www.researchgate.net/profile/Alexander-Sergunin/publication/332549012_Russian_approaches_to_international_peace_security_and_institutions_Debating_within_IR_Schools/links/63b55991a03100368a51c757/Russian-approaches-to-international-peace-security-and-institutions-Debating-within-IR-Schools.pdf#page=569 (accessed: 228.01.2023).
11. Li Zhonglin, Chan Wei. US-Malaysia Maritime Security Cooperation in the perSpective of “Indo-Pacific Strategy”: Situation, Motivation and Restrictive Factors. *Journal of Dalian Maritime University (Social Science Edition)*. 2022. Vol. 04. P. 29–40.
12. Yi Xiaozhu, Li Xiao, Sheng bin, Yang Hongwei, Cao Baoming, Xu Poling. Impact of Russia-Ukraine Conflict on International Economic and Trade Landscape. *International Economic Review*. 2022. Vol. 03. P. 9–37.
13. Xiang Mengxi. What does a Rising Dollar Really Mean. *Jin Rong Times*, 008, 2022. P. 9.
14. Hoque, A., Hasanat, M.W., Shikha, F.A., Mou, B.I., Hamid, A.B.A. The Effect of Illegal Migrant Workers on Economic Development of Malaysia. *Journal of Economic Info*. 2020. Vol. 7(2). P. 85–93.

15. Adedoyin, F.F., Afolabi, J.O., Yalçiner, K., Bekun, F.V. The Export-Led Growth in Malaysia: Does Economic Policy Uncertainty and Geopolitical Risks Matter? *Journal of Public Affairs*. 2022. Vol. 22 (1). e2361.

Сведения об авторах / Information about authors

У Цзыхао – магистрант Колледжа экономики, Шэньчжэньский университет.

E-mail: wuzh915@foxmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Wu Zihao – master student of College of Economics, Shenzhen University.

E-mail: wuzh915@foxmail.com

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.01.2023. Одобрена после рецензирования 31.01.2023. Принята 08.02.2023.
Received 30.01.2023. Approved after reviewing 31.01.2023. Accepted 08.02.2023.*

«Россия в глобальном мире»

Том 26. Выпуск 1

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Лицензия зарегистрированного сетевого издания СМИ Эл № ФС77-84167 от 09.11.22

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор

Погодин С.Н. – ответственный редактор

Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала

Смирнова Л.В. – перевод на английский язык

Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать

Усл. печ.

Печать цифровая

Тираж

Формат 60x84/16

Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета

*В Издательско-типографическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29*

«Russia in the Global World»

Volume 26. Issue 1

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

License of the registered online media outlet El No. ФC77-84167 dated 09.11.22

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief
Pogodin S.N. – Executive Editor
Sidorchuk I.V. – Scientific Secretary of the Journal
Smirnova L.V. – the English Translation of
Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing
Conventional Printed Sheet

Format 60x84/16
Circulation

Order

*Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World» с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) ему присвоен номер ISSN 2304-9472.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики <https://russiaglobal.spbstu.ru/>. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить краткий обзор по тематике, при необходимости включая описание исследовательских методов и фактических материалов изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию материалов исследования в практике. Название статьи должно быть кратким и отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей 8–10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – двух; литературных источников – **не менее десяти**.

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (0,5–1 стр., актуальность, существующие проблемы); основная часть

(постановка и описание задачи, изложение материалов и суть основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., предложения, выводы).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 14, интервал – множитель 1,2; таблицы большого размера могут быть набраны 12 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,7 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,7 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1,3 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, контактные телефоны, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием новизны исследования и методов, использованных при его проведении; аннотация на русском языке и ключевые слова указываются через пробел ниже названия статьи;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке) не должны повторять название статьи;
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, в соответствии с техническими требованиями;
- **список источников** на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки.

Примеры оформления источников и транслитерации

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.

1. Borisov O.B., Koloskov B.T. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. 1945–1980. [Soviet-chinese relations. 1945–1980] 3-e izd., dop. M.: Mysl', 1980. 638 s. (In Russ.).

2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23.

2. Aleskerova N.E. Nekotorye svedeniya ob istorii i mirovozzrenii srednevekovogo sufij'skogo bratstva Halvatija. [Some information about the history and worldview of the medieval Sufi brotherhood Khalwatiyya]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Serija 13. Vostokovedenie i afrikanistika. 2011. Vyp. 4. S. 13–23. (In Russ.).

3. Президент России. Официальный сайт президента Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 24.07.2021).

3. Prezident Rossii. [President of Russia]. *Oficial'nyj sajt prezidenta Rossijskoj Federacii*. Available at <http://kremlin.ru> (accessed: 24.07.2021). (In Russ.).

4. Сысоева С.В. Использование цвета в рекламе // Сибирский торгово-экономический журнал. 2011. № 12. [эл. доступ]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (дата обращения: 25.07.2021).

4. Sysoeva S.V. Ispol'zovanie cveta v reklame [The use of color in advertising]. *Sibirskij trgovoj ekonomicheskij zhurnal*. 2011. № 12. Available at <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-tsveta-v-reklame> (accessed: 25.07.2021). (In Russ.).

Текст статьи должен содержать ссылки *на все источники* из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции <https://russiaglobal.spbstu.ru/>, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Гражданский пр., д. 28, Санкт-Петербург, 195220, Россия
Телефон: 8 (812) 606-62-42; e-mail: russiaglobal@spbstu.ru